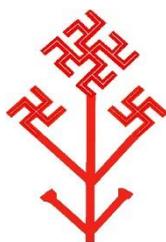


Российская академия наук  
Смольный институт Российской академии образования  
Русское Географическое общество

П. И. Кутенков, А.Г. Резунков

**ЯРГА-КРЕСТ И СВАСТИКА:  
НАРОДНАЯ ИСКОНЬ В НАУКЕ**



С.-Петербург

ББК 71.0

К 95

Печатается по решению

Факультета искусств Смольного института  
Российской академии образования

*Научный редактор* доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный работник культуры России, заведующий кафедрой Государственной морской академии им. адмирала С.О. Макарова. Профессор кафедры теории права и государства С. Петербургского университета МВД России *И.Ф. Покровский*

*Рецензенты:*

доктор юридических наук, доктор филологических наук, профессор, зам. декана факультета кинологии и безопасности, проректор по развитию Смольного института *Ю.П. Калюжин*

кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Российского этнографического музея *О.В. Лысенко*

кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой общественных дисциплин Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации *И.В. Горина*

кандидат исторических наук, этнолог, действительный член Русского Географического общества *С.В. Жарникова*

кандидат географических наук, доцент Российского Государственного педагогического университета им. А.И. Герцена *А.Н. Паранина*

кандидат культурологии, заместитель директора С. Петербургского государственного Музея-института семьи Рерихов по научной работе *В.Л. Мельников*

доктор педагогических наук, профессор Международной Славянской академии, директор художественной школы с. Петербурга *Н.И. Терехов*.

К 95 П. И. Кутенков, А.Г. Резунков **Ярга-крест и свастика: народная исконь в науке** — СПб.: 2014. — 172 с.

В научно-методическом пособии рассмотрены теоретические основы подходов и взглядов по исследованию ярги и свастики в русской народной культуре русской, советской и современной научной мыслью. Дан источниковедческий анализ работ по ярге и свастике. Показано место креста с загнутыми концами в научных методах изучения археологических и народных культур России. Представлена первая в мировой науке классификация яргических знаков и систем (образований). Показаны причины запрета ярги и свастики в коммунистическое время. Разработан метод установления причин и способов извращения нацистами святого знака ярги против человечности.

Пособие предназначено для правоведов, педагогов, обществоведов и культурологов. Изложенные материалы также представляют интерес для учителей, аспирантов, преподавателей истории, культуры, искусствоведения и других дисциплин, связанных с русской и русской народной культурой, индоевропеистикой, а также всех интересующихся знаками народной культуры.

Работа предназначена для подготовки экспертных заключений по яргическим образованиям.

ББК 71.0

ISBN 978-5-9676-0638-0

© П. И. Кутенков, 2014

© А.Г. Резунков, 2014

© Смольный институт РАО

## Оглавление

<i>О.В. Лысенко. О научном восприятии ярги и свастики</i> .....	4
<b>Предисловие</b> .....	6
<b>Глава 1. Использование и изучение яргических знаков и яргических образований в русской народной культуре</b> .....	9
1.1. Изучение яргических знаков и яргических образований в русской народной культуре.....	9
1.2. Ярга и яргические образования в русской научной мысли 19 — начала 20 века.....	24
1.3. Отношение к ярге в России начала 20 века – времени государственного крушения.....	45
1.4. Запрет использования и изучения ярги-креста и свастики.....	50
1.5. Исследование яргических знаков в коммунистическое время запрета.....	64
1.6. Новая волна исследований яргических знаков с конца 20 века.....	101
1.7. Научные работы, непосредственно посвящённые исследованию ярги и свастики.....	101
1.8. Ярга – знакообразующая основа узорочья русской народной культуры.....	103
<b>Глава 2. Круг-ромб, круг-кольцо и несостоявшаяся попытка нацистов опорочить яргу и свастику</b> .....	105
2.1. Круг-ромб в русской народной культуре.....	105
2.2. Равноконечный крест с загнутыми концами в чёрно-магическом круге-кольце в знаках германского нацистского государства.....	107
2.3. Разгадка тайны круга.....	108
2.4. Круг-кольцо в русской народной культуре.....	113
2.5. Знаковость круга-ромба и круга-кольца в русской народной культуре.....	134
<b>Глава 3. Классификация яргических знаков и яргических образований</b> .....	138
<b>Заключение</b> .....	155
<b>Список сокращений</b> .....	156
<b>Литература</b> .....	157

## О научном восприятии ярги и свастики

*О.В. Лысенко*

В современной общественно-политической жизни ярга и свастика превращены в наиболее мифологизированный знак. Отношение к нему в общественном сознании второй половины 20 в. было сложено на общем поле преступлений нацизма против человечества и, в первую очередь, мирового славянства. Внимательное обращение к символике нацизма обнаруживает целый ряд знаков, которые не в меньшей, а может быть в большей степени идеологизировались в Третьем рейхе. К ним относится понятие Бог. На пряжках нацистов утверждалось «с нами Бог». В духовном отношении этот языковый знак-образ первой половины 20 в. был существеннее для многих бойцов вермахта и окружающих людей иных народов. Однако сегодня не у кого не возникает желания запретить Бога. Существуют и другие знаки, использованные нацистами в достижении своих гнусных целей, которые истонно воспринимаются как священные образы всех восточных славян и государствообразующего народа современной России.

Нацистский режим использовал крест с загнутыми концами – яргу-свастику – в своих подлейших целях. Ярга – это знак многих древних и современных культур и народов. Истонно его смыслы связываются с благопожеланием, отвращением несчастья, созиданием светлого будущего и нацелены на добро. В каждое историческое время, у каждого народа и культуры смыслы креста-ярги имеют свои особенности, не выходящие за рамки его священных значений.

Крючковатые кресты в истории науки и современных исследованиях занимают одно из ведущих мест по целому ряду научных направлений, связанных с изучением древнейших, древних и современных культур и народов. Нельзя представить археологию, этнографию, искусствоведение, культурологию без восприятия этого знака в качестве этно- и родокультурного признака.

Приходится сожалеть, что отдельные исследователи, политологи, журналисты продолжают ту же нацистскую линию на извращение смыслов креста с загнутыми концами. Их желание подыграть современным идеологизированным течениям не способствует выздоровлению общества, общественных отношений и глубокому осмыслению значимостей ярги в научных исследованиях.

В целом подготовленная научно-методическая работа раскрывает широкий круг научных взглядов, подходов, идей и методов, разработанных русской научной школой по использованию ярги и свастики в изучении индоевропейского культурного наследия и их значения для осмысления культур других народов.

## Предисловие

Произошедшая резкая смена общественно-экономической и политической системы России последних десятилетий повлекла за собой коренные изменения во многих областях жизни русского народа. Началось новое время в жизни государства, русского народа и его культуры, а также других народов. Она затронула и знаково-образную область государственной и общественной жизни. В последние десятилетия стала постепенно изменяться русская и российская государственно-культурная знаковость с её смыслами и ценностями, возвращающими сущность самосознания народа. Состояние переживания переходности нашей эпохи, осложняемой глобализацией, обострило у современников чувство исторического времени, пробудило интерес к поиску народной и культурной идентичности, заставило переосмысливать многие стороны материального и духовного наследия народов России. Осознание глубокой древности, своеобразия и самобытности культурного наследия русского народа позволяет и дальше рассматривать жизненные и культурные намерения русских как государствообразующего народа России. Рост самосознания и возрождение народной культуры служат истоками, сдерживающими условиями ухудшающегося воспроизводства новых поколений русского народа. Они – основа сохранения идентичности народа в условиях культурных войн современности.

Устойчивость воспроизводства народа и его жизнестрой связаны с сохранением исконного знания культуры. В этом контексте востребованность научных знаний о знаках народной культуры обуславливается необходимостью осмысления особенностей и закономерностей развития культуры, использования наследия предков в современном общественно-

культурном пространстве. Этим объясняется своевременность исследования знакового пространства русской народной культуры, его знаковых образований (систем).

Особенностью нашего времени в отношении знакового пространства наследия культуры стало возрождение целого ряда знаков – Бог, вера, грех, святой, крест, ярга, свастика, церковь и др. – находившихся длительное время под запретом. Как к ним сегодня относиться? Вопрос решает каждый человек лично или же с помощью семьи, общины, культуры своего народа, образования. Если ряд коммунистических стереотипов отношения к наследию своего народа частично сняты с остроты повестки дня общественного поведения, то некоторые запреты продолжают сказываться в сознании отдельных личностей.

В ряду запрещённых и извращённых смыслов о знаке культуры русского народа стоял с 1922 года крючковатый крест – ярга, известный также под не славяно-русским именем «свастика». В его отношении всё ещё остаются коммунистические стереотипы ненависти и ксенофобии, другие же люди не учитывают наследия предыдущего времени истории России. Возникают сложные отношения, как в молодёжных коллективах, так и среди граждан, требующие правильных правовых или педагогических решений. И здесь правовед, учитель, преподаватель должен обладать необходимыми знаниями для освещения вопроса.

Ярга (свастика) имеет длительную историю изучения русской научной школой по различным направлениям: археология, история, народная культура, искусствоведение, живопись, архитектура и другие. Её изучение входило в университетские дисциплины. Но главное, что знак на землях Руси-России в культуре русского народа непрерывно существует тысячелетия. Самые древнейшие предметы с яргическими знаками, датируемые палеолитом (18 – 22 тыс. лет до

н.э.) найдены в Черниговской губернии в конце 19 в. В начале 20 века знак повсеместно бытовал в культуре русского народа, в русской культуре. Сегодня в России существуют многие крестьянские родовые культуры, где яргу благоговейно почитают, также как и предыдущие поколения.

Существующий запрет на нацистскую символику определяет схожесть до смешения, и совершенно правильно ставит вопрос о запрете таких знаков. Вместе с тем возникают острые вопросы разграничения внешнего и внутреннего содержания нацистских и исконных славяно-русских знаков. Их острота определяется, прежде всего, слабой научно-методической базой изучения данных вопросов, отсутствием подготовки специалистов в областях народной культуры и политической деятельности.

Понимание знаковости, означивание знаков, постижение знамений в русской народной культуре созвучно их пониманию нынешнему законодательству. Знаки народной культуры не могут служить тёмным силам и никогда не находились на службе тёмных сил сего мира. Вследствие этого необходимо различать древнейшие начертания каких-либо знаков индоевропейских культур, общечеловеческих знаков от их искажённых реплик в политической области, смыслы и образы которых, как правило, извращаются замыслами лиц их начертавших.

Методическое пособие написано на языке, доступном для специалистов различных научных направлений и уровней подготовки.

## **Глава 1. Использование и изучение яргических знаков и яргических образований в русской народной культуре**

### **1.1. Изучение яргических знаков и яргических образований в русской народной культуре**

В исследовании яргических знаков русской народной культуры использован ряд важных понятий, имеющих в науке различные определения. Ключевыми понятиями данной работы являются понятия «культура», «народная культура», «русская культура», а также «знак» и «знаковая система».

Культура понимается здесь как целостный «родовой способ бытия человека в мире» или как «совокупности искусственных порядков и объектов, созданных людьми в дополнение к природным, заученным формам человеческого поведения и деятельности, обретенных знаний, образов самопознания и символических обозначений окружающего мира» [Флиер А.Я., 1998, с. 336]). Оба определения подобны по смыслу и взаимодополняются по содержанию.

Культура сама себя не создаёт. Она всегда творится какой-либо конкретной историко-социальной общностью (родом, племенем, народом, нацией, и т. д.). С развитием общества культура дифференцировалась по социальным, политическим, конфессиональным и иным признакам, превращаясь в сверхсложную систему. К важным функциональным особенностям культуры относятся такие её свойства, как способность к самообновлению, постоянному порождению новых форм и способов удовлетворения интересов и потребностей людей. В динамике культуры можно установить несколько основных типов порождения и существования культурных явлений. Среди них выделяется собственно культурогенез – процесс порождения и включения в социальную

практику новых форм культуры. Важнейшее место занимает наследование традиций – процессов межпоколенной трансляции и воспроизводства, что определяет преемственность исторического и социального опыта людей и позволяет осуществлять воспроизводство их сообществ как устойчивых социальных типов. Не менее **важным свойством культуры является её функционирование в качестве основания для самоидентификации общности (этноса или народа) и его членов.**

Понятие «народная культура» не имеет устоявшегося определения, и исследователи обозначают этой категорией культурные пласты разных эпох от глубокой древности до настоящего времени. Считается, что народная культура по содержанию в значительной мере совпадает с этнической или национальной.

Рассматривая всю культуру народа в целом и в ходе её исторического развития, учёные выделяют в ней два резко различных русла творчества – *«народное творчество, фольклор»* и *«профессиональное искусство»* [Каган М.С., 1972, с. 194]. Для решения задач исследования нам в большей степени будет интересно народное творчество. Одни учёные относят к фольклору почти все формы деятельности народных масс, «всю народную культуру»; другие ограничивают его только устно-поэтическим творчеством [Гусев В.Е., 1967). Б.Н. Путилов выделяет пять существующих подходов по определению содержания фольклора: от словесности до всей совокупности форм традиционной культуры<sup>1</sup> [Путилов Б.Н.,

---

<sup>1</sup> Учёный так выделяет пять позиций по отношению «к объёму, границам, пониманию фольклора:

1. Фольклор включает всю совокупность, всё многообразие форм традиционной культуры.

2. К фольклору относится весь комплекс традиционной духовной культуры, реализуемый в словах, идеях, представлениях, звучаниях, движениях, действиях.

3. Фольклор включает только комплекс явлений духовной культуры, относящихся к искусству.

1994, с. 23, 24]. Мы включаем в содержание понятия «фольклор» не только устно-поэтическое, но и музыкальное и танцевальное творчество, а также весь круг пластических искусств. Орнаментально-архитектонические и изобразительные формы народного творчества относятся к пластическому фольклору.

По своему характеру народное творчество и исторически, и содержательно близко к первобытному искусству, хотя при этом фольклор имеет отличия, обусловленные длительным развитием, иными условиями его существования. Это позволяет считать, что изначально границы между художественной и жизненно-преобразующей, коммуникативной, религиозной и другими областями человеческой деятельности в народной культуре весьма расплывчаты, неопределённы, а подчас и неуловимы. В народной культуре трудно определить различия между художественным и бытовым, словесным и музыкальным. Нередко бытовое и обрядовое в ней не отделено от историко-сказочного. Явления народной культуры синкретичны, неразделимы [Гусев В.Е., 1967. с. 69–90]. Этот взгляд на народную культуру позволяет изучать многие явления как изначально ей принадлежащие. Вопрос, однако, в том, все ли явления народного творчества в культурогенезе русского этноса можно рассматривать в таком видении?

В истории отечественных общественных наук особое значение имел вопрос о народности русской культуры (соотношение в ней народного и национального). Его обсуждение начиналось в 19 столетии с трудов И.П. Сахарова и И.М. Снегирёва, которые в понимание «народность культуры» вкладывали те её проявления (обряды, обычаи, словесность, лубок), в основе которых лежало дохристианское мировоззрение. Поэтому средневековая культура Руси от княжеско-

---

4. Фольклор – это, в первую очередь, сфера словесного искусства.

5. К сфере фольклора относятся явления и факты вербальной духовной культуры во всём их многообразии» (Путилов Б.Н., 1994, с. 23, 24).

боярского до крестьянско-ремесленного сословия считалась единой и относилась ими к русской народной культуре. Присутствовавшая в ней христианская составляющая, по мнению советских учёных, не вытесняла «родноверие»<sup>2</sup>, не изменяла его сущности, она наслаивалась на исконную культуру, создав известный «симбиоз двоеверия» (Рыбаков Б.А., 1988). Применительно к Средневековью в подобном плане народную культуру рассматривает и А.Я. Гуревич, указывая на такой её элемент, как взаимовлияние и даже взаимопроникновение фольклора и других субкультур Средневековья: «То, что называют фольклорной, или народной культурой, отнюдь не было чуждо образованной части общества, в том числе и духовенству» [Гуревич А.Я., 1984]. С другой стороны, им отмечается, что и «беспримесной» народной культуры в средние века не существовало. Известны слова краковского епископа Матвея, сказанные в 12 в.: русский народ «...Христа лишь по имени признаёт, а по сути в глубине души отрицает». Через три столетия кардинал д' Эли сообщал в Рим: «Русские в такой степени сблизили своё христианство с язычеством, что трудно было сказать, что преобладало в образовавшейся смеси: христианство ли, принявшее в себя языческие начала, или язычество, поглотившее христианское вероучение» [Смирнов М., 1868, с. 161).

---

<sup>2</sup> В науке нет однозначного отношения к таким общим понятиям, как **вера**, **родноверие**, **двоеверие**. В последнее десятилетие в ряде исследований по современным проблемам социологии, политологии, истории и культурологии используется понятие «родноверие» как синоним язычества. При этом не все учёные склонны отождествлять язычество с родноверием. А.И. Введенский с философских позиций обосновал, что неверие, т. е. атеизм, есть вера. Вера в то, что Бога нет. Любая вера во что-то, отрицание чего-либо, что нельзя доказать однозначно, — это вера. Полагаем, что теоретические рассуждения А.И. Введенского в статье «Судьба веры в Бога в борьбе с атеизмом» предоставляют достаточные основания считать язычество верой, родной верой, т. е. верой в не меньшей степени, чем вера — атеизм [Введенский А.И., 1996]. Поэтому в нашей работе, исходя из сущности понятия «двоеверия», а также принимая во внимания рассуждение А.И. Введенского, мы полагаем «язычество» и «родноверие» близкими понятиями.

Разделение русской культуры петровского времени на две через отличие «образов жизни» подчеркивал А.С. Пушкин: «Народ упорным постоянством, удержав бороду и русский кафтан, доволен был своею победой и смотрел равнодушно на немецкий образ жизни обритых своих бояр» [Пушкин А.С., 1949, с. 14]. На подобных позициях стояли и славянофилы, трактовавшие средневековую русскую культуру как исконно народную, а «новую культуру», насильно навязываемую Петром I княжеско-дворянскому сословию, — как чуждую, не имевшую народных корней [Щербатов М., 1858]. Разграничение в культуре народного и инородного по социальному показателю провели революционеры-демократы 1860-х гг. Под русской народной культурой они в первую очередь понимали исконную культуру крестьянства, т. е. культуру сословия, сохранявшего в своих обрядах, обычаях и общинных отношениях известное родноверческое мировоззрение. Поэтому признание равенства между понятиями «средневековая» и «крестьянская» культуры в науке имеет известное распространение. Рассматривая влияние социальных низов на культурогенез средневекового общества в Средней Руси (время укрепления и объединения Московского государства в пору позднего Средневековья), Т.Н. Арцыбашева отметила, что морально-нравственной «опорой объединительной политики оказались не амбициозные верхи, а городские ремесленные низы и растущее сельское население» [Арцыбашева Т.Н., 2003, с. 156]. Соглашаясь с Т.Н. Арцыбашевой, мы с определёнными оговорками можем культуру всех социальных слоёв русского народа до времени петровских перемен считать единой культурой, основным источником которой можно найти в народном мировоззрении.

Определяющей чертой русской народной культуры в петровское и послепетровское время, согласно взглядам большинства учёных раннего советского времени, выступает

её самобытность по отношению к культурам Византии и Западной Европы. При этом в культуре социальных низов они отчётливо выделяли культуру крестьянства, как это, например, делал В.С. Воронов. Отделяя от крестьянского творчества «поверхностное», наносное, он считал его идеалом, образцом языческой культуры, языческих культов, воплощением древнего мировоззрения и уклада жизни [Воронов В.С., 1924; 1972]. Известное разделение русской культуры на две по классовому признаку осуществлялось многими советскими исследователями.

Каково же соотношение старого (народного, слившегося с крестьянским) и нового в послепетровской культуре России? Новая русская культура, становление которой так и не смогло завершиться в 20 в., не вызывалась нуждами крестьянского производства и какой-либо недостаточностью духовной жизни народа. Крестьянская материальная и духовная культура была по-своему развитой и обеспечивала жизнедеятельность всего крестьянского мира, его членов, общинных и семейных ячеек, она удовлетворяла их духовные потребности. Оценивая все обстоятельства развития русской культуры в 18 в. и влияние крестьянства на её характер, советский историк Б.И. Краснобаев писал, что «крестьянская культура становилась одним из самых полнокровных источников, которые питали складывающуюся национальную культуру» [Краснобаев Б.И., 1978, с. 30]. Из крестьянской среды Нового времени вышло много талантливых людей, среди них гениальный М.В. Ломоносов и Ф.И. Шубин, ставший одним из выдающихся русских зодчих. Следующий век породил уже гораздо большее количество талантов из крестьянской среды, которые влились в ряды художественной творческой интеллигенции и учёного мира России. Однако культурное влияние на творчество всей интеллигенции самого многочисленного — крестьянского сословия — этим не ограничивалось.

Более существенным было то, что самобытное народное творчество, во многом базирующееся на дохристианском мировоззрении, оказывало духовное воздействие на множество творческих достижений интеллигенции. Так, например, в области архитектуры исследователи усматривали использование особой традиции, представленной деревянным народным зодчеством, которая благотворно влияла на профессиональное искусство, а орнаментика архитектуры в ней полностью строилась на древних народных узорах [Даль Л.В., 1876]. Уже наша современность показала, что общие идеи и предельные ценности народной культуры остаются востребованными и переходят сегодня в область профессиональной деятельности специалистов различных областей.

Таким образом, под русской исконной культурой в настоящей работе понимается единое крестьянское творчество, осуществляемое в большинстве своём на основе дохристианского мировоззрения, традиции которого простёрлись в последующие века и в той или иной степени повлияли на профессиональные формы творчества. Понятие «народная культура» сегодня включает в себя не только творчество крестьян, но всех слоёв народа, использующих образы и ценности многовековых традиций славяно-русских общностей, обогащая их содержание. Рассматриваемые в работе многие составляющие русской культуры Нового времени, часто не связанные в явном виде с дохристианскими народными представлениями, на знаково-символическом уровне несут в себе в той или иной мере «печать языческой народности» и «двоеверия» [Рыбаков Б.А., 1988].

Изучение яргических знаковых образований (систем) в историко-культурном отношении требует определённых теоретических оснований, касающихся понимания сущности знаков и знаковых систем, а также особенностей их графики,

начертания. Исследование знаков и знаковых систем в значительной мере осуществлялось отечественными и зарубежными учёными. В этом отношении показательны труды отечественных исследователей, в основном представленные тартуско-московской семиотической школой (Ю. М. Лотман, В.В. Иванов, В.Н. Топоров, Ю.С. Степанов, Б.А. Успенский и др.), а также зарубежных учёных: Ч. Морриса (Основания теории знаков), Ч. Пирса (Логические основания теории знаков), Ф. де Соссюра (Курс общей лингвистики). Они показали, что знаковые средства и накапливаемые с их помощью сведения – всеобщие компоненты культуры. Учитывая это, культуру можно рассматривать как мир знаков, с помощью которых народом, обществом накапливаются сведения. Такой подход к пониманию культуры определяется как информационно-семиотический.

С общенаучных позиций, знак — это материальный, чувственно воспринимаемый предмет, явление, действие, который выступает как представитель другого предмета, свойства или отношения. Знаки делятся на языковые и неязыковые. Считается, что понимание знака невозможно без выяснения его значения [Сов. энци. слов., 1990, с. 470]. В современном философско-культурологическом понимании знак — специфическая модель описания результатов человеческой деятельности. Собственно знак признаётся сложной системой, состоящей из двух членов: того, что означивается (означающее), и того, что значит (означаемое) [Докучаев И.И., 1999, с. 11]. Очевидно, что для «простых» графических знаков (крест, квадрат, круг, свастика) означающее — это начертание, изображение знака, материя знака, а означаемое — это его действительность, смысл. Однако не все учёные принимают такое толкование знака. Так, О.М. Ноговицын пишет, что «увидеть предмет и понять увиденное – одно и то же» [Ноговицын О.М., 1991, с. 3]. Объект, заместителем которого

является знак, называется денотатом. **Знак является именем этого объекта.** Сведения, сообщения о действиях, процессах, выражаемых знаком, являются его значением (содержанием, смыслом). **Содержание знака не всегда только ограничивается именованим денотата, оно может содержать и другие смыслы.** В ходе человеческого общения, исторического развития знак может получать дополнительные значения, зачастую имеющие объёмный характер. Помимо смыслового и предметного значения знак может выражать определённые чувства, эмоции, настроения.

В 20 столетии выявились два взгляда на связь знака с обозначаемым им объектом. Они имеют свою историю. Так, Ф. де Соссюр считал, что знак и объект, им обозначаемый, между собой никак не связаны, имеют произвольное соотношение. Это положение приводит к тому, что смысловое содержание одного и того же знака может сильно изменяться в различных субкультурах. Однако в последующем этот взгляд на «несвязанность знака с обозначаемым» был отвергнут его учеником Э. Бенвенистом. Он писал, что «связь между означающим и означаемым не является произвольной; наоборот, эта связь необходима» [цит. по И. Лейтане, 1998, с. 61]. Взгляды Э. Бенвениста (1995), подкреплённые существенным исследовательским материалом и итоговыми положениями, полученными на основе изучения древнего материала индоевропейских языков и мифов, были положительно восприняты многими современниками<sup>3</sup>. Нам представляется, что Э. Бенвенист показал не только единство смысла имени и знака, но и выявил на уровне современной науки неразрывность для архаических культур понятий знака, символа и имени. Это важно для понимания феноменов народной культуры. Для человека дописьменных времен связь между именем и обо-

---

<sup>3</sup> Впервые идею о связи народного названия знака и его изображения, начертания выдвинул Ф.К. Волков (1878). Плодотворно теория знака, имени и мифа развивалась в прошлом столетии А.Ф. Лосевым (1982; 2001).

значаемыми им вещью и действием является не произвольной, а действительной, материально и духовно ощутимой. Для него действия с предметами равносильны действиям со словами, вот почему имя, понятие составляют существенную часть того, что обозначается. С таких позиций установление значений и смыслов местных имён знаков выдвигается сегодня на первый план.

Существует проблема различения знака и символа, выявленная Платоном. Она заключается в необходимости различения знака и знамения при познании сущности предметов, явлений. Сущностному различению знака и знамения до середины 20 в. особого значения не придавали. Очевидно, что полностью эта проблема не разрешена ещё и сегодня, хотя уже наметились существенные сдвиги [Фадеева И.Е., 2003]. Указанная проблема из философии и семиотики перенесена в культурологию, где представления о знаке и символе переплелись теснейшим образом. Многие культурологи считают, что знак как представитель определённой совокупности явлений может быть представлен в виде символа, где последний понимается как знак, который не просто указывает на изображаемый объект, но выражает его смысл [Штомпель Л.А., 2003, с. 125]. В другом источнике даётся иное понимание: знак тесно связан с символом; «символ в искусственных формализованных языках – понятие тождественное знаку»; «в эстетике и философии искусства – универсальная категория, отражающая специфику образного освоения жизни искусством – содержит элемент художественного произведения, рассматриваемый в своём знаковом выражении»; в ряде работ понимание символа осуществляется через знак [Шейкин А.Г., 1998 а, с. 199; 1998 б, с. 222]. Символ, *symbolon* – в переводе с греческого – знак, примета, опознавательная примета. В русском языке: «знак – признак, примета, отличие;

предзнаменование; обнаружение чего-либо; чувственное доказательство, свидетельство» [Даль В.И., т. 1. 1994, ст. 1713].

Слово «знак» образовано от глагола «знать», который в основе своей созвучно с индоевропейским *g'nō-* (*g'en-*), что трактуется как два созвучных корня со значениями «знать» и «рождать». По мнению В.Н. Топорова, у праславян «главным знаком, знаком по преимуществу, был именно детородный знак и *znak* с исключительной большей вероятностью обозначал именно линг как *agens'*а рождения, неотделимого от инструментально-активного средства рождения» [Топоров В.Н., 1991, с. 15]. На это указывают производные от него слова: «познать» — осуществить соитие с женщиной; простонародное «спознаться» — жить половой жизнью без свадьбы. Знак несёт в себе изначальные смыслы зарождения, порождения, плодородия. С другой стороны существует глубинная связь проблемы возникновения знака с проблемой осознания человеком своей смерти. О. Шпенглер писал, что «каждая большая символика принаравливает свой язык форм к культу мёртвых, форме погребения, украшению гробницы. ...Каждая новая культура пробуждается вместе с неким новым “мировоззрением”, т. е. внезапным взглядом на смерть как на тайну увиденного мира» [Шпенглер О., 1993, 327, 328]. Таким образом, **в изначальном понимании знака содержатся взаимосвязанные и взаимоисключающие смыслы рождения и смерти**, что определяет символическую сущность знака. В живом великорусском языке 20 столетия существует широчайший круг значений и смыслов слова «знак», которые также дают основания считать его одновременно знаком и символом [Даль В.И., т. 1. 1994, ст. 1713]. С точки зрения языковых понятий нет различия между знаком и символом. Однако различие между знаком и символом исследователи увидели в ходе развития философии и языкозна-

ния, становления науки о знаках, что и поставило вопрос о чётком разграничении категорий знака и символа.

Подводя итоги изучения символа в рамках разнообразных подходов, Ю.М. Лотман отметил наличие двух типов его возможного истолкования. Символ, во-первых, может быть понят как **знак высшей, внезнаковой реальности** (выд. мной — *П. К.*), во-вторых, как знак, значением которого является знак другого ряда или другого языка [Лотман Ю. М., 1992, с. 191, 192]. Если с точки зрения категории символа такое осмысление и недостаточно [Фадеева Е.И., 2003, с. 2], то с позиции исследования народной культуры оно открывает широкий простор изучения знака. Рассматривая символ в системе культуры, Ю.М. Лотман пришёл к выводу, что их стержневая группа действительно имеет глубокую древнюю природу и «восходит к дописьменной эпохе, когда определённые (и, как правило, элементарные в начертательном отношении) знаки представляли собой свернутые мнемонические программы текстов и сюжетов, хранившихся в устной памяти коллектива». С другой стороны, их инвариантная сущность реализуется в тех изменениях, которые возможны в данном культурном контексте [Лотман М.Ю., 1992, с. 193].

Можно полагать, что итог выяснению различий между знаком и символом в архаических культурах подвёл М.С. Каган в монографии «Морфология искусства». Он пишет, что «образ зверя — это модель тотемного животного, образ женщины — это воплощение мифологического персонажа, и орнаментальный узор на сосуде, на оружии или на лице охотника — это **знак культового смысла** (выд. мной — *П. К.*), загадочный или бессодержательный только для непосвященных» [Каган М.С., 1972].

Поэтому в исследовании начертательных знаков народной культуры, возникших в дописьменное время, целесообразно говорить прежде всего об их знаковом содержании и

только потом – о знако-символическом, учитывая, что в ходе культургенеза они будут приобретать и другие сходные значения.

Под знаковой системой понимается совокупность знаков (чаще всего однотипных), обладающая внутренней структурой, явными (формализованными) или неявными правилами образования, осмысления и употребления её элементов и служащая для осуществления индивидуальных и коллективных, коммуникативных и трансляционных процессов. Знаковые системы составляют основу языка культуры, к ним относится и текст как лингвистическое явление. Знаковые системы классифицируются по типам составляющих их знаков: вербальные (звуко-речевые), жестовые, графические, иконические (изобразительные), образные. Свастика и ярга относятся к иконическим, изобразительным типам знаков. Изобразительные (от — "изображение", "начертание") — это знаки-образы. Их определяющей чертой является сходство с тем, что они обозначают. Такое сходство может иметь разную степень тождества (от отдалённого подобия до изоморфизма). Яргический знак-знамение имеет предельную степень обобщённости в соотношении планов содержания и выражения.

Взаимообусловленность составляющих народного творчества дает основание рассматривать их как целостное историко-культурное образование и избрать для исследования системный подход. Этот подход позволяет рассматривать народную культуру как сверхсложную систему, элементы которой находятся в единстве и образуют своим взаимодействием целостность, в контексте которой имеет смысл каждый элемент. По этому поводу П.Г. Богатырёв писал, что «отдельные виды народного искусства органически связаны между собой и составляют единое целое, единую художественную структуру» (Богатырёв П.Г., 1971, с. 430). Проник-

новение в знаковую систему народного искусства как исторического явления предполагает понимание сложности этой системы и подразумевает необходимость её изучения в единстве всех видов: словесности (словесного — с его разнообразными устно-поэтическими формами — мифами, сказками, былинами, пословицами и др., — песенно-музыкального, танцевального) и пластического (узорного, архитектурного, изобразительного), а также искусственных видов (актёрского, театрального, хореографического и т. п.).

Одно из понятий, малоизвестное, но непосредственно связанным с яргой и её запретом на изучение, связано с родозгонией. Следует подчеркнуть, что многие пробелы, связанные с пониманием яргических знаков, с восстановлением их значения в культуре, для общественного сознания могли быть уже разрешены к настоящему времени, будь на то соответствующее внимание науки к теме родозгонии славяно-русов. Однако односторонность разработки темы родозгонии свидетельствует о незавершённости, а точнее, её слабой изученности. Отсутствие удовлетворительного понятийного словника и непосредственная связь родозгонии с запретом и искажением всего, что связано с яргой, заставляет нас кратко остановиться на понятии родозгонии.

Родозгоние — целенаправленная деятельность по уничтожению славяно-русского народа (восточных славян), осуществляемая двумя способами: уничтожение духовной и материальной культуры, исторической памяти в течение длительного времени (десятки и сотни лет) и массовое физическое уничтожение самих носителей различными видами оружия.

В 1980-90 гг. при осуществлении разрушения СССР-России в литературе были показаны многие примеры родозгонии славяно-русов в 20 ст. В большинстве своём они касались только физического уничтожения. К основным спосо-

бам физического уничтожения русского народа в 20 столетии можно отнести: две мировые войны (Первая мировая и Великая Отечественная), Гражданская война, Голод 1921–1922 гг., расказачивание и раскулачивание, Гладомор 1932–1933 гг., Голод 1947–1948 гг. и другие мероприятия тёмных сил, сил низшей природы по уничтожению его и других народов России. Движение нарастания физического уничтожения, расстрела православно-христианского клира РПЦ показывается так: за 1922 г. 8 тысяч уничтоженных; с 1924 по 1936 гг. репрессии 50 тысяч служителей этого культа; за 1937 г. расстреляно 85 300 представителей РПЦ; за 1938–1941 гг. уничтожено 25 400 человек. Потери русского народа от родозгонии составляют десятки миллионов людей.

Однако следует подчеркнуть, что наиболее опасной составляющей родозгонии, её суть, это уничтожение духовных основ культуры народа: его веры, обычаев и обрядов, прежде всего связанных с законом русского духа, в том числе знаковой культуры. Знаковость, связанная непосредственно с духовной культурой, подверглась жесточайшему искоренению. Следует подчеркнуть, что причиной запрета ярги и свастики для тёмных сил послужило одно: знак выражал светлые духовные силы народной культуры восточных славян.

Другой родозгонический удар по культуре восточных славян, о котором сегодня почти ничего неизвестно, предлагал Луначарский в 1932 г. Он предложил партии большевиков кириллицу заменить латиницей, что вело к лишению славяно-русов письменности, лишению письменной истории последнего тысячелетия. В случае принятия такого решения восточные славяне отрезались от богатейшего пласта письменной культуры славян, что составляет огромную часть нашего современного бытия. Народ могли в одночасье лишиться исторической письменности, истории и огромнейшего культурного наследия. К счастью, Политбюро партии большевиков не

утвердило предложений Луначарского. Сегодня такие предложения кажутся невероятными, трудно в это поверить. Внимательное наблюдение за действительностью нашей современной жизни свидетельствует, что такая попытка не оставлена, и она сегодня осуществляется по другим направлениям.

## **1.2. Ярга и яргические образования в русской научной мысли 19 — начала 20 века**

Во второй половине 20 столетия в историко-культуроведческой мысли России ярко обозначилась тема знаков русского узора и собственно яргических знаков. Наряду с обычаем и обрядом, песней и сказкой, былиной и преданием они стали признаваться неотъемлемой частью народной культуры. В этом отношении все участники бытописания русского народа были единогласны. Но разногласие всё же возникло по очевидному вопросу: признавать ли узоры, в том числе яргу, русскими или считать их явлением заимствования?

### ***1.2.1. Исследование яргических знаков и узоров в славяно-русской культуре***

В 18–20 вв. ярга широко использовалась русскими зодчими, писателями, живописцами в украшениях зданий и обрамлениях картин, на обложках книг и других предметах. Системные знания о ней входили в курсы лекций для студентов на исторических факультетах университетов Российской империи [Городцов В.А., 1910].

Один из первых трудов по русскому народному узору принадлежит В.А. Соллогубу. Знаки узоров учёным принимаются как «начальные первообразы» самобытной культуры.

Они изучаются им, исходя из их значения в обрядах и истоках народной жизни. Крест с загнутыми концами В.А. Соллогубом определяется своеобразным признаком народной культуры, а разнообразие его начертаний выделяется в особую ветвь народных изображений и впервые в народоведении представляется в виде таблицы яргических начертаний<sup>4</sup> (рис. А01) [Соллогуб В.А., 1872]. Его идеи на долгое время стали основополагающими в изучении темы народного узора, а разработанная им таблица изображений русских яргических знаков до начала 20 в. оставалась единственной в своём роде. В течение ста тридцати лет никто не осмеливался в такой постановке затрагивать данное направление в изучении русской народной культуры.

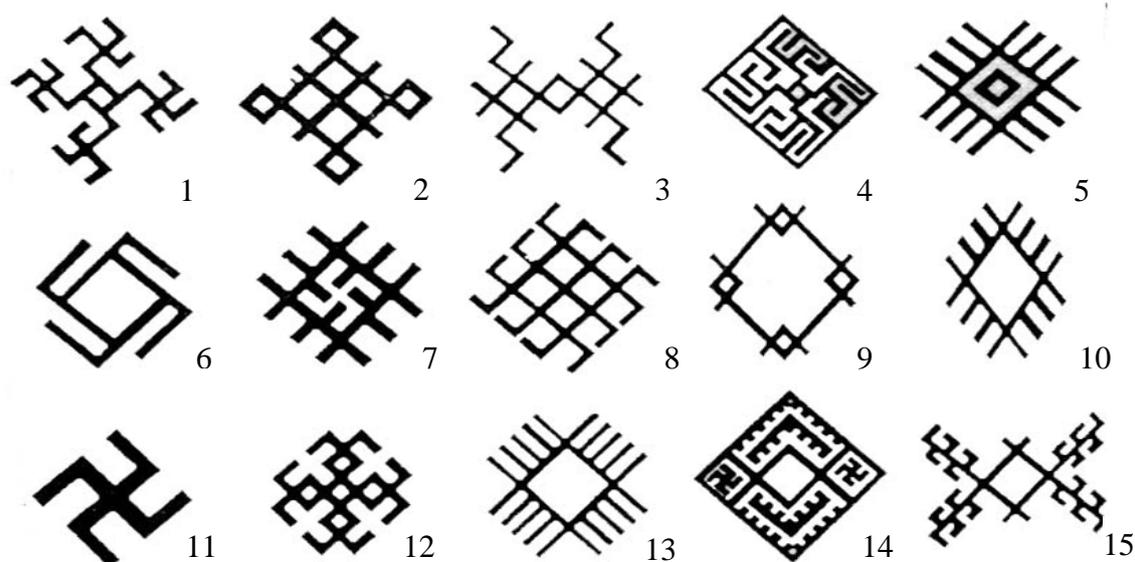


Рис. А01. Первая таблица русских народных яргических знаков и образований, показывавшая их бытование в народном творчестве. 20 в. (по В.А. Соллогубу) [Соллогуб В.А., 1872; Багдасаров Р., 2001, рис. 94-17]

Одновременно с В.А. Соллогубом исследователь В.Д. Федюшкин в «Опытах разработки русского орнамента» широко применил метод симметрии при изучении яргических знаков.

<sup>4</sup> В рассматриваемой работе крест с загнутыми концами и его разновидности будут обозначаться как **ярга** и **яргические знаки**.

Его подход заключался в том, что он вычленил единичные первообразные знаки русских народных узорных связей, куда вошли и многочисленные яргические изображения (рис. А02), и на этой основе разработал сложное узорчье. Можно утверждать, что В.Д. Федюшкин здесь первым выявил и широко применил метод симметрии в разработке русского узо-ра<sup>5</sup>. Своеобразие яргических знаков представлено исследова-телем более чем на четверти всех листов его рукописи. Рус-ское узорчье, разработанное им на основе использования народных узоров, высветила наличие богатого разнообразия яргических знаков [Опыты раз., 1874].

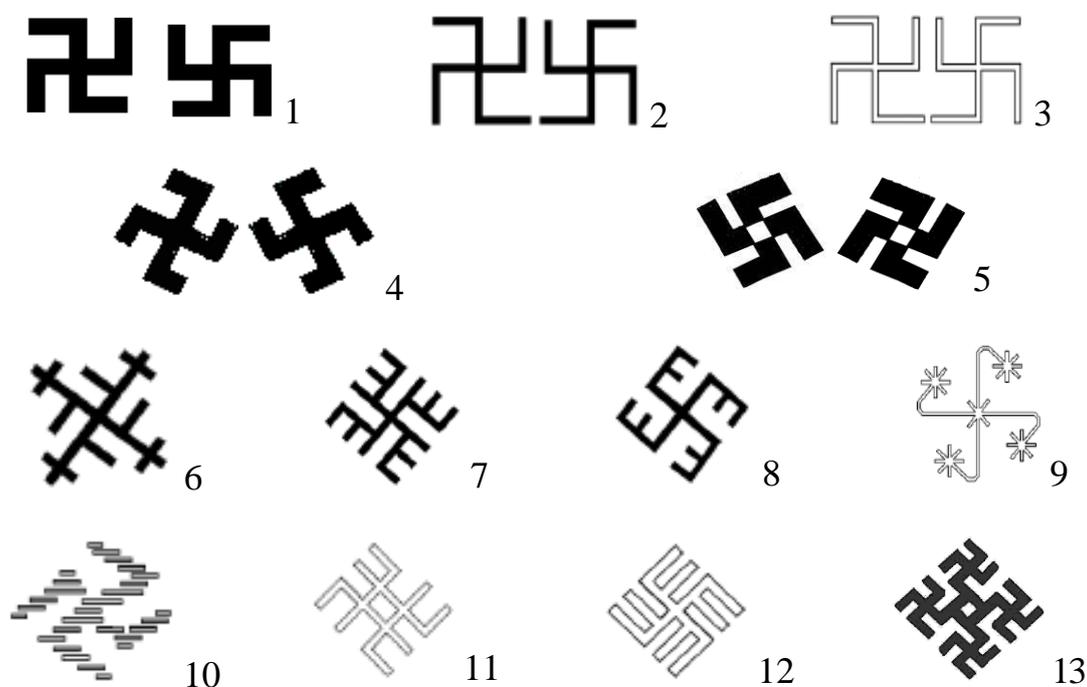


Рис. А02. Русские яргические узоры (по В.Д. Федюшкину). Вторая треть 20 в. [Опыты, 1874, л. 1–63 (Федюшкин В.Д.)]

Другой оттенок в изучении этого направления задаётся ис- следованием В.В. Стасова «Русский народный орнамент» с

<sup>5</sup> Принято считать, что этот метод разработан С.В. Ивановым во второй по- ловине 20 столетия. Незаконченная рукопись «Опытов...» В.Д. Федюшкина пока- зывает, что вопрос этот в основном был решён в 20 в. Очевидно, что рукопись, не изданная до сих пор, не позволяет широкому кругу исследователей опираться на её достижения.

большим количеством красочно представленных узоров [Стасов В.В., 1872]. Широкое распространение единообразных узоров среди многих народов также связывается им с культурой и историческим расселением арийских племён. Учёный относит яргу к характеристике «народного русского художества». Однако Стасов полагал, что этот знак заимствован русскими у финнов. Выбранные им подходы в изучении русского народного узора, в частности ярги, несли в себе отпечаток идей арийской теории, деятельно разрабатываемых в то время западной научной школой. Вместе с тем их использование привело Стасова к внутреннему методологическому противоречию работы, которое им было осознано впоследствии. Так, славяне, считавшиеся, согласно «арийской теории», ветвью «арийцев», у него оказались «посторонними» по отношению к «арийскому знаку» свастике, а финно-угры, не будучи наследниками индоевропейской культуры, вдруг явились первоисточником по передаче арийских знаков «арийскому народу» — славянам. Очевидная несвязанность во взглядах В.В. Стасова выглядит на первый взгляд грубой оплошностью. Но в то же время следует подчеркнуть, что эта «оплошность» оказала отрицательное влияние на последующие поколения исследователей русского узорочья, которые, не задумываясь, опирались на столь не обоснованную, никогда и никем не доказанную мысль деятеля русской культуры, унижающую русский народ и славян. Сам же В.В. Стасов в последующем признавал, что не все русские узоры на средневековых рукописях можно объяснить на основе заимствования, что многие из них имеют «местное происхождение» [Стасов В.В., 1887, с. 2]. Идея Стасова о заимствовании великорусами ярги-креста от «финских народов» не была воспринята его современниками. Ф.К. Волков (1878) прямо указал на необоснованность высказываний В.В. Стасова и одновременно раскрыл единство народных

узорov восточных славян с узорами персидскими и византийскими, выявляя тем самым их общие индоевропейские истоки.

Изданный княгиней С.Н. Шаховской альбом с узорами старинного народного творчества крестьян Шацкого уезда Тамбовской губернии 18–20 вв. [Шаховская С.Н., 1885] на большинстве листов содержал цветное изображение яргических знаков. Занимая часто срединное место в системе узоров, они сосредотачивали вокруг себя всё пространство рисунка. Академик Ф.И. Буслаев, занимавшийся кроме языкознания древнегреческим, византийским и древнерусским узором, в связи с изданием альбома народных узоров С.Н. Шаховской писал, что ромбы, кресты, ярги, S-образы – «всё это находится в генетической памяти русского человека» [Буслаев Ф.И., 1885, с. 2]. Народные узоры, эти «языческие мотивы», Буслаев воспринимает как «давно виденные и слышанные, пробуждающие в отдалённых уголках памяти картины народной жизни». Характеризуя косую яргу, учёный отметил, что она «заимствована ещё в древнейшие памятники христианского искусства из времён дохристианских». По его сведениям, это начертание встречается в древнейших памятниках родноверческой Германии, а вместе с тем и среди японских гербовых знаков. Ф.И. Буслаев подчёркивал древность и особенность знака ярги [Буслаев Ф.И., 1885, с. 1, 2]. Таким образом, Буслаев считал яргу-крест природным, древнейшим и особым знаком русского народа, находящимся у него в родовой памяти.

Н.П. Шабельская видела истоки и смысл русских узоров в свете дохристианского мировоззрения и считала непрерывной связью образа современного ей узора с образом узоров далёких предков. Она выделяла яргу среди других знаков: «Часто встречаются стоящие у дерева, обращённые друг к другу изображения символических животных: павлинов, единоро-

гов, райских птиц Сиринов, Алконостов и т. п.; символических знаков, напр. знак доброго пожелания – крючковатый крест (свастика), круги, розетки и друг.» [Сидамон-Эристова В.П., Шабельская Н.П., 1910, с. 1, 2; Шабельская Н.П., т. 1–3, 1893]. Значительная часть предметов собрания Н.П. Шабельской сегодня хранится в РЭМ.

А.Н. Норцов одним из первых русских исследователей изложил взгляд о противоположности значений ярги, исходя из направления загнутои её концов, «ног». Им необоснованно выдвигается предположение о древнегреческом происхождении начертаний знака [Норцов А.Н., 1909, с. 95].

Н.М. Могиланский при изучении народных узоров Черноземья России учитывал значение крестьянских названий знаков и их применение в обрядовой жизни. Из его исследования следует, что крест с загнутыми концами является особым знаком русской народной культуры (рис. А03) [Могиланский Н.М., 1910].

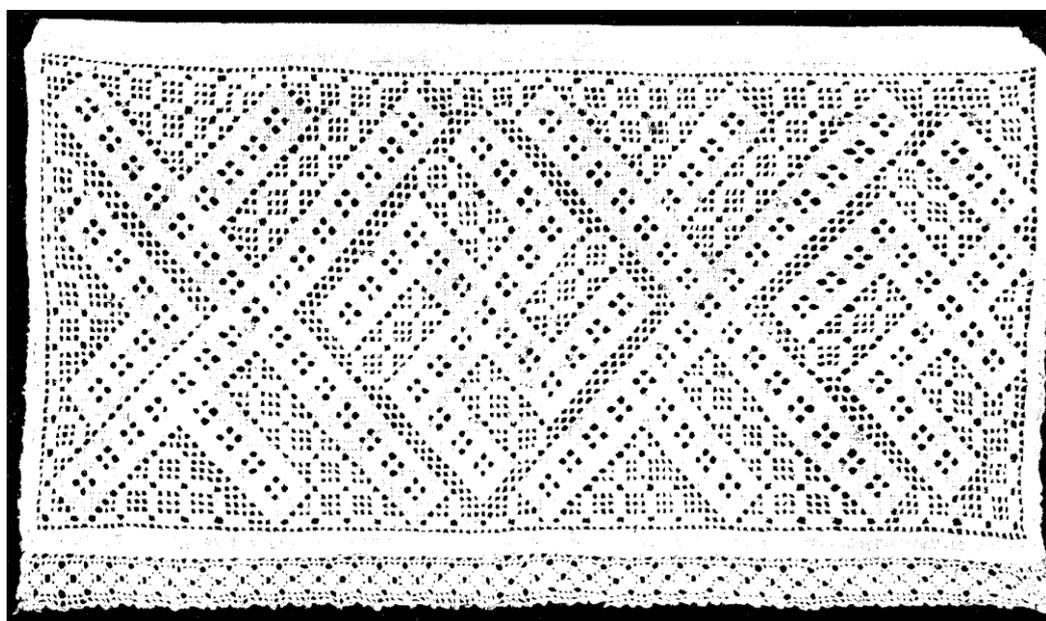


Рис. А03. Широко бытовавшие классические ярги в Орловской губ. на «полосках», «строках», пришивались к концам полотенец, подолам рубах, «занавескам» (род передника). 1902 г. [Могиланский Н.М., 1910, таб. II, с. 16]

К.Д. Далматов в своём значительном научном [Далматов К.Д., 1883; 1883–1884; 1887; 1889–1892; 1889; т. 1–7, 1893–1894] и материальном наследии, исчисляемом несколькими тысячами прекрасных старинных образцов тканья (хранятся в РЭМ), показал распространение выразительных русских народных яргических узоров во многих уездах губерний «Великой и Малой России».

Одновременно с К.Д. Далматовым южнорусский народный узор изучали Ф.К. Волков, М. Квитко, А.И. Махно, Н.Ф. Сумцов, С.К. Кулжинский, М. Кордуба, П.Я. Литвинова и другие. Ф.К. Волков обосновывает возможную связь народного названия узора и его значения, предвосхищая развязку теоретического спора западных учёных Ф. де Соссюра и Э. Бенвениста о связи названия и знака [Волков Ф.К., 1878, с. 320].

Н.Ф. Сумцов одним из первых вводит в научный оборот народные «малорусские» названия ярги и яргических знаков. Выделяя обрядовое использование писанок (крашеных расписанных яиц), он подчеркнул, что «самостоятельное положение на писанках имеет близкий к трезубцу знак трискел или *трикветр*», трёхногий крест с загнутыми концами [Сумцов Н.Ф., 1891, с. 33, 34, 36]. Он указывает на связь изображения ярги в малорусских (в Подолии) и западнославянских (у моравов) писанках. М. Квитко и А.И. Махно осуществляют красочные выпуски малорусских народных узоров, где также показывается крест с загнутыми концами и его разновидности [Квитко М., 1882; Махно А.И., 1885]. Важными для познания малорусского узора стали работы С.К. Кулжинского (1899), М. Кордубы (1899), П.Я. Литвиновой (1878), содержащие первичные описания народных обрядов и обычаев во взаимосвязи с узором (рис. А04).



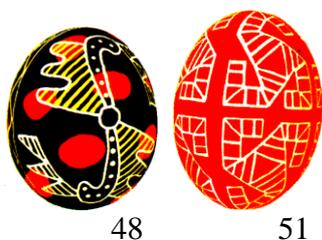


Рис. А04: Яргические узоры на писанках.

**Волинская губ.:** 1 – Дубенский у.; 15 – сложный круговой яргический узор из *безконечников* с двумя разными концами. Заславский у.; 34, 35 – яргические круговые узоры на писанках галицкой Волыни [Кордуба М., 1899, таб. Ів-26, 26]; 36–41 – круговые яргические знаки;

**Бессарабская губ.:** 10 – классическая ярга;

**Киевская губ.:** 12 – два начала ярги – *ярь* и *ярь* – показаны двумя разными цветами. Радомысльский у.; 43 – *півники*, 45 – *вітрячки*. 50 – *сороки*.

**Подольская губ.:** 2 – *юрки* и 9 – *баранчики*. с. Белоусовка, Брацлавский у.; 3 – *двойная саква с бараньими рогами*; 4 – Каменецкий у.; 5 – *бесага двойная*. М. Тростяну; 6 – *листочки*; 7 – *бараний рог*; 8 – *мельница*; 11, 13, 14, 16, 17 – *утиные шейки*; 18 – *утиные шейки с грабельками*; 19 – *безконечный узел*; 20 – *двойной безконечник*. м. Немировщина, Брацлавский у.; [Кулжинский С.К., 1899, с. 97–166, таб. I –XLIV]; 21 – яргический узор; 22–24 – яргический узор *юрки*; 25 – яргический узор *крутороги*; 26 – *двойной безконешник*; 27 – *кывульки*. С. Белоусовка, Брацлавский у.; 28 – *утиные шейки*; 29 – *барани роги*; 30 – *Wuzi*; 31 – *барани роги*; 32 – *утиные шейки*; 33 – *бараньи рога* в образе двух начал. М. Немировщина, Брацлавский у.; [Кулжинский С.К., 1899, с. 140–145, таб. XXVIII–890, 891, 892, 899, 919, 934; таб. XXIX–1103, 1117]. 49 – *ворон*.

**Одесская обл.:** 40 – *крутороги*;

**Львовская обл.:** 42 – *вітрячок*; 44, 46 – *змія*. Тростянец, Подолия;

**Буковина:** 47, 48 – *косиці*;

**Полесье:** 51 – *навучки*. [Елиев Зенон (*Elyiv Zenon*), 1994, таб. 1–67]

На рисунке А05 изображены яргические узоры на глиняных изделиях ремесленников из Полтавской, Харьковской и Подольской губерний конца 19 – начала 20 в. (РЭМ. Соб. № 195–149, 195–96, 195–126, 195–64, 195–68).

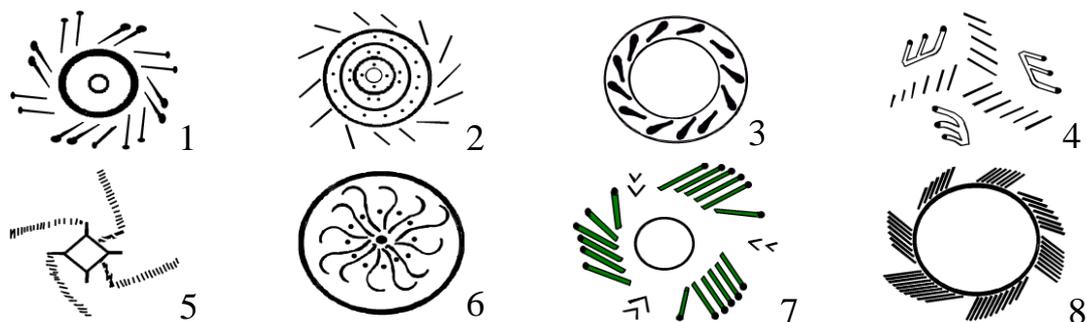


Рис. А05. Славяно-русские яргические узоры на глиняных изделиях. Кон. 19 – нач. 20 ст.

На рисунке А06 изображены малорусские яргические узоры крестьянского ткачества и вышивки 19 – 20 в. (1–5, Махно

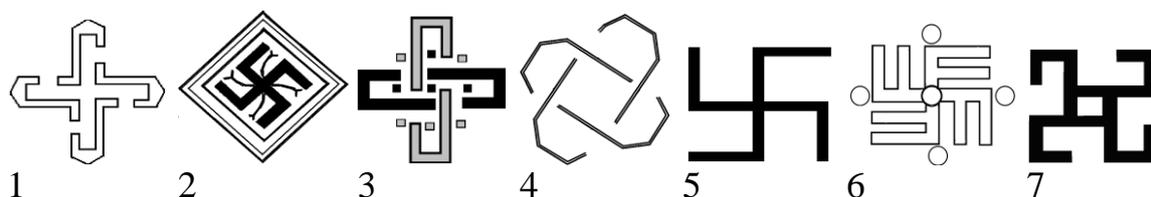


Рис. А06. Славяно-русские яргические узоры крестьянского ткачества и вышивки. 20 в.

А.И., 1885; Квитко М., 1882; Далматов К.Д., 188?); 6 – знак народного украинского музея во Львове. Первая пол. 20 в. (Свеніцкая Віра., 1939. Ч. 1); 7 – узоры росписи в трапезной палате церкви Антония и Феодосия Печерских в Киевской лавре. 1893–1895 гг. (Киево-Печерская лавра, 1999).

### ***1.2.2. Исследование славяно-русских яргических знаков по археологическим материалам***

Вторая половина 20 в. характеризуется накоплением значительного археологического материала, в котором предметы с яргическими знаками занимают важное место (рис. А07). Так А.С. Уваров проводит раскопы большого количества курганов в бассейнах истоков Волги и Днепра и получает

многочисленный вещественный материал с яргическими узорами. Материалы с «крючковатым крестом» в средневековых и древних могильниках восточных славян находят Ф.Д. Нефедов (1878), А.И. Черепнин (1898), П.Н. Милюков (1900), В.И. Сизов (1902), Б.И. Ханенко, В.Н. Ханенко (1902), Булычёв (1903), А.А. Спицын (1905) и другие. В их исследованиях крест с загнутыми концами и его разновидности всё чаще становятся предметом пристального внимания в вопросе определения племенных признаков летописных племён восточных славян. Это видно из дискуссии учёных о племенной принадлежности Зарайских курганов, которые П.Н. Милюков считал кривическими, а А.И. Черепнин — вятическими [Милюков П.Н., 1900, с. 233, 234, 238; Черепнин А.И., 1898]. Показательно здесь обсуждение вопроса о курганах верховий Волги и Днепра, которые долгое время считались мерянскими, т. е. финно-угорскими [Уваров А.С., т. II. 1871; 1872 а; 1872 б; Булычев М.И., 1903]. Впоследствии академик А.А. Спицын обосновал их принадлежность к «кривическим смоленам», тем самым утвердив в русской научной мысли идею креста с загнутыми концами как явления культуры древнего и средневекового восточного славянства [Спицын А.А., 1905 а]. В материалах курганов верховий Волги и Днепра ярко представлена ярга; в переоценке огромного историко-археологического наследия слышатся отзвуки не только чисто научных интересов, подходов и взглядов, их несовершенство, но за этим просматриваются идеи борьбы за полноценность исторического прошлого славян, за древнюю принадлежность им ярги.



Рис. А07. Яргические знаки на предметах кривичей из Владимирских курганов: 1 – медная бляшка с яргическим знаком смешанного вида. Знак выполнен по правилу «всюдности»; 2, 3 – подвески с многолучевым яргическим знаком; 4 – бляшка с правосторонним яргическим образом. 10-12 вв. [Спицын А.А., 1905а, с. 107, 116, 129, 166, 167, рис. 14, 185, 187, 196]; 5, 6 – яргические знаки на керамике из могильников. 10-12 вв. [ Булычёв М.И., 1903, таб. X-10; VII-1]

В ходе раскопок раннесредневекового Гнёздовского могильника (6–10 вв.), что находится в верховьях Днепра рядом со Смоленском, В.И. Сизов получил богатый материал с яргическими знаками (рис. А08). На основе исследований этого могильника учёный разработал и обосновал ряд идей, не потерявших своё значение для современной науки. В ходе истолкования узора им устанавливается непрерывность существования преемственности знаковой культуры гнёздовских могильников вплоть до современной эпохи – начала 20 в. Ис-

следовав кустарные промыслы смоленских крестьян, В.И. Сизов заключил, что ряд узоров, характерных для горшков могильника, очень часто встречается «в деревянной резьбе, в различных поделках, в украшениях одежды», делая закономерный вывод о том, что «вообще этот орнамент играет большую роль и в современной жизни крестьян Смоленской губернии<sup>6</sup>» [Сизов В.И., 1902, с. 110]. Такой вывод означал, что современная учёному материальная и духовная культура в русской искони (велико- и белорусской) непрерывно существовала более тринадцати веков.

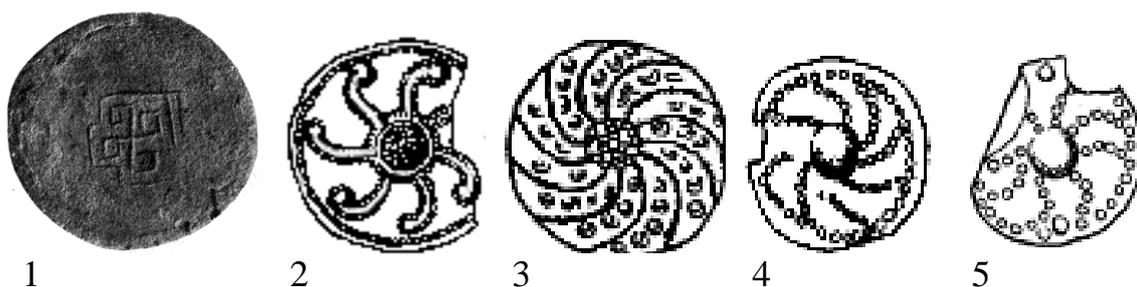


Рис. А08. Гнёздово. Смоляне (кривичи): 1 – ярг-знак на сосуде из могильника [Спицын А.А., 1905а, с. 67, рис. 134]; 2 – семиногая яргическая привеска из серебряной позолоченной пластинки. Погребальный комплекс 2-й пол. 10 в.; 3 – серебряная привеска с многолучевым яргическим знаком. Кон. 10 – нач. 11 в. [Гущин А.С., 1936, с. 56, таб. IV–14, 15; Новикова Г.Л., 1991, с. 188, 189, 190, рис. 4-3, 1]; 4 – бронзовая привеска с многолучевым яргическим знаком; 5 – многолучевой яргический знак золотой привески. Сер. 10 в. [Сизов В.И., 1902, с. 128, таб. V-18; Новикова Г.Л., 1991, с. 191, рис. 4-4, 5].

Яргические знаки широко представлены на весовых гирьках. Находки гирек в средневековых русских курганах весьма многочисленны (рис. А09).

---

<sup>6</sup>Всё узорчье смоленских крестьян, как показали наши полевые исследования, насыщено до предела своеобразными яргами и яргическими образованиями.

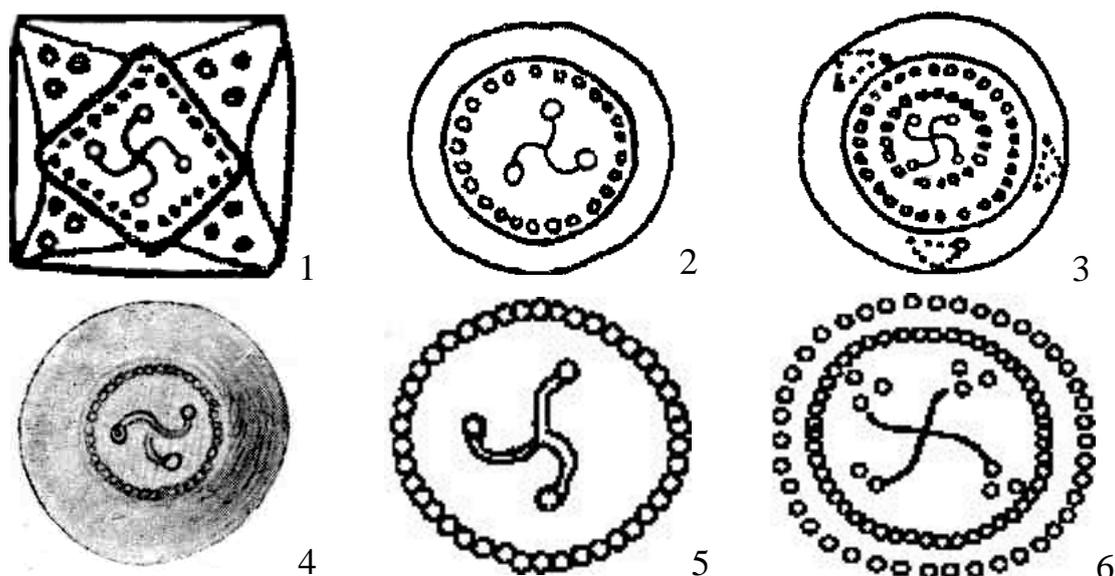


Рис. А09. Весовые гирьки. Гнёздово: 1 – бипирамидальная гирька со знаком скруглённой ярги. Её концы увенчаны четырьмя «глазками»; 2 – бочковидная гирька с знаком трёхногой ярги; 3 – бочковидная гирька со знаком скруглённой ярги [Пушкина Т.А., 1991, с. 229–232, рис. 2-8, 11, 13]. 4 – трёхногий яргический знак на гирьке из Владимирских курганов [Спицын А.А., 1905 а, рис. 196]. 5,6 – гирьки для взвешивания драгоценных металлов. Витебская обл., Толочинский р-н, д. Дроздово. Пер. пол. 11 в. [Левко В.М., 1989, с. 13, рис. 2]

На археологических предметах Поочья 9–11 вв. у кривичей, смолен и вятичей повсеместно встречаются яргические знаки (рис. А10).

Б.И. Ханенко и В.Н. Ханенко проводили исследования в землях Поднепровья [Ханенко Б.И., Ханенко В.Н., 1899–1907. Вып. 1–6]. Ярга и особенности её изображения на предметах славянских древностей рассматривались ими как неотъемлемая часть скифской культуры и её наследницами – сарматской и восточнославянской. В их работах ярга считается особым знаком арийской культуры, к которой учёные относят и культуру восточных славян. Они показывают её непрерывное существование в народной культуре южнорусов Поднепровья в течение примерно полутора тысяч лет.

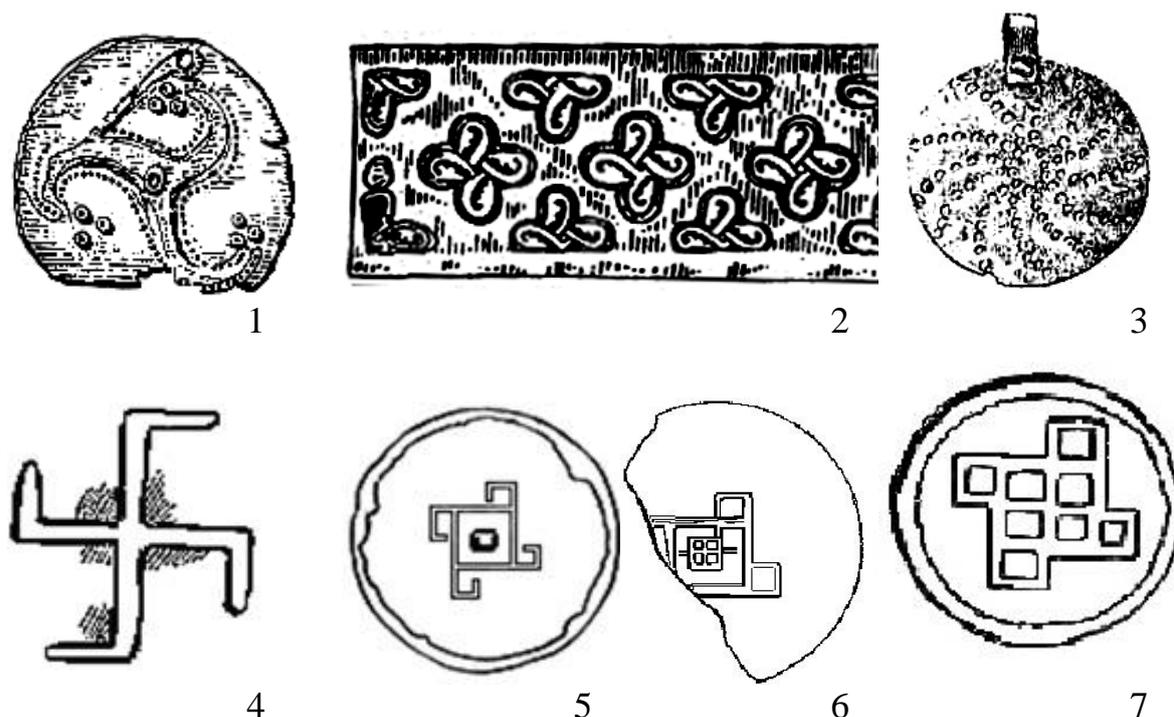


Рис. А10. Яргические знаки на археологических предметах кривичей и смолен (смоленских кривичей): 1 – трёхногий круговой яргический знак с тремя точками у каждой «ноги» на убранстве головного убора. Серебро, золото. Полоцк. 11 в. [Макарова Т.И., 1997 б, таб. 40, рис. 1, с. 51]; 2 – яргический узор на кресте Ефросиньи Полоцкой. 1161 г. [Макарова Т.И., 1997 а, с. 57, таб. 45, рис. 7]; 3 – серебряная подвеска. Многолучевой круговой яргический знак (вятичей или кривичей). Поочье. 10-11 вв. [Спицын А.А., 1901, с. 44, таб. XXVI]; 4-7 – яргические знаки на днищах горшков Гнёздовского могильника. 9-10 вв. [Сизов В.И., 1902, с. 34, 35, 110, 111, рис. 85, 86]

Ярга-крест встречается на женских украшениях Поднепровья (не позднее 10 в., рис. А10а) [Кудь Л.Н., 1914; Шляпкин И.А., 1906].



Рис. А10а. Венчики – женские головные уборы: 1 – правосторонняя ярга и двойная ярга на привесках венчика из Поднепровья. Сер. 1 тыс. Восточные славяне [Ханенко Б.И и В.Н., вып. 4. 1907, с. 32, таб. XXXII-539]; 2 – ярга в круге-кольце венчика из погребения. с. Жукино Остерского у. Черниговской губ. Не позже 10 в. [Кудь Л.Н., 1914, с. 3, рис. 1-3; Даркевич В.П., 1960, с. 57, рис. 1-2]

Найденные в ходе раскопок курганов начала бронзового века между Доном и Битюгом в Острогожском уезде горшки с ярко выраженной трёхчастной структурой из разнотипных ярггических знаков В.Н. Тевяшов отнёс к материальной культуре «прародителей славян» (рис. А11) [Тевяшов В.Н., 1902, с. 105, таб. V]. В исследовании узоров учёный прини-

мает крест с загнутыми концами в качестве единой характеристики для славянской и праславянской культур.

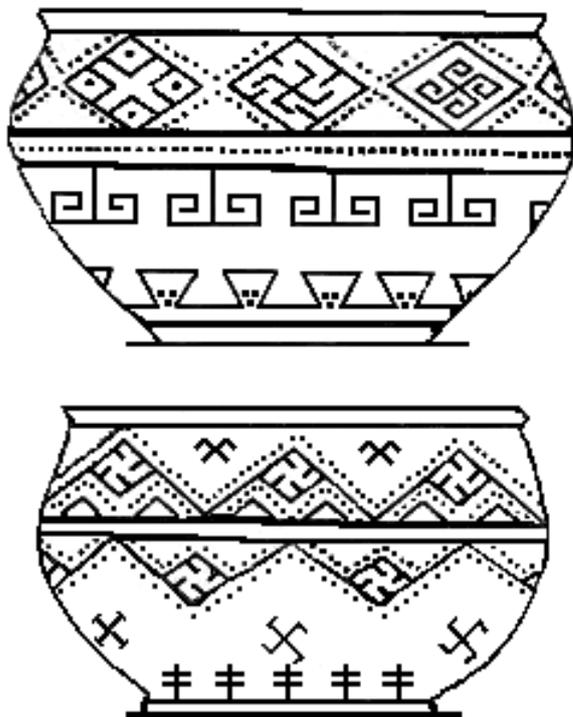


Рис. А11. Горшки с разнотипными свастиками. Раскопки в междуречье Дона и Битюга в Острогожском у. Праславянские племена. Начало бронзового века [Тевяшев В.Н., 1902, с. 105, таб. V]

Многочисленные раскопки в конце 20 в. В.А. Городцова, проводившиеся на значительных пространствах России, дали богатый археологический материал, особенно по времени палеолита, эпохе бронзы, богато украшенный ромбо-меандровым (яргическим) узорочьем (рис. А12).

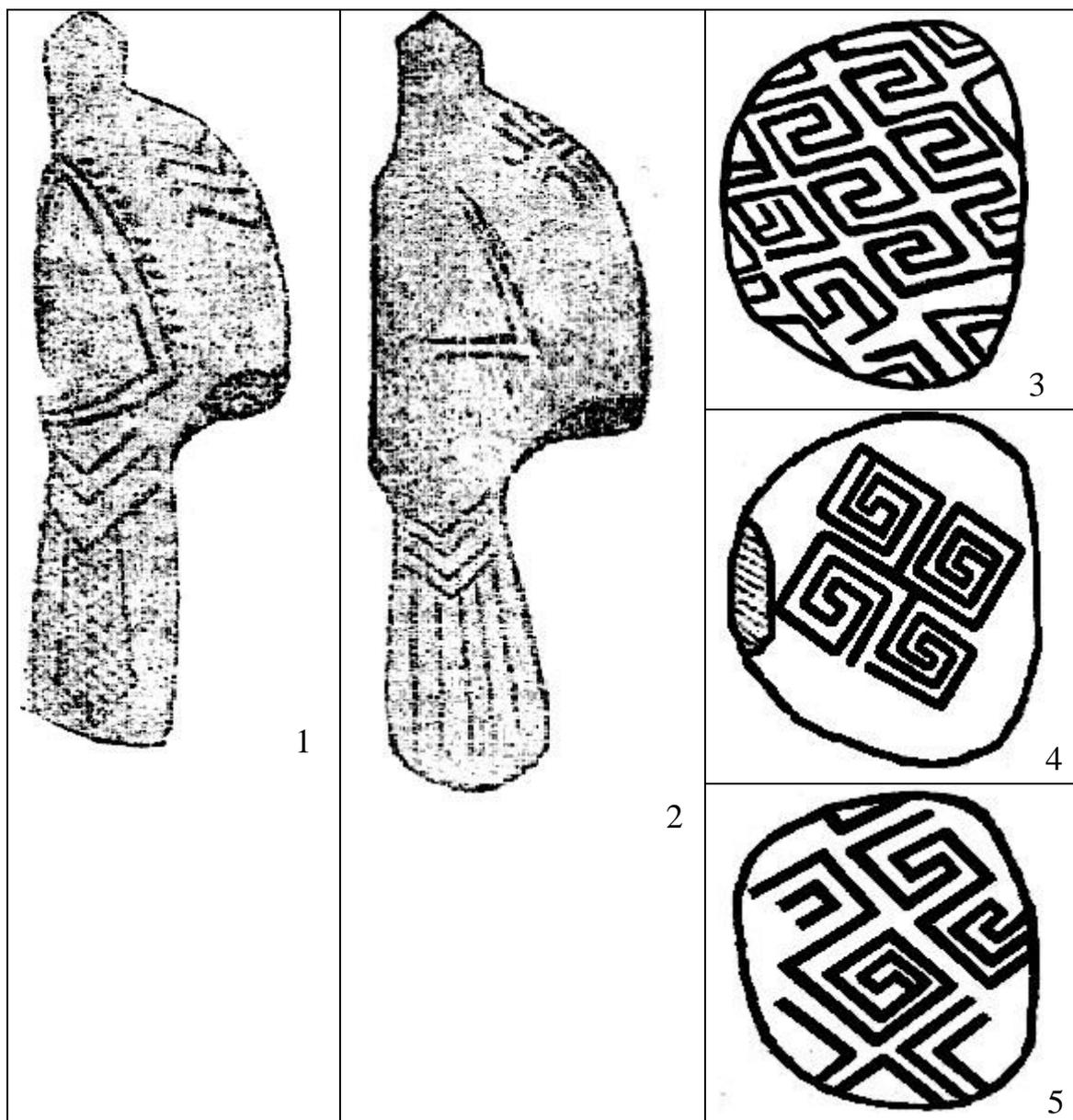


Рис. А12. Наидревнейшие крючковатые кресты на скульптурном изображении птицы из кости (Стоянка у с. Мезинь Черниговской губ. Верхний палеолит, 22–17 тыс. до н.э.); 1,2 – общий вид птицы спереди и сзади; 3–5 увеличенное узорочье на груди и задней части брюшка птицы; 3 – ярга с квадратными загибами в виде меандра, вырезанная на задней части брюшка птицы 4,5 – яргические, меандрические узоры [Городцов В.А., 1923, с. 281, рис. 56, 57; Бибикова В.И., 1965, с. 3; Шовкопляс И.Г., 1957, № 4; Елинек Ян, 1985, с. 446, №715]

### ***1.2.3. Осмысление значения яргических знаков и узоров в славяно-русской народной культуре***

В.И. Сизов одним из первых пришёл к доказательному выводу о длительном развитии в местных условиях изображений гнёздовского креста с загнутыми концами: «Как для изображений осложнённой в разных видах свастики, так и для изображений ромбов, вписанных в квадраты, мы не встречаем аналогий в вышеупомянутых музеях, а потому этим осложнённым клеймам мы должны приписать местное происхождение, представляющее нам более позднюю местную эволюцию более простых форм, общих для восточных и западных славян» [Сизов В.И., 1902, с. 114]. Такому выводу предшествовали сравнительные исследования гнёздовских ярг и других узоров не только с распространёнными в то время народными украшениями Смоленской губернии, но и с подобными узорами на предметах материальной культуры древних славян в музеях Праги, Любека, Штеттина, Данцига, Киля, Макленбурга и других городов Европы. Необходимо подчеркнуть, что, исходя из обширного материала, собранного им за границей и накопленного в России, Сизов определил самобытные яргические знаки в качестве историко-археологического признака славянских народов, опираясь на который можно успешно разрешать родословие славянства. И ещё одна важная идея В.И. Сизова. Ко времени выхода в свет его труда в археологии считали, что ярга на сосудах курганов могильников относится к клеймам ремесленников. Он же обосновал идею о том, что ярга в Гнёздовских могильниках является обрядовым знаком смолен (смоленских кривичей). Тем самым ярга-крест была отнесена В.И. Сизовым к явлениям древней восточнославянской духовной культуры.

Заметное влияние на изучение знака оказали исследования выдающегося чешского историка и археолога, слависта Лю-

бомира Нидерле. Он выявил современное бытование (конец 20 в.) этого знаменья в славянских узорах вышивки и на пи-санках. По его мнению, ярга не могла самостоятельно возникнуть во многих культурах древности и современности. Он полагал, что этот сложный знак имеет слишком выразительное образное значение, чтобы принимать его за простой узор. Иными словами, Л. Нидерле относил яргу к особой категории народно-племенных, культурно-исторических знаков [Нидерле Л., 1898, с. 220; 1956].

Исследователь сибирских древностей и петроглифов И.Т. Савенков установил среди них значительный массив свастических знаков, найденных по течению Енисея и другим сибирским районам. Сославшись на западного учёного Тихсена, он отнёс их к скифским. Учёный составил своеобразный древний алфавит, в котором представлен целый ряд своеобразных яргических знаков [Савенков И.Т., 1910, с. 71].

В конце 20 в. В.А. Городцов разработал классификацию «доисторической» керамики, где узору, наравне с другими четырьмя выделенными им признаками керамики, отводится важнейшее значение. Городцову принадлежит практическое воплощение идеи использования ромбо-меандровой (яргической) сетки для выделения в Европе отдельной области мадленского времени (25–20 тыс. лет до н. э.) [Городцов В.А., 1923; Палеолит, 1984, с. 162; Шовкопляс И.Г., 1965]. Его работы вводят в широкий научный оборот наидревнейшие палеолитические изображения яргических знаков, найденных на планете Земля, в Черниговской губернии.

А.А. Бобринский, исследовавший ряд знаков «первобытного орнамента» всех народов Европы, пришёл к выводу о возможности «проследить существование этого орнамента<sup>7</sup> на всех страницах истории цивилизаций России, начиная от полу-дикарного каменного века и вплоть до наших дней»

---

<sup>7</sup> В данном случае речь идёт об яргических знаках.

[Бобринский А.А., 1902, с. 73]. Необходимо заметить, что подобные идеи уже к тому времени высказывалась и поддерживалась многими учёными, однако полноценное обоснование они получили лишь в наше время. А.А. Бобринский — единственный русский учёный, который попытался доказательно обосновать древность происхождения первообраза креста с загнутыми концами, связывая его природу с условным изображением полёта птицы. В его работе имеются утверждения об изображении ярги русскими ремесленниками на иконописных изображениях Христа.

Во взглядах учёных на рубеже 19 и 20 столетий крест с загнутыми концами – ярга – прочно занял положение «лакмусовой бумажки» — показателя индоевропейской и славянской культур. Ярга была признана особо значимым начертанием, особым узором русского народного творчества, корни которого скрываются в истоках культуры древних индоевропейских народов.

Эти взгляды получили дальнейшее развитие в науке более позднего времени. Однако время наложило крайне жёсткие ограничения, создав невыносимые, тяжелейшие условия для развития дальнейших исследований вопросов ярговеденья. Необходимость правильной оценки таких осложнений требует краткого освещения возникновения этих условий и их влияния на изучение вопросов, связанных со свастикой. Запрет в коммунистическое время на изучение ярги в народной культуре, использование в общественной жизни, рассмотрим в отдельном разделе ниже.

### 1.3. Отношение к ярге в России начала 20 века – времени государственного крушения

Резкие политические и государственные изменения в России начала 20 века (войны, революции, интервенция) вначале не оказали существенного влияния на изучение яргических знаков; в некоторой степени они даже благотворно повлияли на осмысление русского народного творчества. Этому способствовало устранение влияния церкви и её цензуры на общественную жизнь, а также слабость новых властей, ещё не выработавших своего окончательного отношения к кресту с загнутыми концами.

Необходимо подчеркнуть, что короткое время правления Временного правительства России было ознаменовано тем, что косая ярга украшала его государственную печать, а также была введена в знаки денежных купюр, выпущенных им в оборот (рис. А13). Положительное отношение к ярге было и в Советской России на заре её истории (рис. А13-15). Однако уже через пять лет после прихода большевиков к власти, как мы уже говорили выше, отношение властей к ярге сменилось на резко отрицательное.





2



3



4

Рис. А13. Российские денежные знаки с косой яргой: 1, 2 – государственные кредитные билеты Временного правительства, выпущенные в 1917 г.: На деньге достоинством в 1000 руб. косые ярги занимают срединное место и по краям; на билете достоинством в 250 руб. ярга размещена в середине, две других ярги находятся на оборотной стороне по краям; 3, 4 – первые советские деньги достоинством в 10 000 и 5 000 руб., выпущенные в 1918 г. Каждая имеет по три ярги в середине и по сторонам. (Собрания денег РМН)



1



2

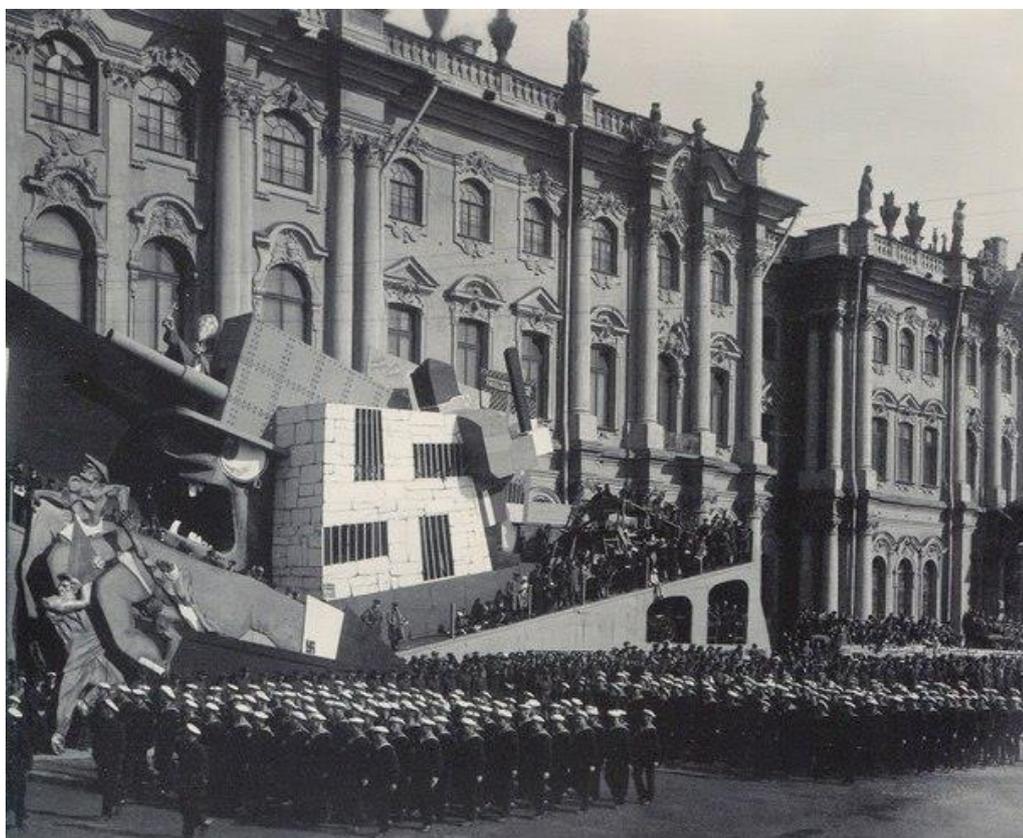
Рис. А14. Бумажные деньги: 1, 2, 3 – советские деньги 1918 г. с древним славяно-русским яргическим узором. Собрание РМН



1



2



3

Рис. А15. Наручная нашивка с яргой: 1 – для красноармейцев; 2 – для краскомов. Использовалась в ряде подразделений Красной Армии на Юго-Восточном фронте. Введены Приказом по войскам Юго-Восточного фронта №213. Гор. Саратов 3 ноября 1919 г. [Жирнов Е., 2000. № 30 (381); Фитц А., 1991, с. 11]; 3 – ярга на сцене Дворцовой площади Ленинграда. 1 мая 1931 года (в то время площадь называлась иначе). Прохождение военных моряков [<http://www.rus-biography.ru> (Обращение 03. 11. 2013 г.)]

Начальный расцвет изучения ярги во время советского правления характеризуется, во-первых, неразрывной связью с дооктябрьскими исследованиями, а во-вторых, большей степенью свободы по сравнению с предшествующими условиями: были сняты христианские запреты; стремительно развивалась научная мысль и доказательная база. Но, в то же время, незримо присутствовала и зловещая угроза запрета самого знака, и вообще всего, что так или иначе было связано с яргической тематикой.

#### **1.4. Запрет использования и изучения ярги-креста и свастики**

Отсчёт времени появления трудностей в изучении креста с загнутыми концами, очевидно, следует вести с ноября 1922 г., когда в газете «Известия», официальном печатном органе правительства Советской России, была издана ныне прочно забытая заметка А.В. Луначарского «Предупреждение». Нарком просвещения, стоявший у истоков сотворения извращённой коммунистической культуры, в частности, писал: «На многих украшениях и плакатах в дни последнего праздника, как и вообще на разного рода изданиях и т. д., по недоразумению беспрестанно употребляется орнамент, называемый свастикой и имеющий такой вид<sup>8</sup>. Так как свастика представляет собою кокарду глубоко контр-революционной немецкой организации ОРГЕШ, а в последнее время приобретает характер символического знака всего фашистского, реакционного движения, то предупреждаю, что художники ни в коем случае не должны пользоваться этим орнаментом, производящим, в особенности на иностранцев, глубоко-

---

<sup>8</sup> В статье был представлен равноконечный крест с загнутыми концами влево.

отрицательное впечатление. Нарком по просвещению А. Луначарский» [Луначарский А., 1922, с. 5].

Такая заметка зловеще-запретительного характера, да ещё и подписанная всемогущим распорядителем культурной жизни коммунистической России, на страницах правительственного издания вполне могла быть оценена как официальная директива, что приняли к сведению и исполнению современники. Но кроме запрета она содержит ценнейшие исторические, культурные сведения. Из заметки следует, что в то время ярга использовалась в различного рода наглядных работах наряду с другими революционными знаками, среди которых крест с загнутыми концами понимался как своего рода знамение нового времени. Вместо повергнутого христианского креста люди советской страны использовали народный крючковатый крест для родокультурной идентичности революционного народа России. Шествия в честь октябрьских событий расцвечивали не только красные знамёна. Над колоннами идущих гордо реяли образы древнего знамения добра и жизни – ярги-креста.

Итак, Луначарский по сути прямо запрещает использование ярги и свастики. И хотя наказание за нарушение в заметке не определено, но уместно предположить, что в действительности за ним дело не стало: революционное время было слишком кровавым. Очевидно, в силу того, что правительственный декрет так и не появился (или до настоящего времени не обнародован), а заметка А.В. Луначарского, несмотря на её директивный характер, всё-таки не имела законодательного статуса, свастика **постепенно** исчезла из наглядной агитации советской повседневности.

До 1924 г. её всё ещё продолжали использовать в нарукавных знаках красноармейцев и краскомов ряда частей [Силаев А.Г., 2002, с. 223], изображали на первых советских бумажных деньгах, выпущенных по распоряжению

В.И. Ленина, до конца 1920-х гг. её продолжали изучать в исследовательских учреждениях СССР.

После 1930 г. очень редко в научных работах встречается какое-либо упоминание о крючковатом кресте. Это было время, когда занятие русской историей или же употребление понятий «русская история», «краеведение», «русская народная культура» в статьях, книгах считалось вредительством, а учёных, их использовавших, относили к врагам народа со всеми вытекающими последствиями [Формозов А.А., 2006]. И в послевоенных исследованиях, имеющих непосредственное отношение к теме ярги, продолжал действовать запрет на этот знак. Учёные всячески избегали упоминаний слова «свастика», употребляя вместо него «крест с загнутыми концами», «солярный знак», «крюковый знак», «вихревая розетка», «вращающаяся розетка» и т. д. Такой подход большинства исследователей следует признать оправданным, учитывая печальную участь сосланных и расстрелянных крупных учёных и исследователей по славистике, русской истории и народоведению многих народов России.

Т.И. Дронова так сегодня описывает общую обстановку в отношении исконной культуры у старообрядцев Усть-Цильмы Вятской земли. Гонения начались с времени раскулачивания, когда отбирали всё, в том числе народную одежду. Борьба коммунистической власти против исконного усилилась в 1950-х гг. «Хотя формально никаких нормативно-правовых документов и постановлений, запрещавших носить народную одежду, не существовало, всё традиционное воспринималось представителями сельской власти отрицательно. Одежду, как устаревшую, запрещали носить специалистам госучреждений, а иногда изгоняли и сельских жителей, приходивших в традиционной одежде туда с личными вопросами» [Дронова Т.И., 2011, с. 17]. Вполне очевидно, что изгнание жителей в народной одежде из государственного

учреждения народного государства (коим себя мнило Коммунистическое правление), могло происходить только по его указанию или с его молчаливого согласия.

В ходе полевых исследований в 1998 г. П.И. Кутенков записал рассказ крестьянки А.С. Герасиной (1926 г. р.) о том, как в детстве ей довелось быть свидетельницей мракобесия комсомольцев села Ушинки Пензенской области в 30-х гг. 20 в. Они оцепили церковь, в которой служили обедню по случаю Годового праздника. И когда бабы вышли из церкви в своих красивейших срядах<sup>9</sup>, сплошь покрытых яргами, то комсомольцы стали силой снимать нагрудники, запоны, понёвы и сбрасывать в общий ворох. Содрав со всех баб одежды с яргами, они облили ворох одежды керосином и сожгли.

Другой случай, о котором сообщила та же А.С. Герасина, показателен как пример отношения власти в эти годы к запретному знаку. К соседям её родителей приехал уполномоченный по заготовкам и налогам. Гостя посадили за стол на почётное место, возле красного угла, убранного по-праздничному. Он спокойно ел, пока не увидел в красном углу на полотенце изображения ярги. Тогда уполномоченный поперхнулся, бросил ложку и закричал: «Что это за нацистские знаки?» — указывая при этом на яргические концы полотенец, обрамлявших иконы. И лишь убедившись, что ярги и кривоноги украшают полотенца в красных углах всех изб села, изображены на всех бабьих и женских одеждах, ретивый начальник вынужден был отказаться от подозрения своих гостеприимных хозяев в шпионаже в пользу Германии.

Подобный случай описывает учитель и краевед из Усть-Печенги Тотемского района Вологодской области

---

<sup>9</sup> Сряда – одежда, головной убор, поясной убор, обувь, украшения, надеваемые девкой, бабой и женщиной (кроме вековой и чернички) в праздник, печаль и будни и имеющих знаковую целостность. Знаковая целостность сряды – соответствие знаков различной природы сряды (её вещей) внутреннему состоянию владелицы, её возрасту и обрядовому (праздничному) назначению.

А.А. Кузнецов. В деревню его предков Ихалицу накануне Великой Отечественной войны заехал сотрудник НКВД и заночевал у председателя колхоза. Во время ужина он заметил висевшее на божнице полотенце-убрус, в середине которого светом лампы высвечивалась большая сложная ярга, а по краям шли узоры из небольших ромбических крестов с загнутыми концами. От возмущения глаза у гостя стали яростными. Лежавшей на печи старой матери председателя еле удалось успокоить разбушевавшегося гостя и объяснить ему, что помещённый в середине убруса знак не свастика, а «Косматый Ярко», и что узор на боковых полосах – это «гуськи». На следующий день сотрудник НКВД обошёл всю деревню и убедился, что «ярки» и «гуськи» имеются в каждом крестьянском доме [Кузнецов А., 1994, с. 7, 8].

В с. Секирино Рязанской обл. бывший почтальон (1970-е годы) рассказала, что ей не выдавали установленную для них одежду, обувь по той причине, что она ходила в понёве. «Вот скинешь поньку, так и выдадим положенную форму», – отвечал на её вопросы начальник почты [ПЗ(Ск), 2007]. В 1960-х годах в с. Чернава, где пожилые бабы и сегодня продолжают носить свою понёвную сряду, их пугали высылкой на Колыму, требуя снятия понёв [ПЗ(Ч), 2007].

В деревнях Горы, Михайлово, Прусово, Абакумово Торжокского уезда Тверской (Калининской) области до войны в 30-е годы представители новой коммунистической власти заставляли жителей убирать с домов наличники, двери и другие предметы, содержащие ярги-вьюны. В частности, по указанию сверху, этим занимался председатель колхоза А. Калинин (записано от Яковлева Николая Васильевича).

Некоторые перипетии «борьбы» с яргой хорошо отражены в материалах первого номера журнала «Источник» за 1996 г. [Суров М.В., 2001]. Здесь, в частности, пишут, что 9 августа 1937 г. в Комиссию партийного контроля при ЦК ВКП(б) об-

ратился управляющий Московской областной конторы Метисбыта товарищ Глазко с образцом маслобойки, изготовленной на заводе № 29, с лопастями в виде «фашистской свастики». В ходе расследования был установлен факт изготовления в 1936–1937 гг. 55763 маслобоек с яргой. Обратившийся с заявлением просил направить дело в НКВД и указал ряд фамилий «виновных». Он писал: «Выпуск маслобоек, лопасти которых имеют вид фашистской свастики, считаю делом вражеским». Через два месяца Бюро комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) приняло решение передать дело в НКВД. При этом было учтено обязательство Л.М. Кагановича изъять в течение месяца лопасти маслобоек, имеющие вид нацистской свастики, и заменить их другими по виду [ЦХСД. Ф. 6. Оп. 1. Д. 79. Л. 64, 65; Суров М.В., 2001, с. 395, 396].

Во время Великой Отечественной войны идеологическая борьба с яргой-свастикой усилилась. Работники Каргопольского краеведческого музея уничтожили целый ряд редчайших вышивок, содержащих ярги-солнца [Багдасаров Р., 2001, с. 21, 22]. Подобное истребление музейных ценностей, содержащих яргу, в это время проводилось повсеместно, и не только в музеях. Известны действия спецотрядов НКВД на Русском Севере во время войны по изъятию и уничтожению вещей с яргами-солнцами у сельского населения. Лопари (коренные жители Севера) также до сего времени хранят память о 40 гг. прошлого столетия, когда им запретили вышивать крест с загнутыми концами на одеждах, исконно бытовавших в их культуре.

В это грозное военное время был дополнительный предлог по искоренению опасного знака: ярга вычленялась средствами искусства знаком врага, представлялась знаком изуверства и нечеловечности. Такой образ божественного знака

продолжает бытовать в подсознании нескольких поколений, выросших в СССР.

Так, в 1980-е гг. издательство «Художник РСФСР» готовило альбом «Русское народное искусство в собрании Государственного Русского музея». На одной из цветных вкладок был изображён подвес, на котором среди узорочья встречались кресты с загнутыми концами. При изготовлении пробных отпечатков в типографии ГДР немецкие исполнители обвели их на контрольном отпечатке и поставили знак вопроса. В результате вышедший из печати альбом уже не содержал изображений «крестов с загнутыми концами».

Основатель музея «Смоленские узоры» В.И. Грушенко, в продолжение тридцати лет исследовавший Смоленщину от края и до края, где ярги-кресты пронизывают все стороны народной культуры, рассказал такой случай. В 80-е годы 20 столетия, будучи в Демидовском районе, зашёл он в местный краеведческий музей к директору, которого застал за любопытным занятием. Директор, немолодой уже мужчина, на своём рабочем месте корпел над тканью, срезая бритвой кресты с загнутыми концами с музейных *божников*-полотенец. Нисколько не смутившись, он пояснил, что ему неудобно перед посетителями и гостями, а особенно перед начальством, за «фашистскую свастику» на местных *божниках*. Пример показывает, сколь сильна была большевистская «противояргическая прививка» у старшего поколения спустя 60 лет после запрета креста с загнутыми концами.

Н.Р. Гусева<sup>10</sup> так описывает время забвения и подавления ярги-свастики в общественной мысли и науке советского времени: «В публикациях, особенно в послевоенных изданиях, свастику изгоняли со страниц книг, и такое отношение можно понять, но трудно простить — ведь описание орнамента является строгим историческим источником, и такие

---

<sup>10</sup>Наталья Романовна Гусева – выдающийся индовед, доктор исторических наук, профессор. Председатель Общества Индийско-Советской дружбы.

искажения в передаче информации мешают учёным придти к должным выводам» [Гусева Н.Р., 2003, с. 161]. Она полагала, что запрет властей на свастику можно сравнить с действиями градоначальника города Глупова из известного сочинения М.Е. Салтыкова-Щедрина, когда тот по приезду сжёг гимназию и запретил науки. Можно написать указ о запрете солнца, но нельзя запретить его ежедневный восход, дарующий свет Земле.

В этой связи приведём характерный пример, как авторы умудрялись доводить до проницательного читателя научно-значимые сведения о крючковатом кресте, ни разу не упомянув его названия. «Декоративное убранство изб этого района<sup>11</sup> и, в частности, дом Тараканова имеет общий характер с художественными изделиями местных кустарей. Элементы карнизов и наличники окон напоминают формы изделий, выточенных на токарном станке. Украшающий их однородный орнамент плоской глухой резьбы таков же, как и орнамент художественных изделий кустарей. В том же стиле выполнены и скобяные изделия, формы дверных ручек наружных дверей в виде петухов и “вертушки”, напоминающей детские игрушки». Далее по тексту неопределённость понятия снимается выражением «однородный орнамент» и ссылкой на рисунок, где в схемах дома Тараканова показана круговая ярга небольших размеров (рис. А16) [Белоусова Е., 1955, с. 61, рис. 10].



Рис. А16. Круговой яргический узор плоской глухой резьбы на доме купца Тараканова. д. Зименки Семеновского р-на Нижегородской обл. 1817 г. [Белоусова Е., 1955, рис. 10, с. 61]

---

<sup>11</sup> Речь идёт о Семёновском районе Нижегородской области, где большая часть проживающего населения – старообрядцы.

Б.А. Рыбаков в знаменитых трудах о древнейшей материальной культуре славян и русов, об основах их мировоззрения, как правило, обходился весьма ограниченным количеством изображений и упоминанием ярги, глубоко рассматривая при этом её природу и значение в обширных текстовых построениях. С чем же связана такая «скромность» в отношении к широко известному знаку? Ответ для исторической и археологической наук сегодня не может быть однозначным. Его поиск осложняется двумя явлениями. В труде «Язычество древних славян» Б.А. Рыбаков, опираясь на идеи В.А. Городцова, опубликовал из его работы рисунок северовеликорусской вышивки. Эта классическая в науке ссылка на основополагающие идеи, подкреплённая к тому же и снимками, доказательно подтверждает мысли самого учёного. Однако один и тот же рисунок у В.А. Городцова и у Б.А. Рыбакова несёт различную смысловую нагрузку (рис. А17). Вместо трёх ярг как у В.А. Городцова у Б.А. Рыбакова на их местах помещены равносторонние кресты [Городцов В.А., 1926, рис. 16; Рыбаков Б.А., 1981, с. 79]. Вместе с тем, например, А.К. Амброз в своей статье, ссылаясь на тот же рисунок В.А. Городцова, дал его прорись без искажений, с яргами [Амброз А.К., 1966, рис. 6].

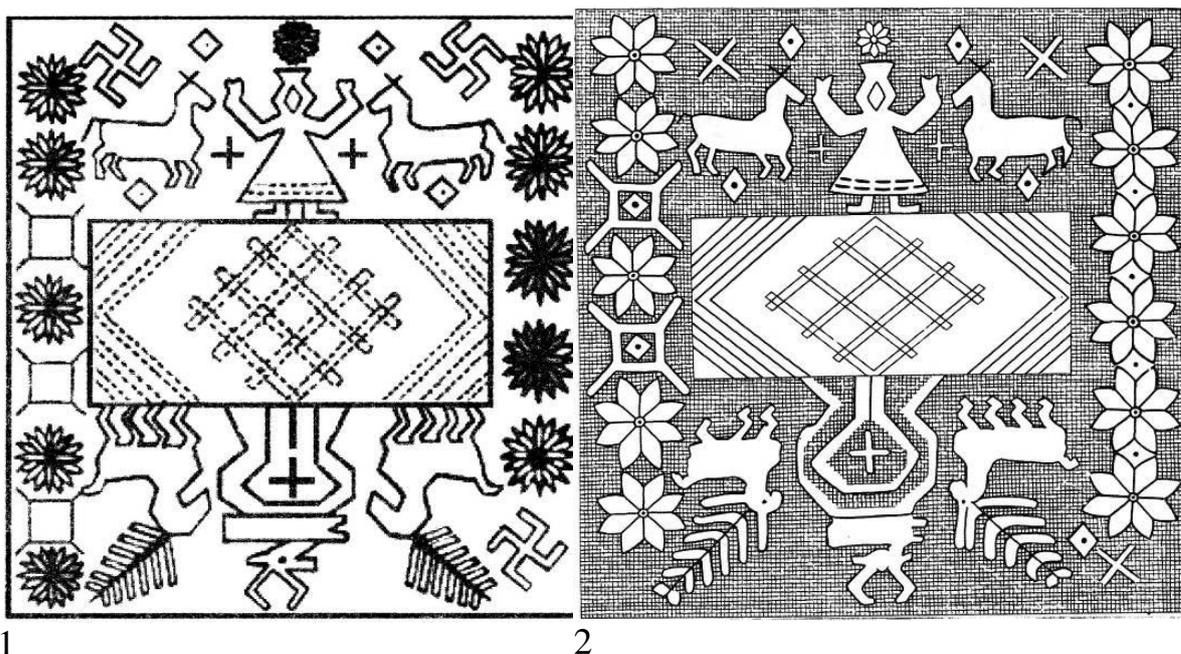


Рис. А17. Сокрытие ярги: 1 – северновеликорусский народный узор с яргами на спинах коней [Городцов В.А., 1926, рис. 16]; 2 – тот же рисунок, показанный Б.А. Рыбаковым со ссылкой на Городцова [Рыбаков Б.А., 1981, с. 79]. Здесь вместо яргов Рыбаков показывает косые кресты

Объяснение подмены Б.А. Рыбаковым ярги на крест видится в следующем. Журнал «Советская археология» со статьёй А.К. Амброза издавалась малым выпуском, предназначенным только для ограниченного круга исследователей. Труд же Б.А. Рыбакова был издан и переиздан сотысячными выпусками, доступными для миллионов читателей, не подозревающих о подобном искажении научной истины. Можно привести и другие примеры изобразительной подмены ярг в выдающемся труде Б.А. Рыбакова<sup>12</sup>.

Установленное нами событие искажения Рыбаковым русского узора совершенно недавно получило точное объяснение.

<sup>12</sup>Очевидно, что подмена ярг осуществлена цензурой, при вынужденном согласии Б.А. Рыбакова.

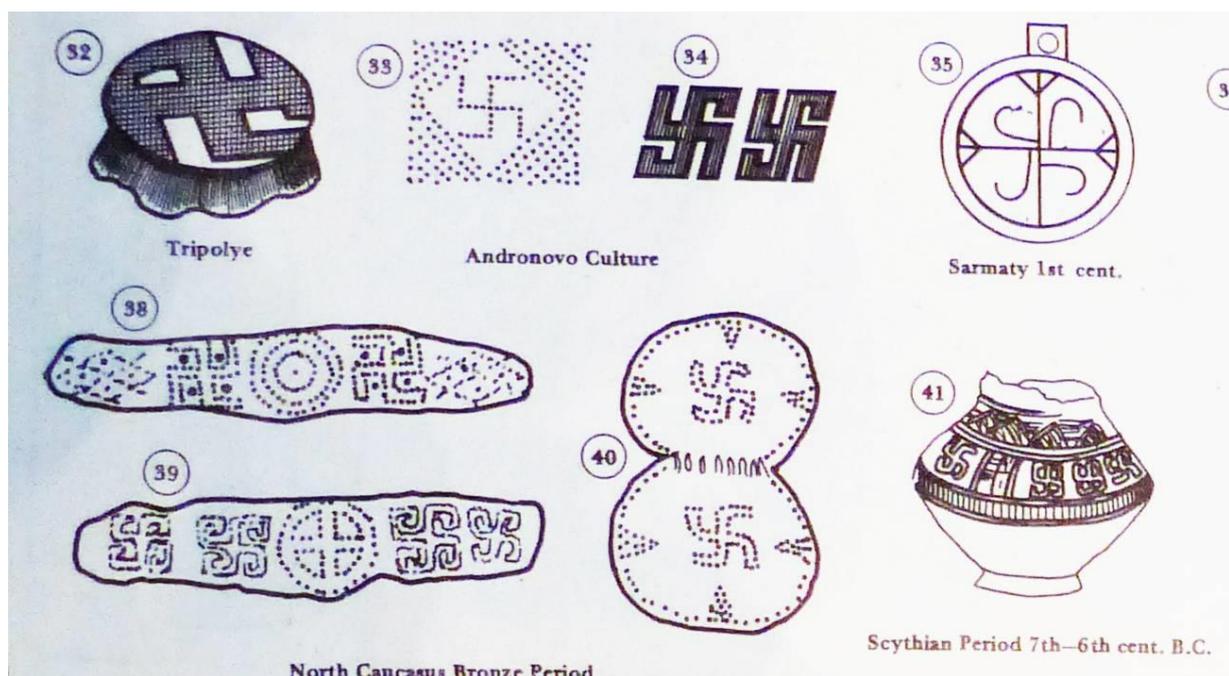


Рисунок А17а. Это рисунки с яргами и свастиками, изъятые из научной работы по цензурным соображениям [Zharnikova S., 1984, вып. 6, рис. 1-61; Жарникова С.В., 1985, рис. 1-51]

Но прежде ещё приведём пример яркого явления запрета на яргу и свастику в трудах русских советских учёных. Изучая известные работы С.В. Жарниковой по русскому народному и индоевропейскому узорочью, мы обратили внимание на её статью в Международном сборнике 1984 г. Сборник учёных международного уровня был издан в Москве на одном из иностранных языков, под покровительством ЮНЕСКО. В статье представлен широкий ряд из яргических и свастических знаков [Zharnikova S., 1984, вып. 6, рис. 1-61]. Всего показано шестьдесят одно яргическое и свастическое изображение, они все обозначены числами. Сложности перевода и интерес к статье был столь большим, что мы нашли копию, повтор этой статьи на русском языке, выпущенной в 1985 году в той же редакционной коллегии [Жарникова С.В., 1985, вып. 8, рис. 1-51]. Каково же было наше удивление, что в рисунках статьи, изданной на русском языке, мы не увидели образцовых и классических ярг и свастик. Часть рисунков исчезла бесследно, другая часть была заменена иными узорами. Исследование текста показало, что вырванных листов нет, подчисток также. Куда из статьи де-

лись двадцать рисунков с яргами? Через несколько лет, уже общаясь со С.В. Жарниковой, мы услышали из её уст по этому поводу следующее. Когда сборник был готов к изданию, его прочитали соответствующие товарищи из ЦК партии, как было принято. Бьющие в глаза ярги им не понравились, о чём было сказано Б.А. Рыбакову, отвечавшему за содержание. С.В. Жарникова рассказывает это так: «И вот звонит Борис Александрович мне домой и говорит, что Светлана Александровна, нужно немного статью подправить. Вот свастики, самые такие, необходимо из статьи убрать. Я ему отвечаю. - Борис Александрович, так ведь уже статья вышла у нас в Москве, с этими рисунками! Рыбаков: - Так это для ЮНЕСКО, за рубеж. ... В ЦК просили убрать свастики. Понимаешь, 40 годовщина Победы над нацизмом (разговор был в преддверии Дня Победы). Неудобно. .... Я же тоже в работах вынужден свастики заменять на косые кресты». В итоге статья была обрезана на два добрых десятка образцовых ярг и свастик, часть которых заменена иными узорами (рис. А17 а). Разговор прояснил ещё более важные вещи. Ярга в трудах Б.А. Рыбакова исчезала не по недосмотру академика, а по требованию контролирующих лиц. Случай с работами Жарниковой и Рыбакова подтверждает существование запрета на показ яргического узорочья в СССР.

Другим примером сокрытия ярг в исследовании служит статья И.Я. Маясовой [Маясова И.Я., 1966, с. 307], где рассматривается толкование иконографического образа «Предста царица...», широко распространённого в Московской Руси в 16-17 вв. Нет сомнения в высоком уровне исследовательницы, о чём свидетельствует глубокая трактовка образов картины, вышитой царевной Ксенией Годуновой. На рисунке в работе И.Я. Маясовой на одеяниях Богородицы полностью отсутствуют какие-либо узоры [Маясова И.Я., 1966, рис. 2], хотя на подлиннике, который выставлен в Сергиево-Посадском музее вся одежда Богоматери украшена сплошным солнечным полем начальных левосторонних ярг<sup>13</sup>.

---

<sup>13</sup>В музейном издании СПГИМЗ с помощью увеличительного стекла можно хорошо рассмотреть яргические узоры на одежде Богоматери [Спирина Л.М., 1994, снимок «Предста царица...»].

Можно, конечно, предположить, что ограниченность типографских возможностей не позволила проработать мелкие детали изображения. Однако в книге десятки других рисунков, на которых показаны все мельчайшие узоры, как и положено в изданиях такого уровня. К тому же в обстоятельной трактовке образов шитья Годуновой ни словом не упомянуто о кресте с загнутыми концами. Несомненно, что редактору работы академику Д.С. Лихачеву и И.Я. Маясовой были известны академические основы исследования таких редчайших образов. В частности теоретик-народовед В.Н. Харузина в начале 20 в. писала: «Орнаментальные мотивы народности могут быть правильно поняты лишь при тщательном изучении лежащих в основе их идей» [Харузина В.Н., т. 1. 1909, с. 283]. Эту мысль подтверждает и Т.В. Николаева: «Всегда смысл вещи был важнее её красоты. Простое украшательство, создание предметов без назначения не характерно для древнерусского искусства» [Николаева Т.В., 1976, с. 9]. Здесь можно привести слова В.В. Стасова: «Орнаменты всех и вообще новых народов идут из глубокой древности, а у народов древнего мира орнамент никогда не заключал ни единой праздной линии: каждая чёрточка тут имеет своё значение, является словом, фразой, выражением известных понятий, представлений. Ряды орнаменталистики – это связанная речь, последовательная мелодия, имеющая свою основную причину и не назначенная для одних только глаз, а также и для ума и чувства» [Стасов В.В., 1872, с. 16]. Конечно, «Предста царица...» – вещь на церковную тему, но исполнена она в народном ключе. Что же касается нашей темы, то древности исследуются на изобразительном, художественном и знаковом уровнях, где последний занимает ведущее положение в понимании образов объекта исследования. В статье же И.Я. Маясовой этот уровень значительно принижён путём изъятия из описания и изображения яргических знаков, что, собственно, искажает достоверный результат научного исследования.

Запрет использования слова «свастика» сказывается в работе известнейшего учёного В.Н. Лазарева. В частности, при описании узорного пояса северной и южной сторон апсиды

Софии Киевской, он подчёркивает, что собор «отличается большой монументальностью... На синем фоне, заключённом между кроваво-красными полосами, которые обрамлены тонкими белыми линиями, размещаются зелёные ромбы и квадраты с красными обводками. В них вписаны золотые кресты различных форм... Ромбы и кресты имеют орнаментальные дополнения в виде золотых и белых пальметок, лепестков и орнаментов ступенчатого типа...» [Лазарев В.Н., 1960, с. 134, таб. 48, 49]. В этой связи Р.В. Багдасаров заметил, что на самом деле, говоря о «крестах различной формы», осторожный учёный подразумевал чередование собственно крестов с разнонаправленными яргами, поскольку именно таково в действительности это обрамление [Багдасаров Р., 2001, с. 153]. Точная оценка Р.В. Багдасарова — «осторожный учёный» — может быть отнесено к целому ряду исследователей, работавших в советское время, которые порой на собственном печальном опыте убеждались, сколь опасно иметь дело с яргой, а более того, с нарушением идеологических установок.

Запрет начертания и написания очевиден и в опубликованном изображении глиняного сосуда, найденного в Самарре и датированного 4 тыс. до н.э. В послевоенных изображениях этого памятника срединная свастика, как правило, отсутствует. Так, на задней обложке научно-просветительской книги А.Л. Монгайта «Археология и современность» изображение ярги полузатёрто, чем создаётся ложное впечатление о плохой сохранности подлинника [Монгайт А.Л., 1963].

Народный мастер России, исследовательница северновеликорусского наследия Г.М. Баландина так оценила воздействие запрета на изображение ярги и её физического уничтожения: «Из этого мотива<sup>14</sup> сложилась и свастика, вещи с изображением которой так жестоко уничтожались во время войны и в послевоенные годы. Чтобы сохранить узор и, в то же время, не быть наказанной за его исполнение мастерицам приходилось вносить в традиционные орнаменты изменения так, чтобы свастика не прочитывалась...» [Баландина Г.М., 1994, с. 92, рис. 16].

---

<sup>14</sup> Ярг-узора.

Для современного общественного мнения (мы его отделяем от народного) среди наших соотечественников тоже характерно недопонимание историко-культурного значения ярги не только для русской культуры, но и для культур большинства народов России. У народов России ярга и свастика также являются одним из основных знаков одежды, знаковых средств обрядов и обычаев. Существующий ныне законодательный запрет на нацистскую знаковость трудно отделить от запрета на использование ярги, и поэтому он, по сути, продолжает общекультурную политику большевиков-ленинцев 20–30-х гг. 20 в. запрещавших Бога, веру и русскую народную культуру. Вне всякого сомнения, это касается и других народов в определённой мере.

### **1.5. Исследование яргических знаков в коммунистическое время запрета**

Спустя год после выхода статьи наркома Луначарского, которая явилась, по сути, запрещением русской яргисвастики, выходит труд В.А. Городцова (1923) «Археология. Каменный период». В ней даётся общее представление о крючковатом кресте, сложившееся к тому времени в мировой науке: смыслы и значения; материка и земли, страны и народы его распространения; время исторического бытования; некоторые особенности изображения ярг; значение свастики для исследования научных проблем и т.д. Самым важным в труде, не утратившим научное значение и по сей день, стало открытие и подробное описание яргических узоров на костяных скульптурах птиц с палеолитической Мезиньской стоянки в Черниговской губернии (см. рис. А12). В этой связи весьма интересна оценка В.А. Городцовым изображения самой ярги: «...третья птица имеет... на задней плоскости брюшка — великолепно разработанный знак свастики, выведенный в фигурах меандра. Разработка этого мистического

знака доведена до изумительной виртуозности: видно, что мастер набил руку на производстве подобных фигур до совершенства. Ещё более изумительно то, что расположение концов свастики, согнутых в форме концентрических спиралевидных ромбов, даёт формы креста, тесно связанного с свастикой, ромба и меандра, также связываемых некоторыми исследователями с свастическим знаком» [Городцов В.А., 1923, с. 281, рис. 56, 57].

В другом своём труде, изданном несколько лет спустя под названием «Дако-сарматские религиозные элементы в русском народном творчестве», В.А. Городцов раскрыл не только внешнюю красоту крестьянских узоров, насыщенных яргами. На примере северовеликорусской вышивки он первым определяет идею о смысле трёхчастных узоров с образом Рожаницы в середине. В них народный образ Бабы он сравнивает с образом мирового древа, образом Верховной Богини, а коней с яргами на спинах соотносит с прибогами (см. рис. А17.1). Вычленив в работе понятие «элемент», В.А. Городцов, прежде всего уделяет внимание «прелестнейшей свастике». Ярга, многократно показанная им в северных крестьянских узорах, занимает одно из ведущих мест в его работе. Она служит учёному образом, вобравшим в себя народные духовные ценности, общим знаком культуры сарматов, даков и восточных славян 19–20 столетия. Знак понимается им в качестве характерного показателя индоевропейских культур. В.А. Городцов полагал, что *в линейных узорах и, в частности, в свастиках скрывается ключ к проблеме происхождения «русских славян», к разъяснению их древнего религиозного культа и к открытию, если не первородины, то той родины, из которой они выступили в пределы современной России* [Городцов В.А., 1926, с. 8]. В представлении учёного крест с загнутыми концами выступает особым знаком всех арийских племён и народов, сохранившим своё древнее

значение в крестьянских узорах. Исследование В.А. Городцова считается классическим трудом русского народоведения с позиции обоснования идеи Верховного начала у древних славян и использования метода этнических реконструкций и этнических атрибуций – родокультурного понимания, описания и восстановления.

Е.Н. Клетнова, профессор археологии, в своей работе «Символика народных украс Смоленского края» впервые исследовала крестьянские украсы (в т.ч. и яргу) в границах только одной местности – нескольких уездов Смоленщины. Она показала древнейшие пласты славянской культуры, лежащие в основе современной народной культуры Смоленщины. При этом Е.Н. Клетнова подчеркнула, что «особенно выдающийся интерес представляют типы крюковых фигур уже известных в древнейших культурах Востока под названием “свастики”» [Клетнова Е.Н., 1924, с. 118]. Исследователь значительно расширила перечень начертаний, включаемых в круг яргических знаков и дала им свои названия: «осложнённая» свастика; «расколонная» или «расколотая», свастика, середину которой образует ромб; «утратившая свои загибы расколотая свастика» — ромб со «свастически загнутыми от-метами». Исследовательница рассматривала яргу как общую характерную черту народной культуры Смоленщины и местной раннесредневековой археологической культуры<sup>15</sup>.

Смысл знака определяется в работе с опорой на его народные названия в сравнении с занимаемым им положением в знаковых образах женских одежд. Е.Н. Клетнова считает свастику принадлежащей культуре славянских, иранских и других индоевропейских народов, с которыми смоленская ярга и узоры имеют непосредственную родовую связь. На примере смоленских украс Е.Н. Клетнова первой среди отечественных учёных выделяет наиважнейшую характеристику изображе-

---

<sup>15</sup> Гнёздовские курганы и другие раскопки в районе Смоленска.

ния ярги: «С нею главным образом исполняются широкие узоры, *но всегда она является вписанной обязательно в ромб*: гладкий, гребёнчатый, даже особого вида крюковой со свастически загнутыми отлетами». На современных ей материалах Клетнова показала самобытность и разнообразие яргических очертаний в народной культуре смолян, подчеркнув при этом связь первых с индоиранскими культурами [Клетнова Е.Н., 1924, таб. XXVII–XXXI]. В труде Е.Н. Клетновой прослеживается дальнейшее обоснование взглядов В.И. Сизова о прямой связи археологической культуры раннего Средневековья Смоленщины с существующей крестьянской культурой края.

В выпущенной в 1924 г. работе «Крестьянское искусство» В.С. Воронов рассматривает связь знакового содержания узоров в различных видах резьбы и росписи, вышивки и ткачества. Изучение народного творчества учёный проводил на материалах своих многочисленных полевых исследований по Северным, Срединным, Поволжским и Уральским губерниям России, а также в музейных собраниях. Воронов полагал, что в основе узоров находятся те «иконографические элементы, художественное бытие которых уже исчисляется долгими веками», причём многообразные и богатые значения их были «заложены в древнюю языческую пору». По его мнению, содержание всего узорного русского крестьянского искусства принадлежит «к символической иллюстрации древних религиозных начал народной жизни» [Воронов В., 1924, с. 113]. При этом изобразительная сторона народного искусства связывалась им с древними родноверческими культами. В ярге-кресте он видел родноверческое начало духовной, религиозной жизни народа, которая как древнейший знак легко выделяется в крестьянском искусстве [Воронов В., 1972, с. 312].

Учёный допускает некоторое иновлияние на крестьянское искусство (особенно в годы правления Петра I и позже), но

при этом утверждает незыблемость начертаний, изображений древнейших знамений, которые всегда присутствовали в крестьянских узорах. Его образное выражение по вопросу древности ярги и иновлияния столь ярко, сколь и содержательно: «Отделив западный жбан и восточный кумган, мы остаёмся перед примитивной братиной, имеющей своим прототипом глиняный курганный сосуд, и фигурным скопкарем в форме водяной птицы, вещающем о древне-языческих религиозных празднествах и пиршествах. За букетом и гирляндой 18 в. сразу виднеется древнейшая свастика...» [Воронов В., 1924, с. 114]. Итак, учёный относит яргу к знакам древнейшего времени. Оценивая историческую глубину основных знаков крестьянских узоров, включая и яргу, он определил несколько тысячелетий непрерывного пребывания последней в народной культуре.

Изобразительной основой крестьянского искусства, в частности вышивки, В.С. Воронов считал линейные яргические образы: «В вышивке преобладают чистые геометрические узоры, составляющие, видимо, более старый орнаментальный слой. Главным элементом их служит древнейший мотив свастики, усложнённый или раздробленный в бесчисленном множестве остроумных геометрических вариаций (так называемые “гребни”, “расковка”, “kozyри”, “крылья” и пр.). На этом мотиве, как на основе, развёртывается художественная изобретательность вышивальщиц» [Воронов В.С., 1972; 1925, с. 91, 92].

В это же время свои исследования материальной культуры южновеликорусского населения Мещёры — глухих лесных и болотистых мест Северо-Востока Рязанской и прилегающих земель Владимирской и Тамбовской губерний проводит московский профессор Б.А. Куфтин. В своём знаменитом труде «Материальная культура русской Мещеры» (запрещённом, кстати, в те же годы) Куфтин в качестве важнейшей характе-

ристики великорусской народности широко использовал собственно яргу и яргические знаки, которыми были насыщены древние славянские одежды, а также предметы домашнего обихода крестьян Поочья (рис. А18) [Куфтин Б.А., 1926, с. 39-72, рис. 3, 4, 5, 8, 9, карта]. Основная задача его труда

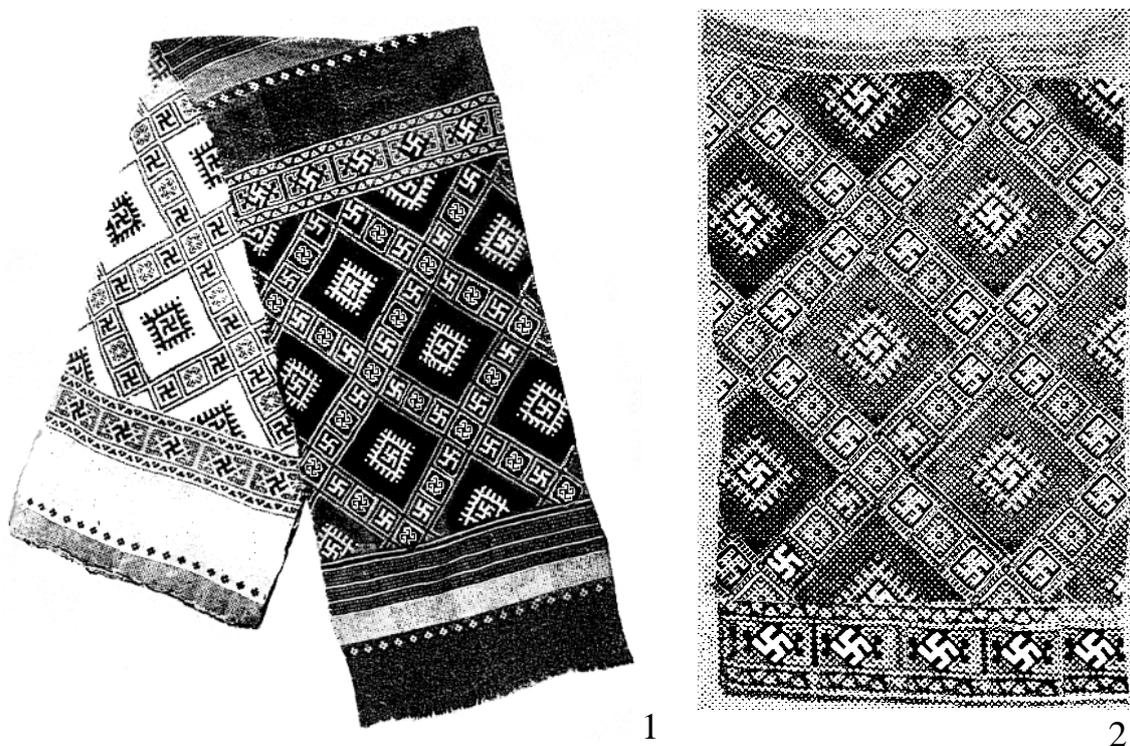


Рис. А18. Яргические образования: 1 – яргические образования в Рязанских понёвах. д. Парахино Касимовского уезда. 20 в. [Куфтин Б.А., 1926, таб. V]; 2 – ярги-кони в материале для понёв крестьянок Мещёрского края. Кон. 19 – нач. 20 в. [Малинина М., 1927, рис. Б/н]

заключалась в описании материальной культуры и определении древних родовых корней населения мещерской низменности — Мещёры.

Б.А. Куфтин весьма ярко использовал яргу при решении вопроса установления древних славянских корней жителей Мещёры. Показывая вещные области бытования креста с загнутыми концами, древние способы тканья и вышивки, исторические и языковые данные, он с помощью этих характеристик решил расовую принадлежность древних жителей По-

очья. Исследователь разграничил научные понятия «татармишарей» и так называемых «мещеряков», считавшихся ранее финно-уграми, отнеся при этом последних к потомкам древних славян. Благодаря Куфтину образ вятичей-рязанцев — жителей Мещёры и образ ярги стали частями единого знако-племенного понятия, где крест с загнутыми концами оказался родовым знаком жителей раннего Средневековья Мещёры. Ярга рассматривалась в нём как знак отражения духовной родноверческой культуры народа. Выявленные Куфтиным народные наименования креста с загнутыми концами соединяли его образ с солнцем, конём и змеей. Всеми последующими поколениями советских учёных и исследователей русской культуры этот труд был признан классическим произведением народоведения.

По материалам этнологических экспедиций в Брянской, Рязанской и Калужской губерниях в 20-х годах 20 в. классик русского народоведения Н.И. Лебедева выпустила несколько работ [Лебедева Н.И., 1927, 1929; 1956]. Она часто использовала «прелестнейшую<sup>16</sup>» яргу для характеристики явлений народной культуры, но при этом гораздо важнее, что её работы в силу своей основательности и теоретической глубины в изучении проблем народной культуры обеспечили «тылы», создавали запас прочности в обосновании древности и самобытности русской народной культуры, тесно связанной с яргическими знаками. Собрания Н.И. Лебедевой вещей для музеев по Пензенской, Рязанской и другим областям, их описания хранят огромный пласт научного материала по яргам, который до настоящего времени не введен в научный оборот. Материалы находятся в Рязанских областных музеях и архивах.

В книге «Происхождение креста», изданной в 1927 году, рассматриваются проблемы генезиса первообразов свастики,

---

<sup>16</sup>Любовь и научное отношение Н.И. Лебедевой к народному знаку выразилось вот таким чисто женским выражением.

содержится важный материал о бытовании яргических знаков среди западных и восточных славян. Один из её авторов, А. Немоевский, приводит в ней ценнейшие обобщённые свидетельства по распространению ярги у малорусов, моравов и поляков [Немоевский А., 1927, с. 70-80].

Попытка разделить яргу, на условно говоря, индоевропейскую и «фашистско-антисемитскую» прослеживается в статье Малой советской энциклопедии [МСЭ, т. 7. 1930, свастика]. Это одна из редких работ, где были обозначены существовавшие в то время взгляды на происхождение первообраза ярги.

Исследователь М. Макаrenchенко в 1931 г. издал материалы обследования Софии Киевской. Из них видно, что в росписях собора древние мастера широко использовали яргу и яргические образы [Макаrenchенко М., 1931, с. 73]. Согласно результатам скрупулёзного исследования, материал отделки собора был отнесен к местному производству, а стиль резьбы характеризовался как «начальный этап киевской пластики». В системе средневекового убранства Софийского собора (датируется 1037 г.), как и Десятинной церкви, отмечается особый приём – соединение мозаики и фресковой росписи. В собственно византийских памятниках этот приём неизвестен [Каргер М.К., 1951, с. 342]. Следовательно, в архитектурном убранстве собора был помещён исконный на Руси яргический узор, выполненный местными мастерами.

Прошедшие во второй половине 20-х гг. 20 в. крупные научные собрания — Этнологические Сопещания — были ознаменованы успехами русских учёных в теоретическом споре отстаивания исторической и культурной самобытности русской народной культуры. В докладах Сопещания и в других материалах того времени получила дальнейшее развитие проблема яргических знаков. Знак ярги вычленяется как характерная особенность отдельных предметов крестьянской

одежды: головных уборов Нижегородчины; понёв Рязанщины [Званцев М.П., 1929, с. 117, 118; Малинина М., 1927, с. 4–9, рис. 9]. Однако после Второго Этнологического совещания в отношении народоведов и самого направления (исследования русской истории и народной культуры) в целом были приняты жёсткие репрессивные меры (1930–1934 гг.). По решению партии, изучение целого ряда тем русского народоведения свертывалось, а управление исследованиями переводили из Москвы в Ленинград. Самых же учёных расстреливали, ссылали, заключали в дома сумасшедших [Формозов А.А., 2006]. «Народоведение» переименовали в «этнографию». Казалось бы, этим погромом и закончилась эпоха изучения творчества русского народа. На долгие годы и наименование креста с загнутыми концами словом свастика, и его изображения исчезли из тем научных исследований и изданий. Запрет наркома А.В. Луначарского вступил в полную силу.

Однако в истории науки есть направление исследования как своего рода исключение, где изучение ярги и свастики не прекращалось. В течение всего советского времени истории России-СССР усиленно изучалась мощная андроновская археологическая культурная общность, охватывающая просторы Сибири, Урала, Зауралья и другие районы. Историю её исследования можно выделить в самостоятельное направление.

В этой связи необходимо отметить, что одновременно с первыми статьями (докладами) об андроновской культуре её постоянным спутником становится крест с загнутыми концами и его разновидности. Несмотря на то, что большинство материалов по андроновцам издано в советское время, когда резко ограничивался показ ярги и яргических знаков (рис. А19), в них она приобрела неоспоримый статус яркого знака характеристики андроновской культуры, соотносимой с древнейшими ариями [Теплоухов С.А., 1927, таб. VII–12;

VIII–15, 21, 22, 27; Мартынов А.И., 1982, с. 105; Кузьмина Е.Е., 1994, рис. 27-1, 5; 25-6, 9; 24-1, 4, 7; 23б-15, 21,23, 22; 20б-6; 19-2, 12, 14, 21; Бобров В.В., Молодин В.И., Журба Т.А. и др., 2000, с. 82, рис. 64 и др.]



Рис. А19. Андроновская культура. Свастика на сосудах 2 тыс. до н.э. (Кузьмина Е.Е., 1994, с. 410–452, рис. 19–24; Эп. брон. лес., 1987, с. 384, 386, рис. 105-17, 107-24; Косарев М.Ф., 1964, с. 212 и др.)

С.Н. Дурылин на основании сложности и развитости начертаний меандрического узора (яргическое узорочье) андроновской керамики сделал выводы о её возрасте и составе использовавшего её населения [Дурылин С.Н., 1927 а; 1927 б]. В послевоенные годы К.В. Сальников предложил временное строение андроновской культуры, где разновидности и богатство узоров выступают одним из важнейших признаков такого деления [Сальников К.В., 1948; Кузьмина Е.Е., 1994]. Весьма важным представляется вывод К.В. Сальникова о связях андроновской культуры с культурой скифо-савроматских племён, в узорах которых постоянно присутствует крест с загнутыми концами. «Процесс изменения форм и орнамента керамики андроновских поселений Зауралья представляется как последовательное появление на каждой стадии новых типов с сохранением типов предыдущих стадий» [Сальников К.В., 1951, с. 117; Кузьмина Е.Е., 1994, с. 15].

В.Н. Чернецов на основании близкого сходства андроновского узора с угорским, истоки которого восходят к неолитической керамике, предположил родокультурную связь угорского населения Зауралья с носителями федоровской линии андроновской культуры. Он утверждал, что «на протяжении неолита и бронзы лесные районы Зауралья и Приобья показывают совершенно несомненную культурную и, насколько можно судить по орнаментации керамики, этническую общность с более южными лесостепными и степными областями», т.е. с носителями андроновской культуры [Чернецов В.Н., 1953, с. 58]. Несколько ранее Чернецов установил, что федоровцы наносили ковровый узор по косой сетке. Это обусловило специфичность федоровских деталей узора: косой треугольник, «косая свастика», «косой меандр» и его разновидности, треугольные фестоны и свисающие треугольники. Дно федоровских горшков иногда украшалось «косой» свастикой, крестом, сеткой [Чернецов В.Н., 1948, с. 151, 152; Зотова С.В., 1965, с. 177–180; Кузьмина Е.Е., 1994, с. 117].

Из работ В.Н. Чернецова следовало, что свастика и её развитые андроновские типы являются частями исконного угорского узора. Однако его идея не нашла всестороннего обоснования и развития в работах других исследователей, а впоследствии была обоснованно отвергнута Е.Е. Кузьминой и другими учёными [Кузьмина Е.Е., 1994]. Вместе с тем, метод этногенетических реконструкций и этнических атрибуций, включающий соотнесение узора с определённой археологической культурой и последовательный перенос его через тысячи лет на культуру народов современности, не встретил никаких возражений. В археологии же этого времени яргический знак окончательно вошёл в состав основных показателей археологической культуры, а в народоведении он стал одним из родокультурных показателей племени и народа. Его включили во многие идентифицирующие методики как составную

или основную часть. О.А. Кравцова-Гракова, например, явление узорированных банок и горшков без уступа использовала в качестве главного признака для установления датировок памятников определённой археологической общности. Она считала, что «подчёркнутое зональное расположение орнамента» на горшках культуры служит основанием для выделения определённого археологического времени развития андроновской культуры [Кравцова-Гракова О.А., 1948, с. 149–153, 161].

В 1962 г. М.Н. Комарова в своём труде делит андроновскую культуру на два больших типа с выделением разновидностей, выявляя при этом узор и образ керамики основными показателями классификации [Комарова М.Н., 1962]. Несколько позже М.Ф. Косарев отмечал, что в «переходное время от неолита к бронзовому веку андроновидная орнаментальная традиция локализовалась в основном в районах, прилегающих к Южному и Среднему Уралу». Он связывал становление чераскульской, сузгунской и еловской андроновидных культур на южной окраине западносибирской тайги и севере лесостепи (2 тыс. до н. э.) с известными узорами, ссылаясь при этом на то, что «районы локализации названных орнаментальных (культурных) традиций следует связывать, видимо, с определёнными этнокультурными ареалами» [Косарев М.Ф., 1981, с. 22, 221, 227]. И, наконец, Е.Е. Кузьмина, рассмотрев статистику, ход изменения начертаний и узоров керамики на примерах одной из разновидностей андроновской культуры, создала шкалу памятников андроновской археологической общности [Кузьмина Е.Е., 1994, с. 21].

Рассматривая развитие взглядов учёных по определению временных отрезков существования андроновской культуры, сравнение особенностей последней с культурами исторических (скифы, сарматы, савроматы, персы) и современных народов, мы видим, что значение узора (в т.ч. яргического)

ставится на одно из первых мест, а в отдельных случаях он считается основным показателем того или иного вида археологической культуры при её соотнесении с культурой современных народов [Стоколос В.С., 1972, с. 105, 113; Потёмкина Т.М., 1979, с. 19–23; 1985; Кузьмина Е.Е., 1975; 1994, с. 45–51, 54; Зудина В.Н., 1981; Отрощенко В.В., 1976; Волкобой С.С., 1979; Бобров В.В., Молодин В.И., Журба Т.А. и др., 2000]. Так, Е.Е. Кузьмина, развивая ранее существовавшие в археологии идеи, определила пять важнейших признаков в гончарстве, служащих показателями народности, археологической культуры и её этапов. Четыре из них она соотносит с узором: 1. Основа построения узора по С.В. Иванову [1963] и по С.В. Зотовой [1965]. 2. Детали узора по М.Н. Комаровой [1962]. 3. Размещение деталей узора по зонам и их сочетания. 4. Способ нанесения узора [Кузьмина Е.Е., 1994]. Показывая связи андроновцев с другими культурами, Е.Е. Кузьмина определяет их и через наличие яргических узоров.

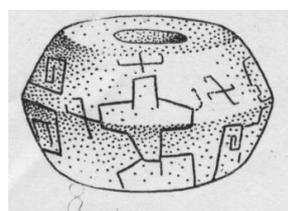
Таким образом, андроновская археологическая общность как культура ариев-индоиранцев в настоящее время представляется учёными через совокупность характерных черт, где свастика со своими семейственными разновидностями занимает прочное место одного из её основных показателей.

«Хрущёвская оттепель» в конце 50 — начале 60 гг. 20 столетия сняла жёсткий запрет на изучение ярги и свастики, что, как следствие, расширило область изучения славянской историко-культурной тематики.

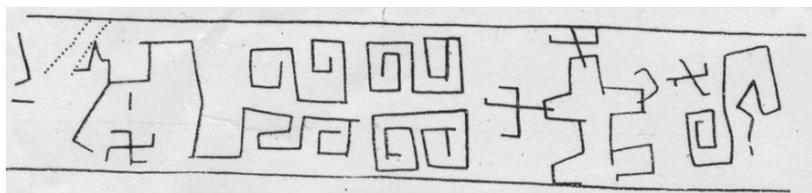
В известных трудах академика Б.А. Рыбакова ярга считается характерным знаком народности в протославянской, праславянской и древнерусской культурах [Рыбаков Б.А., 1981; 1988 и др.]. Следует отметить, что в силу известных причин того времени Б.А. Рыбаков не уделял много внимания изучению ярги, однако, с 1950 гг. он предоставляет ши-

рокий простор своим последователям и ученикам в освещении этой темы.

Впечатляющая картина распространения ярги и других древнейших знаков в средневековой культуре славяно-русов представлена в монографии А.Л. Монгайта, посвящённой истории Рязанской земли, летописному племени вятичей. В ней делается вывод о том, что знаки гончарных клейм древних славянских мастеров, проставляемые на днищах глиняных изделий, сходны на гигантских пространствах славянских земель, и к тому же «все эти круги, колёса, свастики, кресты связаны с солнечным культом» [Монгайт А.Л., 1961, с. 289]. А.А. Мансуров показал среди прорисей знаков-мет начертания яргических знаков, проставленных рязанскими крестьянами ещё в начале 20 в. на своих угодьях. Обсуждая смыслы рязанских знаков, исследователи отметили их первоначальное обрядовое значение (рис. А20-А23). При этом учёные не



1а



1б



2

Рис. А20. Шиферные пряслица с яргой и яргическими знаками: 1а – общий вид, 1б – прорисовка. Русичи, вятичи. 11-13 вв. Рязанская обл. Пронский р-н д. Студенец (Полякова Г.Ф., 1974, с. 219, рис. 2); 2 – с. Савинская Слобода. г. Звенигород, Московская обл. Вятичи [Станюкович А.К., 1997, с. 86-87]

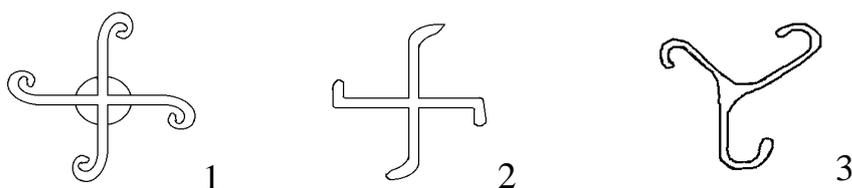


Рис. А21. Яргические клейма на днищах горшков: 1, 2 - с Рославля Рязанского. 12–13 вв. Вятичи [Коваль В.Ю., Медведь А.Н., 2000, рис. 6-6, 13, с. 194–205]; 3 – старо-рязанское клеймо. 13 в. [Мансуров А.А., 1946, таб. IV-3]

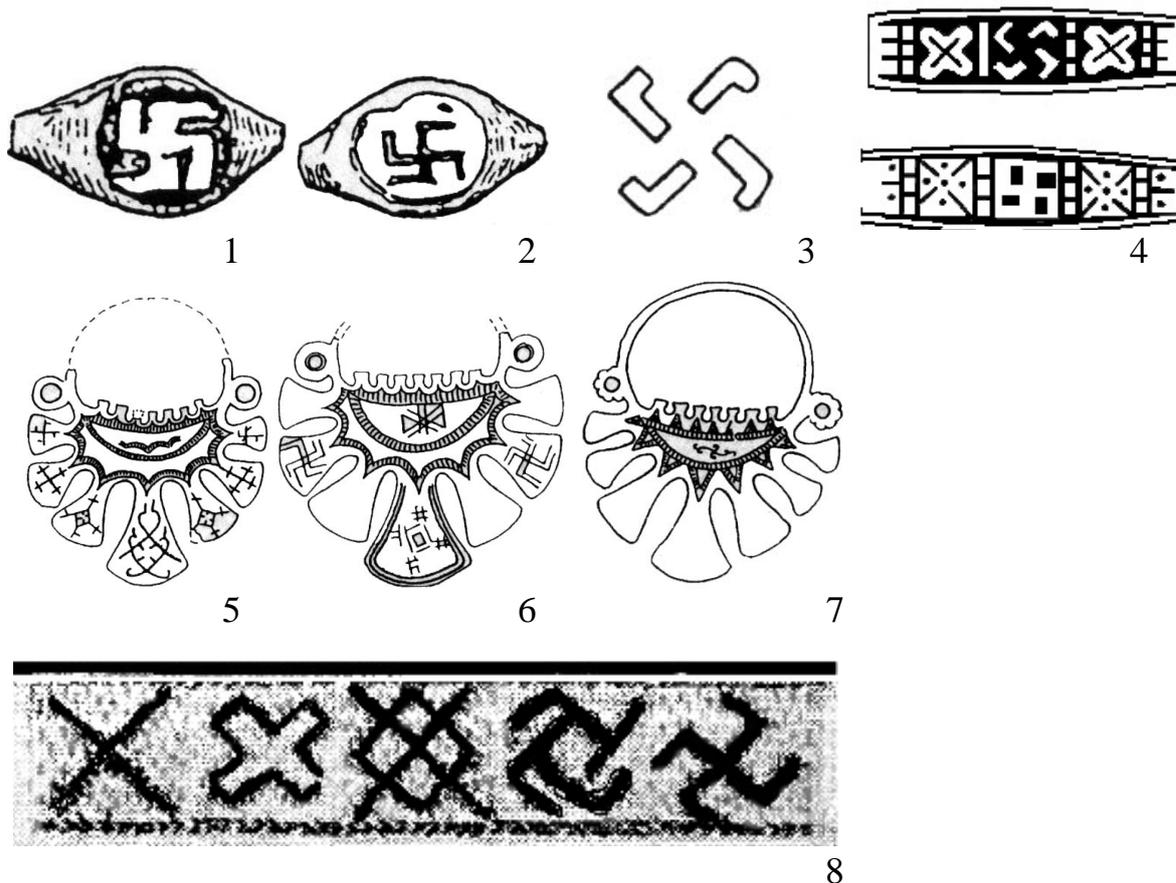


Рис. А22. Вещи вятичей с яргическими знаками: 1-3 – перстни с правосторонней яргой и яргическим знаком (Полубояринова М.Д., 1993, с. 27, рис. 6-6, 7); 4 – литые перстни трёхчастной структуры с яргами посередине. Найдены в бассейне Верхней Клязьмы и её притоков, а также в бассейне Средней Оки. 12 в. [Равдина Т.В., 1978, рис. 1, 3]; 5-7 – височные кольца (подвески): 5 – из курганной группы в Зюзино; 6 – из курганной группы в Дубках (Царицыно); 7 – из Биостанции МГУ (Расохино). 12-13 вв. [Макарова Т.И., Равдина Т.В., 1994; Рыбаков Б.А., 1998, с. 524, рис. 87]; 8 – шерстяная лента головного убора с яргой и ярг-знаком. Раскопки курганов близ с. Никольское Пушкинского р-на Московской обл. 12-13 вв. [Левинсон-Нечаева М.Н., 1959, рис. 12в, с. 33; Сабурова М.А., 1976, рис. 1, с. 127]

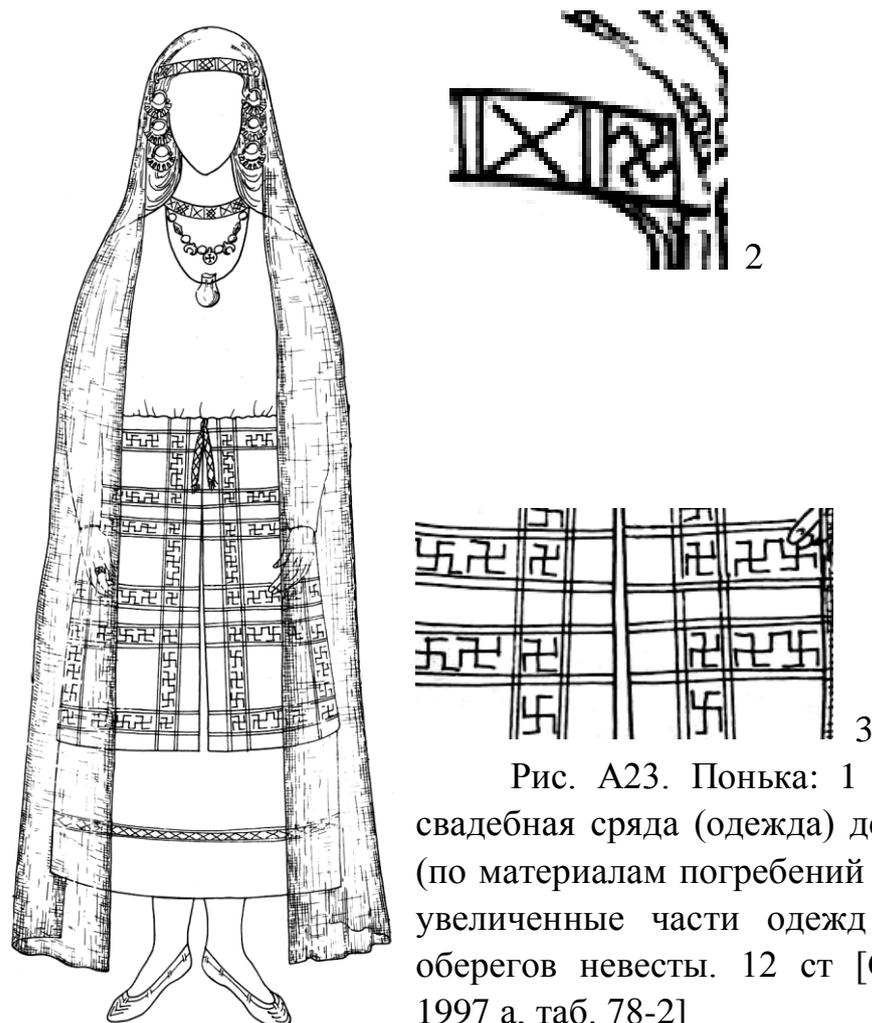


Рис. А23. Понька: 1 – воссозданная свадебная сряда (одежда) девушки-вятички (по материалам погребений вятичей); 1, 2 – увеличенные части одежд и украшений-оберегов невесты. 12 ст [Сабурова М.А., 1997 а, таб. 78-2]

связывали явление рязанской ярги с какими-либо заимствованиями из культур других народов [Мансуров А.А., 1946; Монгайт А.Л., 1961].

В послевоенных исследованиях продолжает развиваться идея особого положения и значения свастики в древних культурах, её принадлежность арийским племенам и народам. Так, Э.И. Соломоник считал широкое распространение ярги среди разных народов явлением заимствования. Он исходил из идеи распространения знака от одного народа, одной археологической культуры к другой, соотнося рассматриваемую культуру с культурными достижениями древних ариев и их потомков (рис. А24) [Соломоник Э.И., 1959].

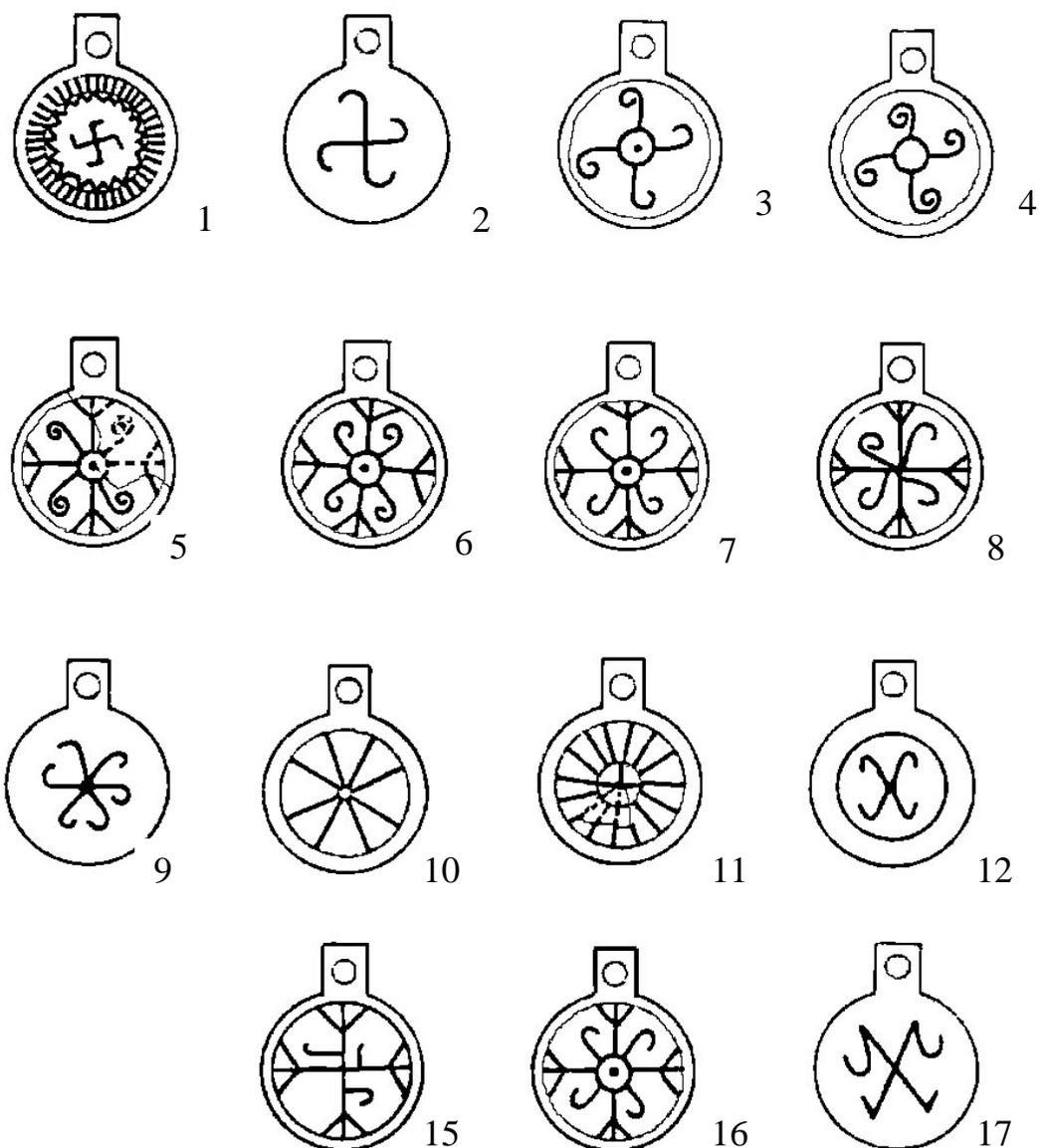


Рис. А24. Прорись яргических знаков на скифо-сарматских зеркалах (по Э.И. Соломонику): 1, 2, 3, 4, 16 – Прикубанье; 3, 11 – Крым; 4, 8, 15 – Приднепровье; 8, 12 – Поволжье; 9 – Херсонес; 10 – Танаис; 17 – Ольвия [Соломоник Э.И., 1959, рис. VI]

В 1960 г. появляется одна из первых советских работ, полностью посвященная смыслам знаков культов небесных светил в Древней Руси [Даркевич В.П., 1960]. Её сочинитель В.П. Даркевич сразу же подчеркнул отсутствие научной литературы по проблеме ярги у восточных славян. Рассматривая крючковатый крест и другие солнечные знаки, учёный ни

словом, ни мыслью не подверг сомнению положительное значение ярги и не вложил чего-либо отрицательного в её смысл, хотя для поколения В.П. Даркевича и его научных редакторов Великая Отечественная война 1941—1945 гг. осталась вечно живой по своим страшным результатам.

Тем не менее, сознание современников не связывало ужасы войны со знаком ярги. Ярга наряду с другими знаками – крестом, кругом, колесом – выступает явлением «настолько устойчивым, что в качестве декоративных элементов сохранилась в народных узорах (резьба по дереву, вышивка) до наших дней» [Даркевич В.П., 1960, с. 56, 59]. Учёный подчёркивает продолжающееся бытование ярги-креста в русской народной культуре во второй половине 20 в. В.П. Даркевич считал «прямолинейные» и «криволинейные» ярги повсеместно распространёнными в Древней Руси в значении огня и солнца. Им была составлена таблица народно-православных знаков небесных светил, встречающихся в средневековых русских украшениях, где широко представлены и яргические образы. Яргу и её разновидности Даркевич относил к древним начертаниям, присущим духовной культуре родноверческого мировоззрения русичей и дошедшим до современности в неизменных видах в русской народной культуре. Таким образом, работа В.П. Даркевича окончательно выводит тему ярги-креста из тридцатилетнего теоретического забвения, открывая научную дорогу для её дальнейших исследований.

В 1963 г. был издан труд С.В. Иванова «Орнамент народов Сибири как исторический источник», в котором были предложены методологические подходы к изучению народного узора, представлено значительное количество изображений узорочья, показана ярга народов Сибири, рассмотрен значительный материал по узорам восточных славян. По его мнению, сибирские народы свастику унаследовали от скифов.

Труд С.В. Иванова прочно закрепил значение исследования узоров как основных показателей древности народной культуры. Узор, по мнению исследователя, просвечивает культуру через века и тысячелетия, являясь связующим звеном разновременных культурных пластов народной истории [Иванов С.В., 1963].

В дальнейшем Н.В. Рындина (1963), А.К. Амброз (1966), Ильинская В.А. (1966), А.И. Мелюкова (1976), Т.В. Равдина (1978), Л.Д. Побаль (1979), Я.Г. Зверуга (1975; 1989), Г.В. Штыхов (1978), А.Р. Митрофанов (1978), В.В. Седов (1982), Б.А. Рыбаков (1981; 1988), И.В. Дубов (1990), П.Ф. Лысенко (1991), М.М. Седова (1981), И.К. Фролов постоянно упоминают в своих исследованиях этот знак: пишут о нём, издают его изображения, но, к сожалению, очень редко поясняют его смысловое значение.

Материалы по ярге включаются в труд советских ученых АН СССР «Русские» [Русские, 1967]. Крючковатый крест в нём связывается с древнейшими проявлениями русской народной культуры. Однако при этом необоснованно излагаются мысли о влиянии финно-угров на появление ярги у русских. Со времён В.В. Стасова это становится своеобразной нормой в трактовке тематики ярги, своего рода навязчивой идеей. Как только изложение материала доходит до описания явления яргических знаков в русской культуре, у отдельных исследователей тут же появляется необоснованная оговорка: заимствован от финнов, балтов, угров, греков и т. д. Подобные необоснованные оговорки прослеживаются и в современных статьях.

В советское время продолжается развитие темы взаимосвязей и взаимовлияний, а также многообразия свастических изображений звериного стиля в материальной культуре скифских и фракийских племён, родокультурно связанных с арийским наследием. Яргообразные скифские бляхи зверино-

го стиля близкородственны фракийским изделиям этого времени. Соседние народы, скифы и фракийцы, имели длительные тесные контакты в материальной и духовной культуре (рис. А25) [Ильинская В.А., 1966; Венедиктов И., Герасимов Т., 1973; Мелюкова А.И., 1976 и др.].

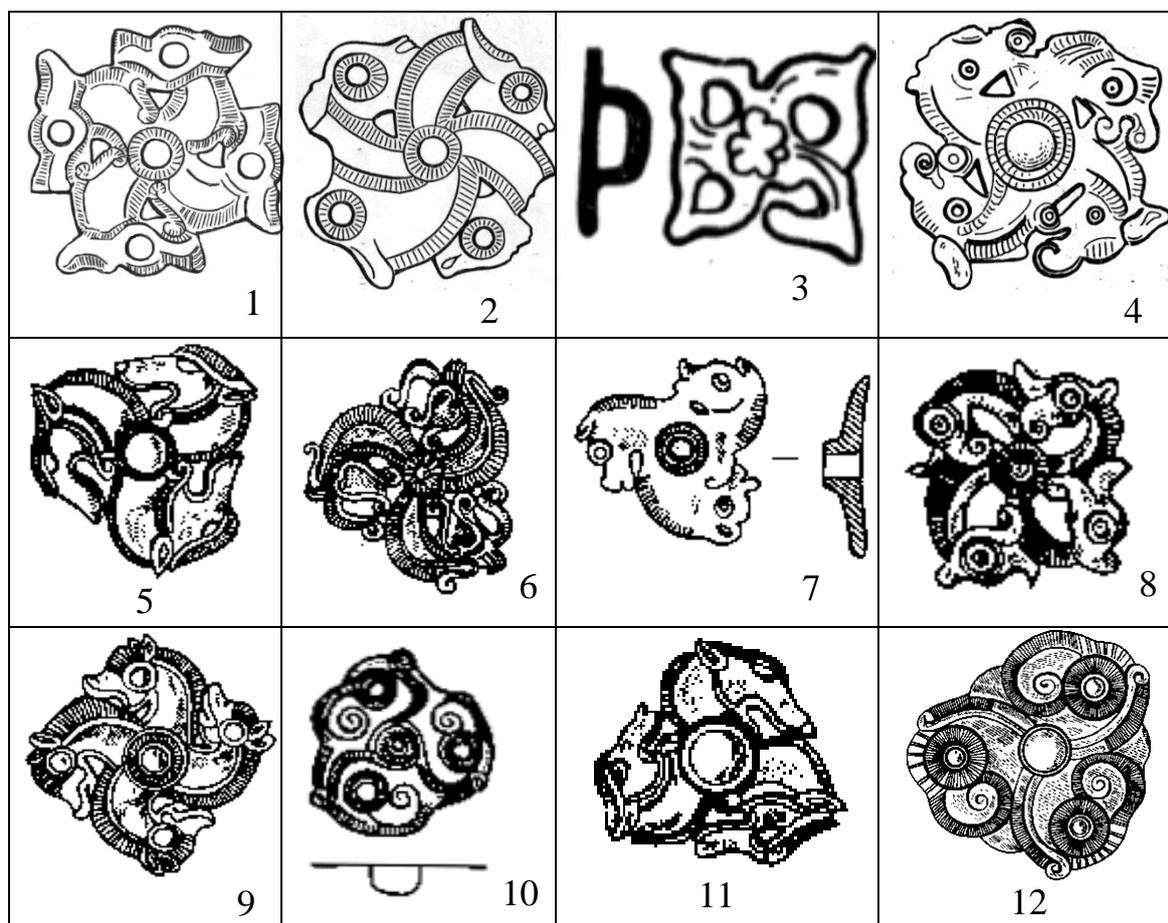


Рис. А25. Яргические знаки у скифов и фракийцев. Скифские «свастикообразные бляхи» звериного стиля из царских курганов Северного Причерноморья: 1 – Ольвия; 2 – курган Козёл; 3 – курган 8 у с. Волковцы; 4 – Краснокутский курган. 4 в. до н. э.; 5-12 – четырёх- и трёхголовые яргические бляхи конского снаряжения звериного стиля из фракийских земель фракийских мастеров. Сер. 1 тыс. до н. э. [Мелюкова А.И., 1976, с. 123–126, рис. 10-1–4; 11-1–3, 5, 6, 7, 9, 10–12]

К событиям выдающегося значения для истории изучения ярги относятся результаты раскопок Н.В. Рындиной новгородской ювелирной мастерской 13-15 вв. Здесь найдено большое количество перстней с образцовыми яргами, свиде-

тельствующее об их массовом производстве [Рындина Н.В. 1963].



Рис. А26. Вещи новгородских словен с яргическими знаками: 1 – пряжка. 13 в. [Седова М.В., 1981, рис. 56-13]; 2 – перстень новгородского типа. 13-14 вв. [Спицын А.А., 1897, с. 36, 47, таб. 13, рис. 31; 1902, таб. 15, рис. 11]; 3 – ключ 10-13 в. [Древ. Русь., 1997, с. 22, 253, таб. 7]; 4 – булавка. Кон. 12 в. [Седова М.В., 1997, с. 71, 301, таб. 55, рис. 10]; 5 – яргический узор растительного вида. Ярославль. Церковь Тихвинской иконы Божьей матери. Деталь изразцового украшения на стене притвора. Нач. 1690-х гг. [Владимиров Л.И., 1993, с. 71], 6 –

бляшка. Сарское городище. 10-11 вв. [Дубов И.В., 1990, с. 88–90, рис. 28]; 7– яргические трёхначальные знаки в трёхчастной структуре узоров женского головного убора. Погребение в Борисоглебском соборе. Новгород, кон. 12 в [Сабурова М.А., 1997а, с. 98, таб. 66, рис. 14]; 8,9 – нашивные бляхи из бронзы с узором трехногого яргического знака растительного вида. 10-13 вв. [Седова М.В., 1981, с. 154, рис. 60-11, 12]; 10 – перстень с образцовой яргой. Бронза. 11-13 вв. [Собрания РМН]; 11 – перстень с со сложным ярг-знаком. 11-12 вв. Словене. Озеро Ильмень. д. Коростынь, Шимского р-на Новгородской обл. [Собрания РМН]; 12 – ярг-знак, вписанный в средокрестие. Черты (граффити) 11 в. в южном нефе Софии Новгородской [Никитина Ю.И., 1990, с. 221, рис. 11]; 13-15 – новгородские кресты с яргой в середине [Шляпкин И.А., 1906, т. 1, таб. 1, 3; 2, 34, 36]

Задолго до открытия Н.В. Рындиной археологи постоянно находили при раскопках курганов и могильников в разных районах России перстни с идентичными яргами и другие вещи (рис. А26). С первых находок таких перстней их тип был определён как новгородский. Их изображения постоянно издавались [Спицын А.А., 1902, с. 23, рис. 11, таб. 15; 1897, с. 36, 47, рис. 31; Древ. Русь, 1997, с. 366, рис. 6].

Таким образом, после так называемой оттепели 1960-х продолжается в народоведении (этнографии, искусствоведении, ДПИ и др.) дальнейшая разработка идей и методов исследования народной культуры, намеченных в 1920 гг., где ярга и её разновидности служат неизменным средством идентичности культурных образований различного уровня (уезда, края, области) русского народа. В эти годы Л.А. Кожевникова, И.П. Работнова и др. исследуют народное тканье и вышивку на огромных просторах Русского Севера. Неутомимый полевой исследователь и живописец Кожевникова общается с русскими рукодельницами, которые сохранили многовековые искони предков. Изучая узорочья Тотемского-Никольского края Вологодчины она установила, что их основой являются «ромбы, свастика и их производные» [Кожевникова Л.А., 1968, с. 116]. Исследуя вышивки у северновеликорусов, про-

живающих в бассейне северных рек Пинеги и Мезени, она также устанавливает своеобычность народного узорочья, что «мотивы браного орнамента на Пинеге и Мезени представляют собой производные от ромба и "свастики" в самых различных и причудливых вариантах, со множеством зубцов и ответвлений» (рис. А27) [Кожевникова Л.А., 1968, с. 113]. Через десятки лет эту основополагающую позицию уточняет С.И. Дмитриева. По её мнению, исконными единичными узорами тканья на Мезени выступают «ромб и свастика во всевозможных комбинациях» [Дмитриева С.И., 2006, с. 88].



1



2

Рис. А27. Народное тканье и вышивка Русского Севера: 1 – обрядовая ширинка. Браное тканье, вышивка, плетение на коклюшках. Нач. 20 в. д. Мякинидино, Верхнее-Важский сельсовет Великоустюгский р-он. Музей г. Тоймы; 2 – полотенец праздничный с крупными лопастными косыми яргами. Кон. 19 – нач. 20 в. Сольвычегодск. СИХМ. № 3546. КП-3

В 70-е гг. 20-го столетия в диссертации И.И. Шангиной исследуется линейный узор вышивки и ткачества 19 в. крестьянского населения Тверской губернии. Она установила, что состав узоров вышивки полотенец однообразен, основными знаками в нём считаются ромбы, свастики, розетки и изображения, возникшие на основе сочетания роговидных отростков, трезубцев, Т-образов, завитков [Шангина И.И., 1976, с. 160]. При этом исследовательница отметила устойчивое расположение ярг в середине ромбов, которые, по её мнению, бывают «простыми и разветвлёнными». В работе

определено, что многие ленты, «бордюры» тверской вышивки являются частями сеток, встречающихся на ширинках из Сольвычегодского уезда, т. е. тверские ленты и сольвычегодские сетки находятся во взаимоотношении части и целого. И.И. Шангина утверждает, что **тверской и сольвычегодский узоры** — всего лишь местные разновидности **одного большого узорного единства, распространённого в древности на землях как Северной, так и средней России** (выд. мной. — *П.И.*).

Обобщая характер расположения всех описанных узоров, — ромбов, свастик, S-образов, — она обратила внимание на то, что здесь нет ничего необычного и что «описанный ромбический орнамент был характерен не только для вышивки Тверской губернии, но и вообще для большинства районов расселения русских» [Шангина И.И., 1976, с. 161]. Заключение И.И. Шангиной о естественности выделенных ею основных знаков (в т. ч. ярги) для большинства русских впервые в послевоенное время сделано на обобщении столь источниковедчески значимого материала Русского Севера, который находится в бесценных собраниях Российского этнографического музея. Существенно, что результатом работы стал вывод о единой древней узорной основе культур земель северо- и средневеликорусов.

Признавая крест с загнутыми концами и его разновидности особым знаком индоевропейских культур, учёные столкнулись с проблемой установления нижней границы времени его появления. Предметы с узорами яргического типа, найденные на Мезиньской палеолитической стоянке в Малой России, датируются 13–20 тысячами лет до н.э. [Городцов В.А., 1923; Шовкопляс И.Г., 1957; Бибикова В.И., 1965; Елинек Я., 1985, с. 446, № 715 и др.]. Более ранними сведениями наука о яргических знаках не располагает. Если же считать, что А.К. Амброс (1966) не ошибается с датировкой трёхчаст-

ного образа с яргами, то теоретически мы можем определить другие ранние даты существования знака.

### **1.6. Новая волна исследований яргических знаков с конца 20 века**

Новая волна в исследовании яргических знаков началась в последнюю четверть 20-го столетия и ознаменована выходом в свет ряда основательных работ и статей Гали Семеновны Масловой [Маслова Г.С, 1976; 1978; 1984] – крупного учёного, знатока славяно-русской народной культуры, неумолимого исследователя, руководителя полевых исследований, вдумчивого теоретика, опытнейшего музейного работника. В 1978 г. выходит в свет её новая монография «Орнамент русской народной вышивки как историко-этнографический источник». В своей работе она сопоставила узоры Русского Севера, а также ряда областей Срединной и Южной России и рассмотрела значение и смысл узора в неразрывном единстве русской духовной культуры с древнейших времён до наших дней. В труде впервые приведены народные наименования креста с загнутыми концами в северных и южных землях России. Ярга признана неотъемлемым знаком русского народного творчества [Маслова Г.С., 1978, с. 153]. Маслова выделяет яргу в качестве земельной, краевой родокультурной характеристики народной одежды. Изучая народную одежду по местностям Русского Севера, она писала: «...узор "крючьями"<sup>17</sup> распространён на всей изучавшейся нами территории (в тканье и вышивке)» [Маслова Г.С., 1973, с. 83]. «В Бабушкинском, Нюксенском районах и соседних с ними местах пояса украшали бранным геометрическим узором красной, зелёной и другой шерстью. Особенно част мотив косоугольного креста с загнутыми концами, по местному "крюк"» [Маслова Г.С., 1973, с. 70].

---

<sup>17</sup> Крючья – одно из названий ярги на Русском Севере.

Необходимо отметить, что с конца 80-х — начала 90-х гг. и особенно в постсоветское время, в научных изданиях крест с загнутыми концами стал присутствовать гораздо чаще: Русякова Л.М., 1989; Быков А.В., 1990; Денисова И.М., 1990; Дубов В.И., 1990; Фадзеева В.Я., 1991; Киево-Печерська лавра, 1991; Панкова Г., 1992; Лысенко О.В., Комарова С.В., 1992; Полубояринова М.Д., 1993; Дзярнович А., Квяткоўская А., 1994; Щукин М. Б., 1994; Жарникова С.В., 1991; 1996; 2003; Жигулёва В.М., 1989; 1995; Станюкович А.К., 1996; 1997; Могилёва Г.Ю., 1997; 1998; Чагин Г.Н., 1998; Ворончихина О.Б., Пестерев Е.В., 1998; Сахарова О.М., 2000; Суров М.В., 2001; Багдасаров Р., 2001; Белорыбкин Г.Н., 2001; 2003; Мосолова Л.М., 2002; Шангина И.И., 2003; Кутенков П.И., 2002 а; 2002 б; 2003 в; 2003 г; 2004 а, 2005 б, Тарунин А.В., 2009, Беднарчик А.А., 2004; 2000; Круглова О.В., 1974 и 1987; Манушина Т.Н., 1983; Калмыкова Л.Э., 1995; Горожанина С.В. 1997; 1998; Соколова Г.В., 1998; 2000; Вишневецкий В.И., 2000; Манушина Т.Н., 1998; Зайцева Л.М., 2003 и др.

В конце 80-х В.М. Жигулёва, заведующая отделом древнерусской одежды музея в селе Ушинка, представила описание сряд селений крестьянских родовых культур<sup>18</sup> Пензенской области, богато украшенных яргическим узорочьем. Она же записала «одно из древнейших обозначений солнечного знака в виде свастики словом "ярга"» В 1995 году в юбилейном издании музея В.М.Жигулёва уточнила, что словом ярга «ушинцы называли между собой одно из солярных изображений в виде сложной свастики» [Жигулева В.М., 1989, с. 5; 1995].

Г.П. Дурасов своей работой «Каргопольские народные вышивки-месяцесловы [Дурасов Г.П., 1978] открыл для учёных и широкого круга читателей древнейшие глубины карго-

---

<sup>18</sup> Крестьянская родовая культура – это исторически устойчивое самобытное воспроизведение и развитие в одном или нескольких обособленных крестьянских селениях духовной и материальной культуры.

польских календарей-«месяцесловов». Ярга-солнышко в них представляется не просто образом солнца, а срединным знаком чётко разработанной календарной вязи (рис. А28). В месяцесловах мы впервые встречаемся с ярчайшим примером системного уровня применения ярги в духовной культуре нашего народа, подразумевающего точное знание звездного неба. Дурасов ввёл в научный оборот новые народные наименования креста с загнутыми концами и его разновидностей. Явление каргопольских календарей было настолько поразительным для научного сообщества, что в 1990 г. «Советская археология» писала об их единственности в культурах мира [Рязанов П.Е., 1990, с. 46]. Сегодня они часто освещаются в работах, посвящённых северовеликорусской одежде, а также в исследованиях народных календарных систем [Кислуха Л.Ф., 2006, рис. 51; Григорьева Г.А., 2003, с. 22, 23; Власов В.Г., 1990; Рязанов П.Е., 1990].

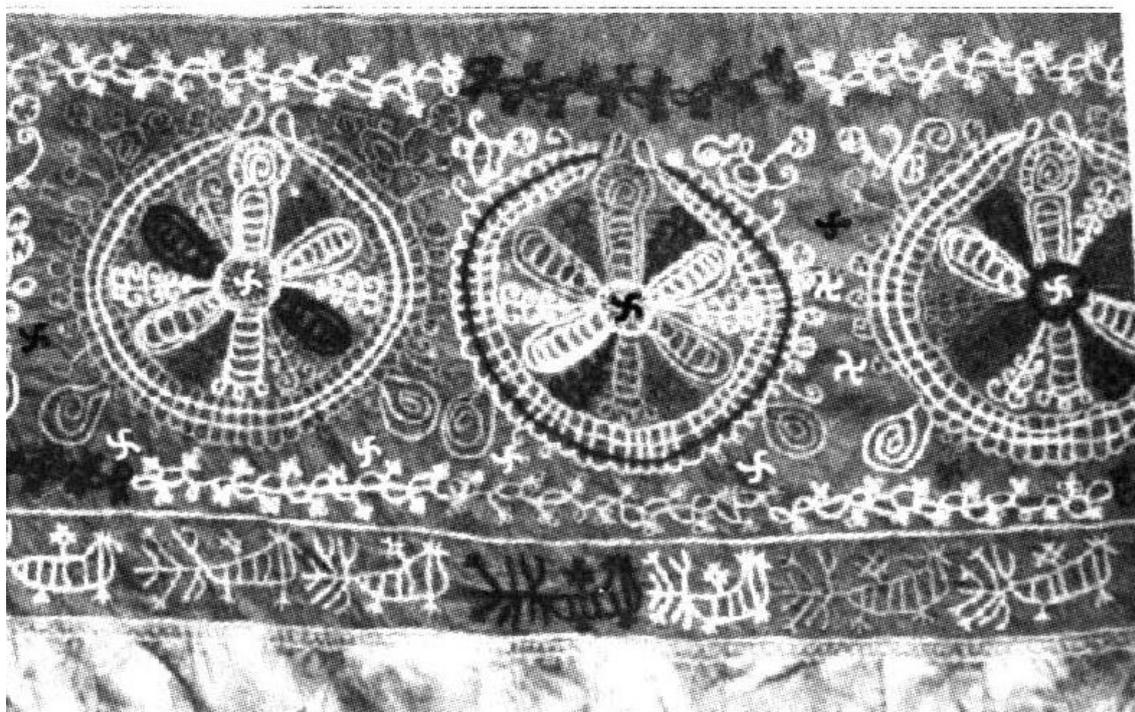


Рис. А28. Узоры каргопольского месяцеслова. Ярги помещены в середину и другие уровни календаря [Дурасов Г.П., 1978, с. 139-146; Маслова Г.С., 1978, рис. 70]

Исследование Г.П. Дурасовым каргопольских росписей глиняной игрушки расширило области распространения яргического знака [Дурасов Г.П., 1981; 1986 а; 1986 б]. Описание им каргопольского обрядового печенья ввело в широкий научный оборот народные яргические названия солнечных знаков, открыло новую область использования яргических образов крестьянской культуры, а также показало их непосредственную связь с праздником, отмечаемым на день весеннего равноденствия (рис. А29).

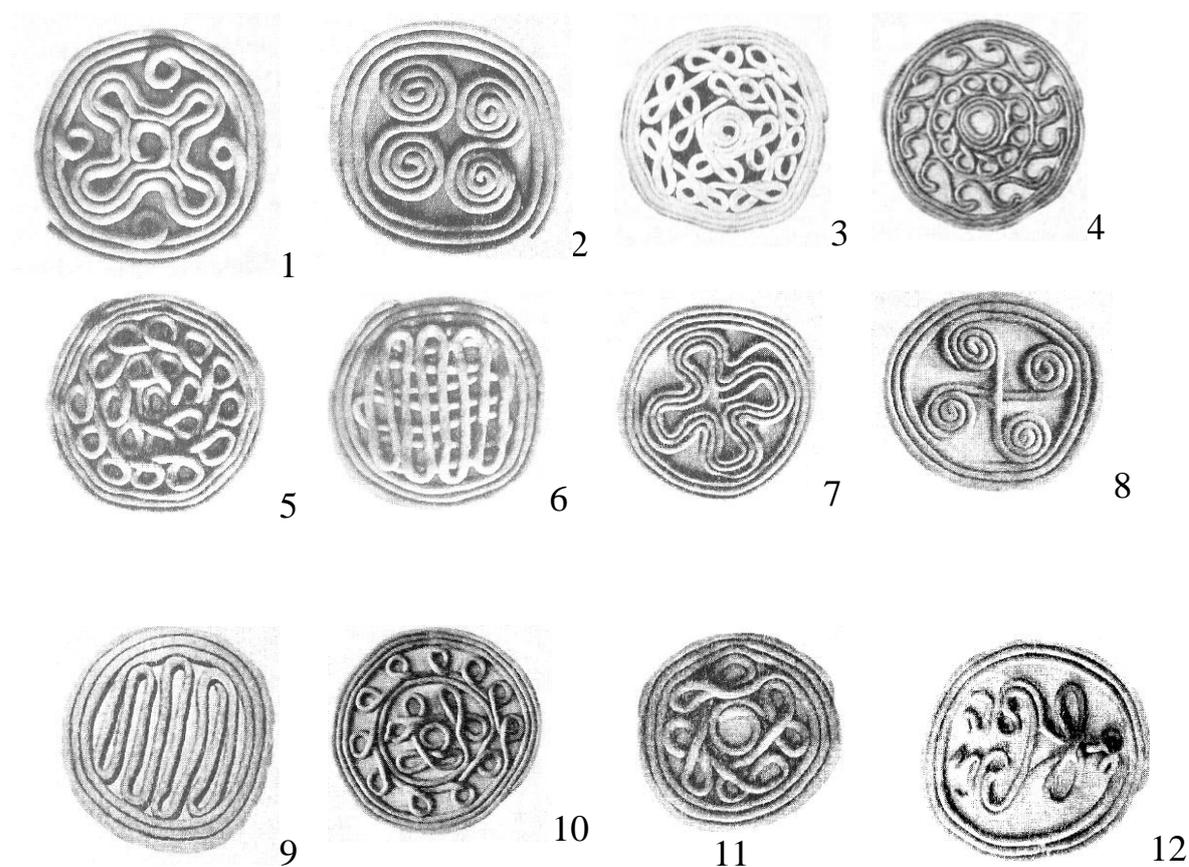


Рис. А29. Каргопольские тетёрки: 1 – солнышко с косыночками; 2 – солнышко с витушками; 3 – солнышко с восьмирушками; 4 – солнышко раскудрявое с коньками-бегунками; 5 – из колечушки в колечушко; 6 – сетчата-решётчата; 7,8 – вьюхи; 9 – лестница; 10 – тетёрка в колечках, 11 – восьмирушки; 12 – курушки на берёзе [Дурасов Г.П., 1977; Тульцева Л.А., 1985, рис. 28; Онучина Т.А., 2004, с. 160]

П.И. Кутенков, проводя полевые исследования в цуранских сёлах Земетчинского района Пензенской области, сделал открытие солнечно-космического календаря жизни Баба-Рожаницы, основу которого составляет яргическая система В самобытной культуре этих селений и сегодня часто встречается название *ярга* [Кутенков П.И., 2001; 2003 а, б; 2006; 2010]. В календаре, состоящем из совокупности свыше двух десятков двухслойных распашных понёв, обнаружены древние изобразительные и счётные системы (рис. А29а).

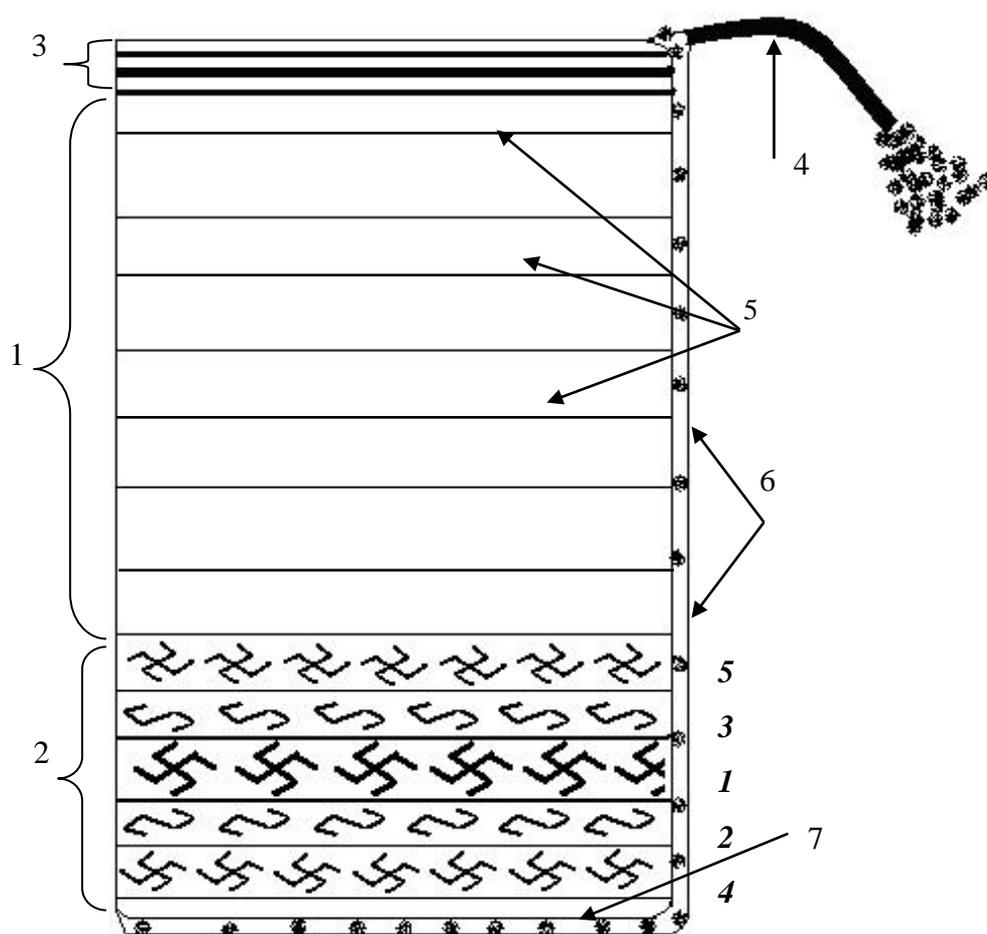


Рис. А29а. Общий состав (общий вид) одного полотнища красно-полосатой тяжелой браной распашной яргической понёвы о пяти яргах; 1 – собственно полотно; 2 – *срыда, подподольник*; 3 – узорная часть полотна; 4 – *гашник* – вторая часть; 5 – синие полоски; 6 – *обгонка* – третья часть; 7 – линия перегиба внутренней узорной части подподольника. Числами 1, 2, 3, 4, 5 показана последовательность счёта ярг. с. Большая Ижмора Вяземской родовой культуры

В последние годы советского времени изданы труды ведущих исторических и этнографических музеев страны, где среди других русских узоров широко представлены яргические знаки в цветном изображении: «Русский народный костюм из собрания Государственного музея этнографии народов СССР», 1984; «Русское народное искусство в собрании Государственного Русского музея», 1984; «Русский народный костюм. Государственный исторический музей», 1989; «Эрмитаж. История и современность», 1990. С 1990 гг. во многих музеях России, как главных, так и районных, выставлены редчайшие и ценнейшие вещи русской народной культуры с яргами (рис. А30).

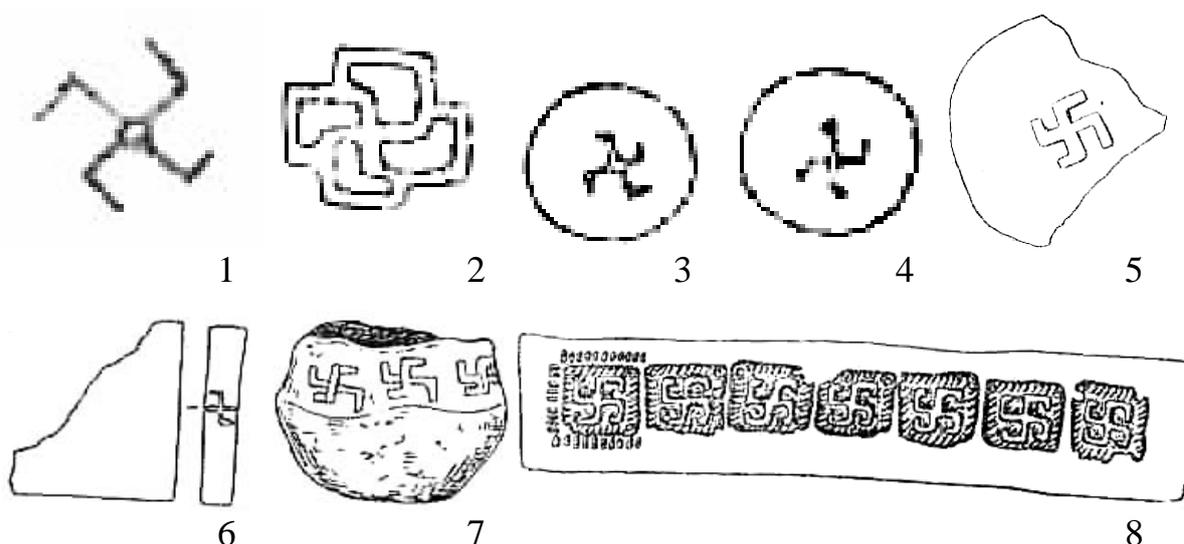


Рис. А30. Станушка, рукава из девичьей сряды, с образцовыми яргами. Каргопольский уезд Олонецкой губ. Поступление 1904 г. РЭМ. № 641-82Т

В 1997 г. в коллективном труде «Древняя Русь. Быт и культура», изданном отделением археологии Российской

академии наук, ярга и яргические знаки считаются показателями «древнерусской» культуры.

В статье белорусских учёных А. Дзярнович и А. Квятковской [Дзярнович А., Квяткоўская А., 1994;] ярга рассматривается как изначальный народный знак. Они трактуют историю этого знака в качестве непрерывного явления народной культуры на белорусской земле, подтверждая такое мнение этнографическими, архитектурными, археологическими и искусствоведческими данными на протяжении последних нескольких тысяч лет. Работу белорусских учёных можно считать первой попыткой всестороннего обоснования известных идей о непрерывности бытования знака за последние тысячелетия в культуре одной из ветвей восточного славянства. Одним из их малообоснованных выводов можно назвать предположение о возможности заимствования знака славянами, а точнее белорусами, у прибалтийских племён (рис. А31). Тем не менее, небольшая статья ценна междисциплинарным методом исследования идеи непрерывного бытования знака на протяжении весьма длительного исторического времени.



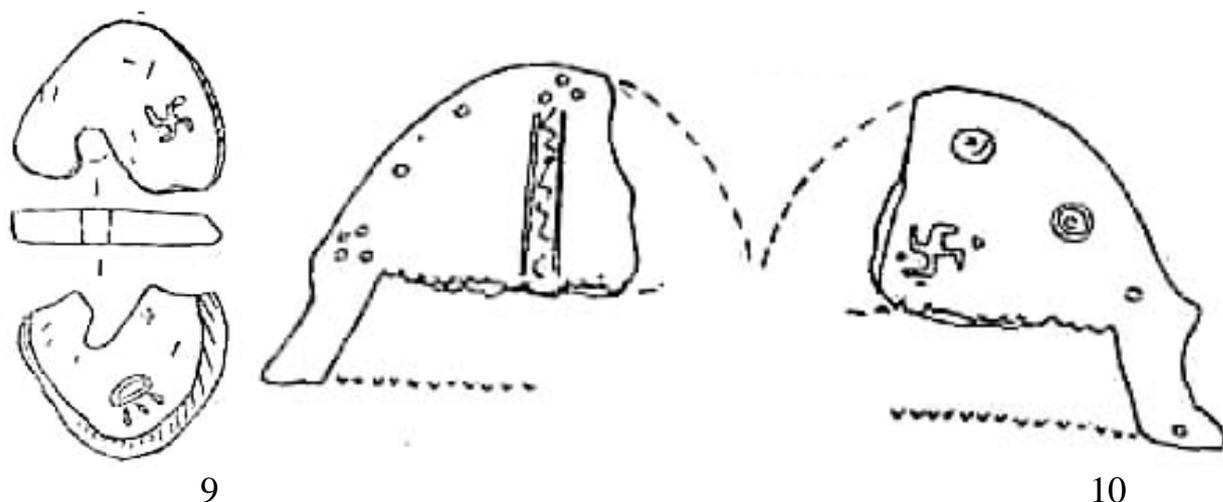


Рис. А31. Средневековые Беларуси: 1 – ярга на донце горшка. Полоцкая земля. 11–12 ст [Штыхов Г.В., 1978, с. 125, рис. 53-19]; 2 – ярга на донце горшков. Древний Волковыск. 11–12 ст [Зверуга Я.Г., 1975, с. 71, рис. 25-17]; 3 – ярга на донце горшка. Минская обл., Вилейский р-н, д. Костыки. Курганный могильник. 13 ст [Зверуг Я.Г., 1989, с. 102, рис. 58]; 4 – ярг-знак на донце горшка. Витебская обл., Глебоцкий р-н д. Перевоз. 12–13 ст [Дзярновиц А., Квяткоўская А., 1994, с. 81, таб. 1-4]; 5 – ярг-знак на кирпиче от древнего храма. г. Полоцк. 12 ст [Штыхов Г.В., 1967, с. 291, рис. 4-3, 4]; 6 – классическая ярга на донцах горшков. Минская обл., Воложанский р-н, д. Лоск. 14–16 ст [Сагановіч Г.М., Бохан Ю.М., 1967, с. 291, рис. 4-3]; 7 – горшочек с яргами на тулове. Гродненская обл. Воронавский р-он д. Нача. 3 тыс. до н.э. [Спицын А.А., 1904, с. 27, рис. 3]; 8 – налобное украшение, тиснённое яргическими знаками. Гродненская обл., Воронавский р-н, д. Кукли. 12–13 ст [Дзярновиц А., Квяткоўская А., 1994, таб. 1-11]; 9 – ярга на донце горшка. Могилевская обл., Кировский р-н, д. Пацава. 11–12 ст [Лысенко П.Ф., 1991, с. 233, рис. 127]; 10 – бронзовая фибула с четырьмя яргами. Могилёвская обл., Быховский р-н, д. Тайманова. 3–4 ст [Побаль Л.Д., 1981, с. 343]

М.В. Суров объездил всю Вологодчину, собирая вещи русской материальной культуры. В труде «Вологодчина: невосребованная древность» он приводит сведения о повсеместном распространении ярги на Северо-Западе России [Суров М.В., 2001, с. 160–398]. Идея широкого и исторически длительного бытования ярги-свастики на Вологодчине нашла у него глубокое культурно-вещественное обоснование (рис. А32).



1



2

Рис. А32. Русское узорчье: 1 – Конец годового полотенца. Трёхчастная яргическая картина знаменует «совершенство бытия» – трёхчастную картину мира. Тарногский р-он [Суров М.В., 2001, с. 380, рис. 63]; 2 – Женский праздничный пояс с классическими яргами. 1920 гг. Шерсть – уток, лён в основе. д. Рослятино, Рослятинский с/с Бабушкинский р-он Вологодская обл. Тотемское музейное объединение № Т25213. Снимок П.И. Кутенкова, 2013 г.

П.И. Кутенков в своей диссертационной работе «Яргическая знаковая система в истории русской народной культуры» проводит обобщение материалов, свидетельств бытования ярги по трём ветвям великорусов (северо-, средне- и южновеликорусов). На основе исследования большого материала делается вывод о повсеместном распространении яргических знаков у великорусов, а также малорусов и белорусов. Ярга выявляется в качестве начертательной и сущностной характеристики знаковых систем культуры русского народа. Собираются воедино и соотносятся народные наименования знака<sup>19</sup> и его начертательные образы [Кутенков П.И., 2003 а, б; 2004 а, б; 2005 а, б; 2006, 2008, 2010, 2011].

---

<sup>19</sup> Русские названия свастики: «ковыль» (Тульская губ.), «конь», «коневая голяшка» (Рязанская губ.), «заяц» (Печора), «рыжик» (Нижегородская губ.), «вьюн» (Тверская губ.), «кривонога» (Воронежская губ.) и т. д. На территории вологодских земель название свастики было еще более разнообразным. «Крючья», «крюковец», «крюк» (Сямженский, Верховажский районы), «огниво», «огнивец», «конегонь» (конь-огонь?) (Тарногский, Нюксенский районы), «сверь», «сверчок» (Великоустюгский район), «вожок», «вожак», «жгун», (Кичм.-Городецкий, Никольский районы), «ярко», «косматый ярко», «космач» (Тотемский район), «гуськи», «чертогон» (Бабушкинский район), «косарь», «косовик» (Сокольский район), «перекрест», «враток» (Вологодский, Грязовецкий районы), «вращенец», «вращенка», «вращун» (Шекснинский, Череповецкий районы), «углый» (Бабаевский район), «мельник» (Чагодощенский район), «крутяк» (Белозерский, Кирилловский районы), «пылань» (Вытегорский район). Наиболее архаичным из них, несомненно, является «огнивец». В этом названии отражено первоначальное значение магического символа свастики: «живой огонь» - «огнь» - «огниво» - «огнивец». Знаменитый народовед Н.Ф. Сумцов приводит малоросское название креста с загнутыми концами именем «четыре-ног», а трёхногая ярга на писанках в его коллекции именуется «рута». В селениях Поочья яргу называли «ястребом». В Тульской и Орловской губерниях в самом начале 20 столетия, где широко был распространен узор ярги в ромбах, Могиланский отметил название «вороньи глазки». В Каргополье этот знак, выпекаемый на день весеннего равноденствия на тетёрках, называют «вьюхой». В селениях Духовщинского уезда Смоленской губернии было распространено название завивастый крест. Свастичный орнамент в Рязанской Мещере именуют «конями, коневыми голяшками» (конскими головами). Тяжёлые двухсторонние понёвы (часто с 12 свастиками по кайме и 13-й в центре) известны как «конитницы». Слитая в ромбовидный замкнутый меандр кайма называется уже несколько по-другому — «коситница».

В других работах этого направления исследованы солнечные знаки в обрядности народов зарубежной Европы, в том числе и древних – индоариев и славян. В них крючковатый крест рассматривается как явление, определяющее общность его происхождения у славян, западноевропейских народов и народов Индии, что, в свою очередь, косвенно свидетельствует в пользу древнейшей общности индоариев [Зарубин Л.А., 1971; Иванова Ю.В., 1983].

С.В. Жарникова на основе современной методологии и новых данных обнаружила знаковое единство в культурах евразийского пространства, связанных с историческим творчеством индоариев, славян и других индоевропейских народов [Жарникова С.В., 1991; 1996; и 2003 а, б]. В этот круг она включила сарматов, фракийцев и скифов, создателей трипольской, срубной и андроновской культур, а также народы Индии, Ирана и Таджикистана. В качестве единой характеристики общего свойства культур исследовательница предлагает яргу-свастику и её многочисленные разновидности (рис. А33). В этой связи она пишет: «Сходные орнаменты могут конвергентно возникать у разных народов, но трудно поверить в то, что у народов, разделённых тысячекилометровыми расстояниями и тысячелетиями (если только эти народы не связаны этногенетически), могут совершенно независимо друг от друга появиться столь сложные орнаментальные композиции, повторяющиеся даже в мельчайших деталях, да ещё и выполняющих одни и те же сакральные функции оберегов и знаков родства» [Жарникова С.В., 2003, с. 27]. Жарникова, по сути, развивает идеи своих предшественников на более расширенной доказательной базе, сравнивая не только образцовую яргу со свастикой, но и различные типы, виды; выявляя высокий уровень совпадений их смыслов в духовной культуре. При этом исследовательница вычленяет идею непрерывности бытия славяно-русской культуры, тесно взаимодействовавшей в течение длительного времени с культурой индоиранцев – ираноариев, индоариев.

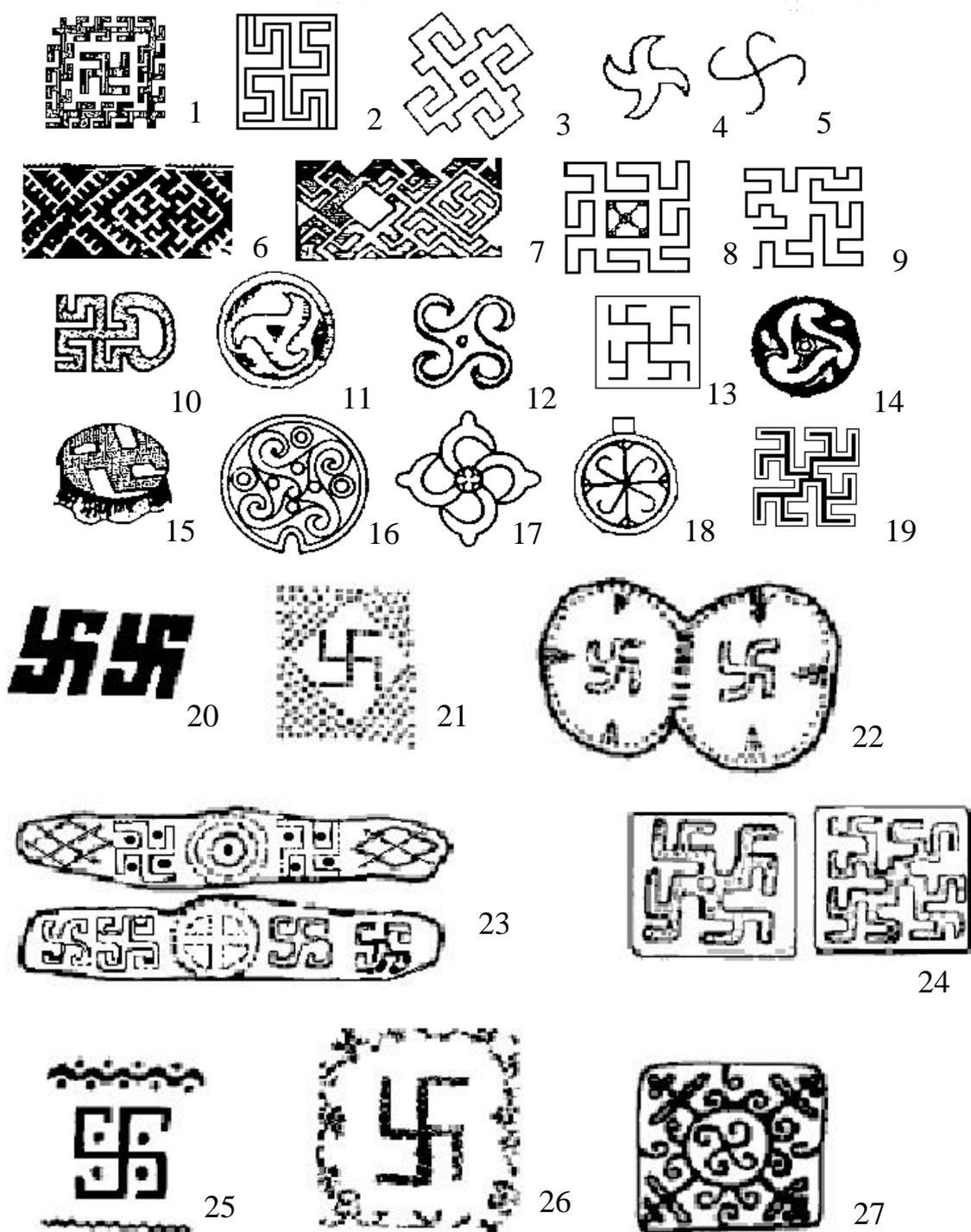


Рис. А33. Единство яргических и свастических знаков славян, индо-ираноариев (по С.В. Жарниковой): 1–9 – образы ярги в вышивке и кружевах. Вологда. 19–20 вв.; 10 – Новгород. 13 в.; 11 – Чернигов. 12–13 вв.; 12 – Русь. 13–14 вв.; 13 – Рязань. 19–20 вв.; 14, 15 – трипольская культура. Энеолит; 16–19 – скифо-сарматские изделия. 1 тыс. до н. э. – нач. н. э.; 20, 21 – андроновская культура. Эпоха бронзы; 22, 23 – Северный Кавказ. Эпоха бронзы; 24 – Зап. Прикаспий. Эпоха бронзы; 25 – Индия; 26 – рисунок на свадебном сосуде. Северная Индия; 27 – ярга на вышивке. Таджикистан [Жарникова С.В., 1996, с. 115, 116; 2003, с. 28–31, рис. 12–51; Ильинская В.А., 1973, с. 17, рис. 8 (19)]

### 1.7. Научные работы, непосредственно посвящённые исследованию ярги и свастики

Несмотря на то, что тематика ярговедения ныне широко отражена в научных трудах общего характера, специально посвящённых знаку работ встречается совсем немного. Это статьи А.А. Беднарчик, А. Дзярнович и А. Квятковской, диссертация П.И. Кутенкова, книги Р.В. Багдасарова, П.И. Кутенкова и А.В. Тарунина.

А.А. Беднарчик занималась изучением яргических знаков в узорах крестьянского ткачества Архангельской области, как на обширном материале из собраний музеев г. Архангельска и области, так и на данных собственных полевых исследований. Обследовались знаки на обрядовой женской одежде, поясах, полотенцах, скатертях. В статье «Мотивы свастики в ткачестве Русского Севера» указано на отсутствие какого-либо специально заданного направления знаков, оно весьма «разнообразно». При этом А.А. Беднарчик подчеркнула частое выполнение яргических знаков в **«равновесном сочетании право- и левостороннего»** направлений. Было отмечено, что ярга в браном тканье выполняется под углом 45 градусов. Исследовательницей выделяется ряд районов Архангельской области с наибольшей частотой распространения яргических знаков по отдельным предметам одежды [Беднарчик А.А., 2004, с. 181–194; 2000].

Книга Р.В. Багдасарова «Свастика: священный символ» [Багдасаров Р.В., 2001. С. 432.] представляет сегодня первое в России монографическое исследование, полностью посвященное ярге и свастике. Подготовленная в рамках проекта канонизации Русской православной церковью царской семьи, она имеет некоторые особенности и идеологические пристрастия. Но вместе с тем исследование даёт общее представление об истории знака, глубочайших корнях его первообразов

и смыслов в арийских культурах и цивилизациях. Четвёртая глава книги, написанная совместно с Г.П. Дурасовым, посвящена ярге в русской искони. Здесь охарактеризовано народное отношение к знаку, приведены его местные названия, древние значения и смыслы. В книге нет ответа на вопрос: «Почему и как знак добра и благодати, света и святости был использован немецкими нацистами для уничтожения человечества и, в частности, для массового истребления восточных славян?». Необходимо подчеркнуть, что выход книги Р.В. Багдасарова является знаменательным культурным событием и в отечественной науке. Ярга-свастика признаётся священным знаком человечества. Такого взлёта научной мысли, за время после террора русской научной школы коммунистами, наука не знала. Добавим к этому, что в издании Русской православной церкви «Как выбрать нательный крест» образцовая ярга показывается древнейшим религиозным знаком в культуре Руси [Как выбрать, 2002, с. 42].

А.В. Тарунин в своей книге «Сакральный символ. История свастики» представил результат 30-летней кропотливой исследовательской работы. По объёму представленного содержательного материала её по праву можно назвать Словарём изображений свастики [Тарунин А.В., 2009]. Значительная часть книги посвящена северновеликорусской ярге.

Следует отметить работы историка по образованию, политолога по диплому (так выпускали на рубеже 1991-92 гг. исторические факультеты), исследователя по призванию, М.А. Качаевой. В своих трудах она поставила вопрос академической и университетской науке: как воздействуют на тело человека, его дух и его тонкие строения знаки узора, столь широко распространённые во всех народных культурах [Качаева М.А., 2008; 2011]. Ярга и свастика в её работах рассматриваются как знаки, обладающие сильным духовным воздействием. Стоит признать, что наука в этом направлении так и не

обобщила взглядов учёных. Основополагающих работ по данному направлению знаковедения нет.

### 1.8. Ярга – знакообразующая основа узорочья русской народной культуры

Возвращение знака в учебные материалы практически на всех образовательных уровнях есть результат современного научного осмысления ярги и свастики. Мы видим его в учебно-методических пособиях по народной культуре русских, разработанных в РГПУ им. А.И. Герцена для младших школьников [Фрейтаг И.П., 2001; Фрейтаг И.П., Аникина Л.Л., 2004 а, б]; в учебнике по истории и культуре Смоленщины для средней школы [Ластовский Г.А., 1997]; в учебном пособии для студентов РГПУ им. А.И. Герцена древний яргический крест трактуется как характерное явление индоевропейских народов степной Евразии [Мосолова Л.М., 2001] и т. д.

Таким образом, ярга и яргические знаки, согласно взглядам подавляющего большинства российских учёных, образуют узорную основу рисунков тканья и вышивки, кружевоплетения и перевити, резьбы и росписи в русской народной культуре. Ярга представляется высокообрядовым знаком русской народной культуры с древнейших времён по настоящее время. Научная мысль 20 в., развивая и критически выверяя идеи своих предшественников, не только не отвергла их основных выводов, но показала на примерах исследования ярги в пространстве культуры по её образованиям различного уровня (**крестьянском родовом** — одно или несколько сёл; **краевом** — уезд, район, губерния, область; **земельном** — Поочье, Русский Север и **отдельным ветвям восточных славян**, а также **по вещным областям бытования и способам изображения**), что яргические знаки исконно составляли знакообразующую основу русской народной культуры. На

сущностном и начертательном уровнях исторические корни ярги показывают связь с древними индоевропейскими племенами, народностями и народами.

Значительное влияние на свёртывание изучения знака было оказано установками марксистско-ленинских извращённых представлений о народе и Боге, однако при всех господствовавших в государстве идеологических потоках ярга и её разновидности определялись учёными как важнейший родокультурный и этнокультурный показатель или как явление Древних культур, Средневековья и Нового времени. Известные преступления нацизма против человечества и, в частности, восточных славян, не смогли изменить научных взглядов на историческое и смысловое значение креста с загнутыми концами.

Очевидно, что рассмотрение известных источников по яргическим знакам преимущественно русских, а также украинских и белорусских, значительно расширяет основу, на которой возможно осуществление теоретических обобщений.

## Глава 2. Круг-ромб, круг-кольцо и несостоявшаяся попытка нацистов опорочить яргу и свастику

Переломное время конца 20 в. приоткрыло многие тайны истории. Совершенно неожиданным откровением для большинства современного поколения русского народа прозвучала правда об изначальной, историко-культурной принадлежности ярги (в том числе и через образ свастики) их предкам. В сознании многих людей России второй половины 20 в. крест с загнутыми концами соотносился со зверствами нацистов Германии в годы Великой Отечественной войны. И вдруг выясняется, что этот знак с древнейших и доисторических времён, повсеместно использовался и вплоть до наших дней используется славянами во всех вещных областях народной культуры в качестве знака добра, жизни и отвращения несчастий; знака счастья и благопожелания, добродетели и светлого духа.

В сознании людей, оторванных от своих истоков, от своей культуры, возникают сложности осмысления происшедшего. Каким образом знак Бога, символ добра и отвращения несчастий был использован германскими национал-социалистами против славян, его исконных носителей. Этот и другие подобные вопросы могут возникать даже у подготовленных исследователей, которые не знакомы с духовным противоборством, проявленном в этом мире на знаковом уровне.

### 2.1. Круг-ромб в русской народной культуре

В обиходе русских крестьян изображения ромба, квадрата, как и сами вещи такого вида, называют *кругом*, *кругами*. Например, в селе Кириллово (быв. Тамбовской губернии) четырёхугольный печальный платок называют *кругляткой* [ПЗ(К) 1998]. В Вяземской КРК Пензенской обл. квадратное

окошко в бане называется *кружком*. Б.А. Куфтин отметил устойчивое название крестьянками Северо-Востока Рязанщины ромба и квадрата «кругом» в узорах рубах, понёв и других одежд. Точно так и сегодня продолжают называть ромбические (квадратные) узоры на юге этой области в с. Секирино и на востоке края в с. Салтыково [ПЗ(БС; С), 2006]. Л.А. Динцес подобные названия таких изображений отмечал у белорусских рукодельниц [Динцес Л.А., 1951, с. 471]. В с. Ивлево Богородицкого уезда Тульской, а также в селениях Орловской губернии узоры из ромбов назывались «кружочками» и «кругами» [Могилянский Н.М., 1910, рис. 28, с. 9, 15, 16]. На Смоленщине квадраты и ромбы крестьяне называли «кругами» [Клетнова Е.Н., 1924]. В ходе полевых выходов 2010 г. мы это неоднократно слышали от жителей селений Ершичинского района, что на юге Смоленской земли. На Белгородчине, как пишут исследователи Сергиево-Посадского музея, ромбические сетки именуют «кружки». Это же слышали и мы в ряде районов Белгородской области [ПЗ (РГ), 2005; 2009]. На Русском Севере «узоры были *кругом, пряничником* (прямоугольниками)» [Маслова Г.С., 1978, с. 24]. Следовательно, название ромба и квадрата кругом является характерной чертой русской народной культуры.

Следует отметить ещё и такую особенность: крест с загнутыми концами крестьяне чаще всего размещают в круге-ромбе, круге-квадрате и весьма редко в круге-кольце.

Учитывая, что народный узор хранит древние культовые знания [Воронов В.С., 1933; 1972; Рыбаков Б.А., 1988], возникает необходимость разгадки такого явления. Совмещение знака креста с загнутыми концами с преступлениями национал-социалистов Германии во Второй мировой и Великой Отечественной войнах обостряет, как мы уже подчеркнули, этот интерес. Заметим, загадка истории состоит в том, каким образом знак добра и жизни, плодородия и солнца был крат-

ковременно превращён в знак-образ разрушения славянской культуры, знамение поголовного уничтожения древнейших носителей этого же знака.

## 2.2. Равноконечный крест с загнутыми концами в чёрно-магическом круге-кольце в знаках германского нацистского государства

Широко известно, что с приходом А. Гитлера к власти в знаках нацистского государства появился равноконечный крест с загнутыми концами (*Hakenkreuz*), **заключенный в круг-кольцо.**

Однако это было более чем странно. На протяжении нескольких десятилетий начиная с конца 19 в. живописцы, историки, антропологи и идеологи возрождения германского государства, в качестве знака древности принимали и с широким размахом внедряли в народное сознание и общественности крест с загнутыми концами. Он изображался чаще всего вне каких-либо других начертаний, его ограничивающих, или же в ромбе. Это было данью индоевропейской искони. Известно, что ярга (свастика) издавна служила знакообразующим звеном на ряде гербов европейских аристократов. Так в родах Чэмберлена (1394 г.), фон Тале из Брауншвейга и др. она имела своё название и помещалась внутри квадрата [Багдасаров Р.В., 2011, с. 14].

Немецко-австрийские идеологи фашизма после прихода нацистов к власти были лишены возможности дальнейшего влияния на её претворение в жизнь. Их многочисленные школы и общества были закрыты, а многие известнейшие фашисты, столпы этой идеологии, были заключены нацистами в концлагеря. Часть из них расстреляли, а другую держали в тюрьмах до 1945 года [Поляков Л., 1996]. У власти остались национал-социалисты.

Итак, исторически, изображение креста с загнутыми концами в германской культуре и ярги в славяно-русской – подобно. И здесь, и там этот знак не изображался в кольце. Что же заставляло русских, как и всех других славян, изображать яргу в круге-ромбе и круге-квадрате? Почему нацисты приняли своим государственным знаком крючковатый крест в круге-кольце? Такие вопросы требуют выяснения смыслового различия между изображениями этого знака в круге-ромбе и круге-кольце.

### 2.3. Разгадка тайны круга

Разгадку тайны круга и, следовательно, изображения креста с загнутыми концами в кольце и ромбе следует искать в истоках русской народной культуры – его обычаях и обрядах.

В течение длительного времени крупнейшие учёные делали неоднократные попытки раскрыть смысл ромба как одного из древнейших знаков человеческой культуры. Ромб известен со времён палеолита, отстоящего от нас на десятки тысяч лет. Л.А. Динцес (1951), А.К. Амброз (1966), Б.А. Рыбаков (1972), Г.С. Маслова (1978), Л.М. Русакова (1989) пришли к единому мнению, что этот знак обозначает круг года, землю, плодородие, женское начало (священная кунда<sup>20</sup> богини Бабы). Его связывали с магией входа в жилище; в первобытные времена он обозначал источник сытости, жизни, благоденствия и священное изображение женщины как знака плодovitости, продолжения жизни, счёта родства. В соединении ромба с точкой видели образ засеянного поля [Рыбаков Б.А., 1975, с. 133]. Ромб, в зависимости от его расположения в узорочье, одновременно мог обозначать землю, растение и женщину одновременно [Маслова Г.С., 1978, с.

---

<sup>20</sup> Ср. *кунда* – великорусское, английское - *cunt* и тибетское – *кунда*.

155; Амброз А.К., 1965, с. 20]. Выводы учёных строились на известных материалах по народоведению, этнографии и археологии, однако материал для обоснования смысла ромба чаще всего использовался «не говорящий», т.е. это были предметы из археологических раскопок, наскальные рисунки и т.п. Живой народоведческий материал привлекался только для изучения его внешней стороны, без проникновения в сущность народного мировоззрения. Для наглядности выводов нередко использовалось начертание ромба на изображениях каменных баб, на месте женского лона. С точки зрения оберегового значения линейных знаков это толкование выглядит недостаточным. Вероятнее всего предположить, что древние, располагая ромб на священной кунде, считали его знаком осязаемого пространства и человеческого творения, зарождения новых жизней, знаком притяжения души.

Знак ярги несёт в себе ярую силу Весны и Солнца, в нём заключено живительное и плодотворяющее начало. Это знак древнейшего славянского бога Ярилы, от которого ярится земля и всё живое. «Поклонение Яриле, и буйные, нецеломудренныя игрища, возникшия под влиянием этого поклонения, – всё, в чём видению нашего предка наглядно сказывалось священное торжество жизни над смертью, для христианских моралистов были «действия» нечистые, проклятые и бесовские; против них постоянно раздавался протест христианства. Несмотря на то, стародавний обычай нескоро уступил назиданиям христианских проповедников; до позднейшего времени на Яриловом празднестве допускались свободные объяснения в любви, поцелуи и объятия, и матери охотно посылали своих дочерей поневеститься на игрищах» [Афанасьев, I. 1994. С. 446]. Это даёт полное историческое основание видеть в ромбе знак пространства творения, зачатия, а в ярге – знак обозначения действия.

Остановимся на последних открытиях в области знаковых вязей, сохранившихся в древних видах народной бабьей одежды [Жигулёва В.М., 1995, с. 232—253; Кутенков П.И., 2010, с. 43-44, 49-55]. В продолжении детородного времени баба<sup>21</sup> носит рубахи, в узорах которых на её значимых частях размещаются ромбы с продлёнными сторонами (рис. А34). С окончанием этого времени баба последовательно носит четыре подтипа сряд, на основных одеждах которых – рубахах, во временном «движении», через изменения ромба показана неумолимость перехода из этого мира на тот свет. Этот временной отрезок подготовки к уходу в иной мир может длиться несколько десятков лет. Ход времени отражался при этом посредством изменения узорирования косых поликов<sup>22</sup>, а также на заполах. В первом подтипе последетородной рубахи швы такого полика украшены кумачовой лентой и вышивкой из ромбов с продлёнными сторонами, называемыми *ряпьём* (*репъём*) (рис. А34.1). На рубахе второго подтипа, надеваемой через 6 – 8 лет, швы узорированы только ряпьём. Ещё через несколько лет надевается третий подтип, на швах поликов которого носится узор *в полряпья* (*полрепья*) из полуромбов (рис. А34.2), вышитый только одним чёрным цветом. В 75 – 80 лет старухи надевают четвёртый подтип сряды, все одежды которого белого цвета, а на швах поликов рубах отсутствуют какие-либо знаки. Народная исконь посредством изменения ромба отчётливо и однозначно выразила мысль о временности пребывания души в человеческом теле. Через взаимосвязанную совокупность знаков отражено последовательное, постепенное приближение к смерти – уходу в мир предков. Ромб с продлёнными сторонами в одеждах данного типа, состоящего из четырёх подтипов, выступает знаком

<sup>21</sup> В народной культуре бабой называли замужнюю женщину, имеющую мужа "при себе", и рожаящую детей в полной семье. Если муж был в отлучке или умирал, то женщина называлась соответствующим именем: вдова, войнаха и т.д.

<sup>22</sup> Косой полик в женской рубахе – трапециевидная вставка в стан, спереди и сзади, смотревшаяся как треугольная вставка.

«дома» души, знамением её земного бытия. Заканчивается земная жизнь – исчезает ромб. Исконь не даёт жестких временных рамок ношения того или иного подтипа сряд. Каждая пожилая баба сама определяет временные рамки ношения того или иного подтипа одежд в последетородное время. Установленная последовательность изменения ромба позволяет толковать его знаком земной жизни, избой души.

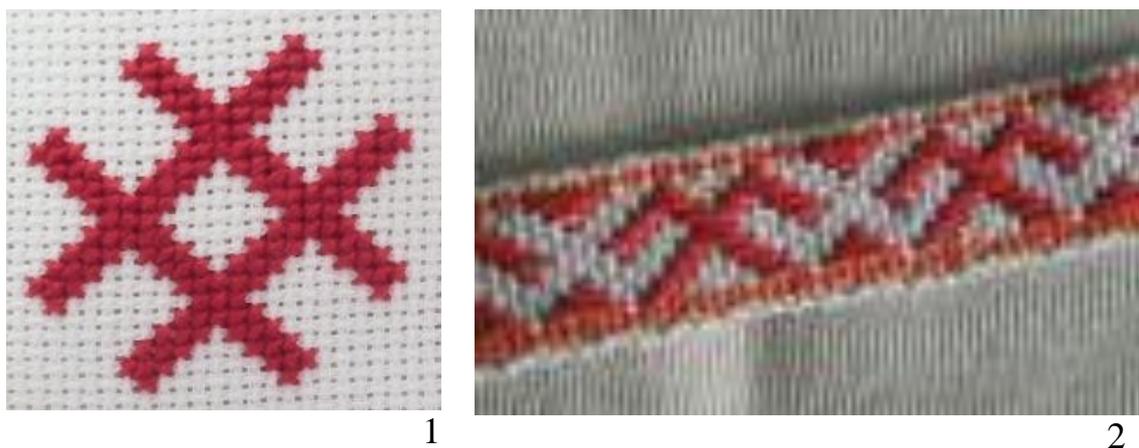


Рис. А34. Знаки узоров: 1 – *репей*, 2 – *полрепья*

Сложнее для восприятия выявление значения ромба с продлёнными сторонами в системе сряд иносветного печального времени. В продолжении трёх лет также носят четыре подтипа сряд белых кручинных одежд. Первые сорок дней кручины одевают только белые одежды. На поликах рубахи, рукавах и вороте отсутствуют какие-либо знаки. Через сорок дней, после проводов души на тот свет надевается второй подтип белых кручинных одежд. На швах поликов рубахи появляется полурияпей-полуромб с продлёнными сторонами, вышитый только чёрным цветом (иногда – синим). Этот подтип сряды носится около года, после чего сменяется третьим подтипом, где швы косых поликов вышиты в полряпья чёрным с красным, т.е. чередованием чёрных и красных полуромбов. В третий год печали близкие родичи надевают сряду, в которой швы поликов, рукава и подол рубахи вышиты ром-

бом с продлёнными сторонами – *ряпьём*. На третью годовщину после проведения последних частных поминок кручинная одежда сменяется на детородную, праздничную. Закончена печаль – забота о душе, ушедшей в «мир» родителей, к Богу.

В таком последовательном изменении узора — постепенном появлении ромба с продлёнными сторонами — выражена идея, вероятно, основанная на древних знаниях об оказании помощи родичами, сельской общиной душе умершего в обустройстве на том свете, рождения-возрождения её в ином мире. Это понимание находит созвучие в живом русском языке. В нём слова «печаль и кручина» понимаются как «заботиться усердно, ревностно заступаться, покровительствовать, печься, брать на попечение» и т.д. [Даль В.И., т. 3, ст. 267, 268]. Исходя из народного мировоззрения можно предполагать, что с каждым месяцем дух становится «взрослее» и всё меньше ему надо духовной помощи со стороны душ родичей, оставшихся на Земле. Окончание кручины означает, что дух обрёл свою «избу» в ином мире.

Разумно предположить, что во время ношения четырёх подтипов сряд последетородных и четырёх подтипов сряд печальных, ромб с продлёнными сторонами выступает знаком, обозначающим место пребывания души: в одном случае таким местом является человек, «этот свет», в другом – «мир иной», тот свет. Оба места пребывания души в народном мировоззрении относятся к божьему творению, божьей избе. Мы видим, что квадрат и ромб с продлёнными сторонами знаменуют божественное течение жизни, т.е. течение жизни по законам Бога, осенённое особым священным знаком. **Квадрат не ограничивает духовное взаимодействие между мирами, между душами живущих на земле и предками, родом небесным.** Как можно предположить из знания народной культуры, он **способствует обмену духовными**

**силами, знанием между соборным духом живущих на земле и соборным духом находящихся на том свете.**

#### 2.4. Круг-кольцо в русской народной культуре

В русской культуре наряду с письменными известиями сохранилось значительное число действующих обрядов с магическим применением круга-кольца.

Круг-кольцо широко используется в семицко-троицкой обрядности. Одним из главенствующих обрядов здесь является завивание венков, завивание берёзки. «Завивание венков» могло проходить так: на выбранной берёзке девушка выбирала одну ветвь или скручивала жгутом несколько веток, сгибала их в виде круга-венка и привязывала к стволу (комлю) той же ветви. При этом ветви не ломали и по возможности старались не смять на них листочков. Завивая венки, девушки заговаривали и гадали. Суть заговора-гадания направлялась на создание условий продолжения жизни: если я (имярек) «в нынешнем году выйду замуж, то расцвети моя берёзка; а если останусь в девушках, то посохни и поблётни и т. п.» [Городцов П.А., 1916, с. 4]. Интересно отметить, что в Переяславле-Залесском делали «мирское кольцо» – венок для всех девушек рядом с венками каждой [Смирнов М.И., 1927, с. 29].

Прежде чем завить и срубить берёзку, участницы обряда – девушки, очерчивали берёзу кругом. Круг в различных местностях получали разными способами. Так, в районе Вязников Владимирской губернии девушки целый час ходили хороводом вокруг стоящей на корню берёзки до её украшения и завивания на ней «венков» [Завойко Т.К., 1914, с. 81]. Малорусы в районе Новгород-Северска, «завивая» берёзку на Троицу, очерчивали круг серебряным крестом. Троицкая песня

Калужской губернии, которую пели при исполнении того же обряда с берёзкой, требует:

От русалки от семицкой  
Ачяртися, акружися!

[Зеленин Д.К., 1914, с. 278]

По мнению Д.К. Зеленина, магический круг, очерчиваемый девицами, выступает оберегом. Другие исследователи уточняют важные составляющие таких магических действий. Часто пишут, что вокруг одетой в женский костюм, но ещё не срубленной берёзки, продолжают совершать в виде того же хоровода магический круг с песнями, некогда «очевидно заклинательными» [Городцов П.А.. 1916, с. 6; Таряников М.В., 1916, с. 78 и др.].

Стало быть, пространство, очерчиваемое вокруг дерева, где находится и её дух, заключается в духовно-невидимый, или условно-видимый образ, откуда уже не сможет исходить угроза для людей, собирающихся рубить эту березу. После заключения участниц обряда и дерева в круг-кольцо совершались действия, направленные против него: берёзу срубали, отдавали ей свои болезни и т.д. Видимое или невидимое круг-кольцо, с одной стороны, служит образом, через который осуществляется духовное, а затем физическое поражающее воздействие на оборонительные способности берёзы. Оно выступает магическим средством, лишаящим дух дерева свойств нападения и самозащиты, с другой, – очерченное вокруг исполнителей, служит средством духовной защиты людей. Это отмечал Д.К. Зеленин. Он писал, что кольца-венки «служат также и оберегом, но первоначальное их предназначение заключалась в угрозе дереву, в запугивании его – чтобы оно не боролось и не мстило человеку, а подчинилось добровольно воле человека, не вступало с ним в борьбу» [Зеленин Д.К., 1999, с. 148-149]. Суть видимого и неви-

димого кольца ограждения точно отражает мудрость народной пословицы: «Закон что дышло, куда повернул туда и вышло».

Наряду с венками-кольцами девушки практиковали связывание вершин двух соседних берёзок, образуя из деревьев и земли своеобразное подобие круга-кольца, что называлось «запирать ворота». В ходе действия связывания вершин произносили заговор: «Если выйти мне замуж, отворитесь ворота, если в девушках остаться, – затворитесь ворота». Обряд запирания ворот осуществлялся строго, для каждой девушки отдельно, в отличие от завивания венков, которые можно было завивать не только для себя, **но и на другого человека**. Если через три дня, на Троицу, ворота отворялись, т.е. вершины берёз расплетались, принимали свободное положение, это означало, что девушка выйдет замуж и будет продолжать род мужа. Исчезновение круга-кольца, явленное языком знака, указывало на близкую свадьбу, продолжение жизни человечества, так как замужество в славянской общине всегда преследовало одну цель – увеличение числа жителей «мира». Продолжение существования круга-кольца несло знамение угрозы жизни сельской общине. Обряд являл действительность: кольцо-круг из берёз и земли (природа) в сомкнутом виде воспрещал продолжение рода; раскрываясь – разрешалось продолжение рода. Здесь сама природа круга-кольца не только на внешнем уровне являла свидетельство, в родноверии это воспринималось знамением природы-матушки, Земли-Матери.

В д. Корниловка Муромского уезда Владимирской губернии завитую на Семик берёзку срубали и украшали на Троицу. После чего с победным шествием девушки «обносили её **кругом** всей деревни. Пришедши в которую-нибудь из улиц, они втыкают берёзку в землю и начинают водить вокруг нея хороводы... В народе существует убеждение, что завивать

берёзку большой грех, оттого, что в канун Троицына дня, перед ней пляшут шишиги (нечистые), а потому завивание держится девушками в большой тайне, — иначе беда, если проведуют старшие» [Шейн П.В., т. 1, с. 344].

В отношениях и действиях участников этого обряда (запрете срубить берёзку, совершении кругового обхода селения, в хороводе (круге-кольце) вокруг берёзы, а ещё раньше в ходе совершаемого на Семик обвязывания поясом ствола берёзы у его основания (ещё одно взятие в круг-кольцо) просматриваются древнейшие отношения между человеком и деревом. Из действий участников видно, что многократное взятие дерева в круг-кольцо с целью осуществления злонамеренных действий предохраняет человека от возмездия с её стороны.

В Семицко-Троицкой обрядности круг-кольцо выступает знаком, обладающим духовной силой. В одном случае круг-кольцо используется как средство угрозы дереву лишением его способностей духовной защиты, в другом — как средство ограждения себя от угрозы духовного, магического мщения со стороны духа дерева. Следовательно, магический круг-кольцо, создаваемый людьми вокруг берёзы, «служит гранью, далее которой губительное действие дерева не должно и не может простираться» [Зеленин Д.К., 1999, с. 151]. Видимые и невидимые круги-кольца ограждают людей от возмездия за нарушение человеком установленного миропорядка — рубку своего родового дерева. Они выступают орудием прикрытия злонамеренных действий со стороны разумного человека.

Знаковые обрядовые действия участницами праздника совершались опять же при помощи круга, кольца-венка. Белорусские и великорусские девицы в Семик целовались друг с другом через завитые на семицкой берёзке венки-кольца, обменивались через те же венки своими вещами: платками,

кольцами, серьгами, яйцами, пряниками, крестиками и т.п. После таких действий они называли друг дружку «кума́ми» и считали себя «покумившимися» на известный срок, крайне редко на всю жизнь. Приговоры, произносившиеся при этом «кумлении» через венок, гласят: «Покумимся, кума! Подружимся, кума; полюбимся душа!»; «Кума, не драться, кума, не бороться; кума, помириться» [Терещенко А.В., 1999, с. 103-104; Зеленин Д.К., 1914, с. 266; Смирнов М.И., 1927, с. 29].

Через несколько дней после обряда «кумления» у семицкой берёзки происходил обряд «раскумления». Совершался он чаще всего в Троицу, т.е. через три дня после завивания деревьев и «кумления» девушек, при развивании венков на берёзе, т.е. при развязывании связанных ветвей дерева. При «раскумлении» всегда совершался обратный обмен вещами, т.е. взаимный возврат семицких подарков. Отношения между людьми также возвращались в начальное состояние, о чём предельно ясно говорят обрядовые песни раскумления: «Уж ты кумушка-кума! Раскумимся мы с тобой: и браниться, и ругаться, и кулички казать!» или: «покумились, не бранились, а раскумившись – хоть дзерцися» [Зеленин Д.К., 1991, с. 264-265, 274-275].

Развивание семицких венков обязательно осуществлялось в ходе обрядовых действий. Из описаний таких обрядов видно, что кольцо-круг и словесные заклинания на определённое время укрощают в человеке его духовные свойства, в частности, дерзость. Злонамеренные обрядовые действия с кругом-кольцом выступают в роли временного или постоянного оберега. Создаваемые в обряде видимые и невидимые круги-кольца недвусмысленно указывают на их укрощающую и ограничивающую силу воздействия на человеческое и природное.

Развитая обрядность с использованием видимого и невидимого круга-кольца осуществлялась и в обрядах Егорьева

(Ягорьева) дня, в первый день выгона скота. Защитить скот от болезней и зверей в летнее время было насущной потребностью каждой крестьянской семьи. Наиболее действенным оберегом считается обход скота по кругу с обрядовыми вещами и заклинаниями. Весьма известным обычаем в России был круговой обход стада с зажжённой свечкой и хлебом («взять скотину в круг»). Такой обряд проводился в Великий четверг тайно, ночью, с большими предосторожностями, причём совершать его мог только сам хозяин или, по его просьбе, как бы его заменяя, знахарь [Соколова В.К., 1979, с. 160].

При замыкании круга-кольца вокруг скотины, как и в Семицко-Русальской обрядности, использовался пояс. В Архангельской области хозяйка повязывала пояс (или верёвку) на голое тело, а затем расстилала его в воротах, через которые выгоняли скот. Три дня скотина ходила через этот пояс. В Московской области в этом случае пояс посередине запирали замком [Зернова А.В., 1932, с. 42]. Таким же действием предохраняли скот в Малороссии, кладя посреди двора замкнутое на замок «начепье» и перегоняя скот так, чтобы каждая скотина переступила через него [Иванов П.В., 1992, с. 138]. В Белой Руси предохранение скота осуществляли бросанием замка двери сарая, через который должен был перешагнуть скот [Булгаковский Д.Г., 1890, с. 187]. По народному поверью считалось, что пояс оградит скот от всех напастей, заставит его держаться своего двора; замок же придавал совершавшимся действиям и приговорам большую силу, замыкая магический круг. В Могилевской губернии с ломтём хлеба три раза обходили вокруг печи, приговаривая: «Як печь стаить на месъти, так штоб и скотина ходила на места» [Романов Е.Р., 1912, с. 180].

Направлению движения замыкания круга в этих обрядах придавали особое значение. В Тверской области пастух три-

жды обходил стадо против солнца с заткнутым за пояс топором (знак Солнца), при каждом обходе специально приглашенный стрелок стрелял из ружья. По мнению старика, обходившего стадо, это делается «чтоб нечистая сила отталкивалась». В Закарпатье обход скота делали так: «Когда всех овец соберут, самый опытный пастух заставляет их пробежать три круга, сам берёт топор, огонь, ужо (большое деревянное кольцо, которым соединяются между собой плуг и передок) и бежит вокруг стада: тогда дикие звери не тронут овец» [Богатырёв П.Г., 1971, с. 242]. При замыкании им каждого круга – стреляли. Стрельба, по мнению участников обряда, отпугивала от стада хищников, нечистую силу и колдунов. Таким образом, в обрядовых действиях по защите и сохранению скота видимому и невидимому кругу-кольцу придавалось первостепенное значение.

Круг-кольцо используется и в жатвенной обрядности. Литовцы «перепоясываются» при начале жатвы поясом, сплетённым из колосьев. Перепоясывание, по их поверью, предохраняет от боли в спине и т.п. В равной степени эту же роль выполняли надеваемые на голову «дожиночные венки» как при начале, так и по завершению жатвы [Галиопа В.А., 2003, с. 121, 122; РЭМ №№ 2234-2, 7487-18/1, 2]. Оба обрядовых предмета широко распространены в исконной земледельческой обрядности поляков, чехов, словаков, югославов, а также характерны для скандинавских народов [Грацианская Н.Н., 1977, с. 179; 51, с. 188; Кашуба М.С., 1977, с. 203].

Обширный материал по «окружению» в земледельческой обрядности собран и описан в диссертации петербургского исследователя О.В. Лысенко. Вот некоторые примеры из этого труда о замыкании в круг пахотных полей в случае засухи: «приводили священника в поле, где жито посеяно, с хоругвями, голодную молитву читали и говорили, шо на другой день дощ пуйде» – (с. Старые Яриловичи Черниговской

области, 1980 г.); «засуха, по па водили с пратасэями (хоругви), поле обходили три раза» (с. Великое Поле Гомельской области, 1983 г.). Обрядовые обходы селения: «обход со священником, Богородицу несли селом по сонцу один раз» (с. Коморовичи Гомельской области, 1983 г.); «збирались люди в одних сороцках, шли кругом села с иконами, молились богу» (с. Великий Бор Гомельской области, 1983 г.); «обойти три разы вокруг деревни с иконой: женщины (более удовы) с каплицы<sup>23</sup> брали икону и туда же ставили» (с. Пирки Гомельской области 1984 г.) [Лысенко О.В., 2002, с. 115-116]. По мнению исследователя, обрядовое окружение поля или иного объекта есть действие духовного огораживания, духовная защита пространства от неблагоприятного воздействия. Поле (село), окруженное, опаханное, ограждённое участниками обряда, осмысливается как место, где «вертикальная ось мироздания соединяется со статичной и устойчивой горизонтальной структурой» и вследствие обмена (принесения жертвы) с «силами иного мира» происходит защита от стихийных бедствий. С этой точки зрения становится понятной знаковая способность оберега – защиты от бедствий, когда на обрядовое опаживание – очерчивание границы между мирами – переходят свойства действительной ограды как защитного сооружения. В этом понимании О.В. Лысенко рассматривает и запреты городить изгороди, огораживать поля до начала весны, до пробуждения земли, нарушение которых соответственно грозит засухой и другими бедствиями [Лысенко О.В., 2002, с. 116]. Считается, что огораживание земли, т.е. замыкание пространства местности в кольцо, поставит заслон божественным силам, ключам, отмыкающим землю для плодородия.

Обрядовое применение свойств круга-кольца для защиты людей и скота от повальных болезней (холеры, чумы) и бед-

---

<sup>23</sup>Каплица – строение на погосте села, где хранятся иконы, полотенца связанные с ушедшими в мир иной.

ствий (пожаров, засух) известно всем восточным славянам. При несчастье такого рода, защита осуществлялась способом опахивания вокруг селения, замыкания селения в круг. По известным описаниям его исполняли женщины в особых состояниях: вдовы, беременные или ещё не рожавшие бабы, либо девушки, давшие обет безбрачия. Этот обряд широко использовался в 20 в. Обряд совершали с общего согласия и по решению мирской сходки. Старуха-повещалка, чаще всего вдова, выходила в полночь, в одной рубахе, на околицу и с диким воплем била в сковороду; на этот призыв со всех сторон собирались бабы и девки с ухватами, кочергами, косами, серпами, помелами и дубинками. Ворота во всех домах запирались, скот загонялся в хлевы, собак привязывали. Сбросив с себя рубаху, повещалка кляла Смерть. Другие женщины привозили соху, надевали на голую бабу хомут и запрягали её в соху; потом начинали тоекратное опахивание вокруг села, причём сопровождающая толпа держала в руках зажжённые лучины или горящие пуки соломы. Следующая позади толпа плясала, размахивала принесёнными орудиями, била в тазы, чугуны, заслонки и косы, свистела и хлопала кнутами; останавливаясь перед каждым двором, бабы и девки стучали в ворота и бешено вопили: «Бей, секи, руби Коровью Смерть или Холеру! – згинь, пропади, Чёрная немочь – запашу, заколю, загребу, засеку, замету!». Сверх этих угроз пелась ещё заклинательная песня. Если навстречу попадалось животное или человек, то его убивали без пощады, предполагая, что в его образе скрывается коровья смерть<sup>24</sup>.

---

<sup>24</sup> В великорусских и малорусских селениях есть старые предания, рассказывающие о том, что для истребления *коровьей смерти* женщину, заподозренную общиной в злых умыслах, обрекали на смерть. «Женщин, обречённых на смерть в великорусских селениях, завязывали в мешок с кошкою и петухом и живых зарывали в землю. Напротив того, малорусы таких женщин топили в озерах и реках» [Сахаров И.П., 1841, с. 258]. И.П. Сахаров сомневался в действительности предания. Ставшее сегодня известным Стародубское дело (см. выше) не оставляет сомнения в действительности и точности таких преданий.

В Курской губернии в соху впрягали бабу-неродицу (неплодную), управлять сохой давали девке, решившей не выходить замуж, а вдовы набирали песку и «разсевали» его по проведенной борозде. В Воронежском крае женское население выбирало из себя девять девиц, известных своим благочестивым поведением, трёх вдов, отличающихся толщиной, и одну беременную женщину; в полночь избранных, одетых в белые сорочки, с распущенными косами впрягали в соху; ходом управляли вдовы, а впереди шла беременная баба с образом Божьей Матери. Всё шествие пело заклинательные песни [Снегирёв И.М., 1837, с. 204; 36, вып. 3, с. 7; 15, т. 2, ст. 1571; Сахаров И.П., 1841, с. 256, 258; Моск. вест., с. 353, 354 и др.].

У сербов и македонцев был обычай «запахивания» села и его имущества с целью защиты от нечистых сил. Так ещё в тридцатые годы 20 в. борозду вокруг села проводили на Георгиев день [Кашуба М.С., 1977].

Общим в описании известных обрядов опахивания является непременно участие в них вдов, вековух, беременных, т.е. именно женщин, которые, согласно народному мировоззрению, замкнуты на связь с потусторонней силой, иным миром. **Обязательным действием в обряде является замыкание круговой черты вокруг селения**, ограждающей её от смерти, и засевание песка, который никогда не даст всходов, или же засевание теми женщинами — «вдовы, бабы-неродицы, девки незазорного поведения, беременные», — которые не могут зачинать новые жизни. Тем самым, по народному воззрению, создаётся духовное воздействие на Смерть женщинами, связанными с иным миром.

Круг-кольцо в качестве средства защиты людей, непреодолимый нечистой силой, встречается в описании гаданий северновеликорусов в одном из рассказов П.С. Ефименко. «Не очень давно собралось несколько девушек послушать *святой вечер на расстани*. Взяли они с собой не трусливой руки

парня и вышли *на расстаню*. Тут они зажгли взятую лучину и углём от неё очертили по снегу круг (так, около себя), в черте которого все и уселись. Сидели все с трепетом, боясь говорить одно слово.... Вот подходит полночь – слышат звук колокольчика где-то далеко. Едут, сказали, и все переглянулись, подумавши, что будет свадьба: значит, которая-нибудь из девушек *выйдет замуж*. Наконец видят: едет на лошади барин, весь в латах, за ним катятся коляски, и в них народу *тьма-тьмуца*. Все едущие были вооружены, кто пистолетом, кто саблей, а кто штыком. Вот подъехали к тому месту, где *слушальницы*, и подняли такой вой и крик, что Боже упаси; все вдруг кинулись на них, но перейти за очертанный круг не могут да и только, оттого, что он сделан со *святыми словами*, да и оружия занести не могут, как бы в воздухе *дьяволёнку* сделана стена. Долго так бесы пугали *слушальниц* наших и говорили: «Вот, ту стреляй», – ничего не могли сделать. А девки-то все трухнули, прижались друг к дружке и лежать – ни живы ни мёртвы: знать, *впервой* случилось. Под конец всего стала *заниматься заря* и все черти удрали. Впоследствии одна девка померла *с испугу*, а из подруг ни одна не вышла замуж в этот год, да и парень-то долго поминал *про это* и бредил *во снах*» [Ефименко П.С., 2009, с. 421, 422]. Пример П.С. Ефименко показывает силу круга-кольца, охранившего гадающих девчат от непосредственных смертельных угроз нечистой силы. Однако неподготовленность молодых людей к подобному развитию событий оказала столь сильное воздействие, что это сказалось на их последующем духовном состоянии.

По поверьям русских, душа младенца, задавленного во сне матерью, достаётся «нечистым». А.В. Терещенко подробно описывает обряд освобождения такой души. Бабе, задавившей во сне младенца, обычай предписывает «стоять одной в церкви три ночи сряду в очерченном мелом круге. В первую

ночь будут ходить около неё черти, нося её младенца на руках; во вторую – нося мимо неё, будут его давить, бить, щипать и говорить ей, что если она выйдет из круга, то отдадут ей младенца. Как скоро она перейдёт круг, то сама сделается добычею дьяволов. В третью ночь будут его мучить в её глазах, уговаривая, чтобы она вышла из круга: когда же не послушает их, тогда измучают его до смерти. После пения пелухов они исчезнут, оставляя ей измученного младенца, которого она показывает всем и потом погребает с должною почестию. Тогда душа младенца переходит в рай» [Терещенко А.В., 1999, с. 36]. Как видим, спасение души задавленного, – сложный случай духовного перехода Закона русского духа, – решается с помощью круга-кольца.

Существует множество поверий о влиянии круга-кольца на плодородие бабабы. Считается, что для успешного разрешения от беременности необходимо развязывать, рассоединять все замкнутые пространства. Так, у южнорусов в Черниговской губернии при трудных родах призывали отца ребёнка и заставляли его развязать или ослабить пояс, расстегнуть воротник сорочки, распусть учкур (поясок у штанов) [Черн. губ. вед., с. 25].

В Германии верили, что сложенные вместе руки и поставленные одна на другую ноги мешают роженице разродиться. В новогреческой сказке муж, покидая свою беременную жену, опоясывает её поясом и говорит: «Ты не прежде родишь дитя, пока я не разстегну тебе этого пояса!» – и она действительно не могла разрешиться, пока не обрела своего мужа, и он не снял с неё пояса [Афанасьев А.Н., 1994, т. 3, с. 516, 517].

Как обвязанный вокруг тела пояс замыкает детородие женщины, так, по свидетельству норвежской сказки, королевский сад потому не приносит плодов, что возле него зарыта трижды обведенная вокруг сада золотая цепь. А.Н. Афана-

сьев пришёл к выводу, что «круговая со всех сторон замкнутая линия получила в народных верованиях значение наузы, столько же крепкой, как и завязанная веревка или запертая цепь». Науза – действие по глаголу «наузить»: колдовать, знахарить, заговаривать, нашептывать. Наузник – колдун, ворожея, знахарь [Даль В.И., т. 2, ст. 1271, 1272]. «Н а ч е р - т а н н а я н о ж о м , з а ж ж ё н н о ю л у ч и н о ю и л и у г л ё м , л и н и я э т а з а щ и щ а е т ч е л о в е к а о т з л о в р е д н о г о д е й - с т в и я к о л д о в с т в а и п о к у ш е н и я н е ч и с т о й с и л ы . Ч е р е з к р у г о - в у ю ч е р т у н е м о ж е т п р е с т у п и т ь н и з л о й д у х , н и в е д ь м а , н и с а м а я С м е р т ь » . В одной из своих работ А.Н. Афанасьев отмечал: «Вернейшим средством против нечистой силы считаю начерченный *круг*, как знамение образа небесных светил и их оборота» [Афанасьев А.Н., т. 3, с. 517, 518]. Позже с этим согласился А.А. Миллер, полагавший, что диск, металлический кружок выступает «как проводник некоторой силы, способной охранить от дурного глаза» [Миллер А.А., 1933, с. 147].

Основы продолжения человеческого рода закладывались во время свадьбы. Славянская и, в частности, русская свадьба насыщена обрядами с применением круга-кольца. Очень ярко магия круга показана в описании северновеликорусской свадьбы Карельского Поморья в двух сёлах — Колежма и Нюхча. Исследователи свадьбы специально не выделяют применение круга-кольца в своём описании, однако, при внимательном чтении, его использование резко бросается в глаза. Заметим, что как в северной свадьбе, так и в южновеликорусской, было обязательным участие колдуна во всех её обрядах. Это подчёркивает неприменность и значимость использования круга-кольца, хотя оно не всегда осознаётся участниками обряда. Вот как выглядят картины обрядовых действий по использованию круга-кольца. На *рукобитье*, происходившем на следующий день после сватовства в Колежме, «жених, согнув правую руку в локте «калачом», брал правую руку не-

сты, также согнутую «калачом», а затем по очереди брал согнутую руку каждого из её родственников. Затем жених и невеста, расходясь в противоположные стороны, шли навстречу друг другу, образуя (условно) круг». В обряде «слава»: «Первыми по деревне ехали жених с дружкой, они делали один-два круга и затем просили разрешения у родителей взять на прогулку невесту... Будущие молодые делали по деревне три-четыре круга и заезжали к родителям жениха». Заезд к родителям имел свое обрядовое значение и назывался *спознаваньё*. «После «спознаванья» будущие молодые объезжали деревни ещё два раза, затем жених привозил невесту к её родителям и, сделав один замыкающий круг, возвращался домой». В обряде расплетания косы невесты, «завязывать ленту на голове узлом не полагалось». «После расплетания косы невеста с женихом, подругами и дружками шли по деревне «кругом». В свадебных обрядах обязательно постоянное присутствие ржаного хлеба круглого вида, именуемого «баенник» [Разумова А.П., Коски Т.А., 1980, с. 32]. В обрядовых действиях при приезде жениха за невестой, «жених с невестой трижды поворачивались кругом по солнцу». «Перед отъездом к венцу колдун («старик») давал жениху и невесте «отпуск», чтобы к ним не пристала порча. Свадьбу было принято «отпускать» в затемнённой комнате, без посторонних. Там колдун привязывал жениху и невесте на голое тело пояс<sup>25</sup>. Они должны были носить его шесть недель (сорок дней. – П.И.), не снимая даже в бане ... Вместо пояса колдун мог привязывать жениху и невесте нитку с «тридевятью узлами»... Иногда жениха и невесту колдун ставил на печной заслон (или на сковородку), очерчивал пешней (лом для про-

---

<sup>25</sup>Сильным оберегом молодых, предохранительным средством от колдовства у русских считается пояс, завязанный вокруг чресел [Соколов Г., 1865, № 12-17; 58, с. 152; Кузнецова В.П. Логинов КК., 2001, с. 144, 233 и др.. Этим же свойством наделяется пояс у болгар [Веркович С., 1874, с. 26, 36]. В Норвегии молодая, выходя из церкви после венчания, развязывает пояс, чтобы роды были легки [Сумцов Н.Ф., 1996, с. 152].

бивания льда) круг и шептал заговор... Во время венчания жених и невеста стояли рядом. На полу, в отведенном для них месте, был очерчен круг». Известный обряд под именем окрута, покрута, окручения невесты в этой свадьбе содержит круговые движения над головой [Разумова А.П., Коски Т.А., 1980, с. 14, 15, 16, 19, 31, 36, 37, 39; Кузнецова В.П. Логинов КК., 2001, с. 226, 233].

Северная Заонежская свадебная обрядность предусматривает и коллективное применение магического круга-кольца. «Чтобы парни не сватались на стороне, девушки сообща объезжали верхом на *водоносе* (коромысле для ушатов) свою деревню в полночь». В Подвинье невесту, закрытую платком, брат выводил к столу, держа её за расшитое полотенце, которое укреплялось на её руке. Конец полотенца он подавал жениху, и тот трижды обводил невесту вокруг себя, а затем усаживал её рядом с собой с левой стороны [Маслова Г.С., 1978, с. 22].

Обрядовое выполнение круга-кольца в свадьбе Русского Севера осуществлялось всеми её участниками, включая «старика, колдуна», а впоследствии и попа, что, возможно, пришло из далёкого прошлого от древнерусского жречества. Обязательность и частота его выполнения всеми участниками обряда указывает на особую значимость и действенность круга-кольца по защите создаваемой семьи. Круг-кольцо осуществляет защиту от нечисти, порчи, сглаза и других недобрых действий, т.е. тех невидимых влияний, которые могут оказывать на человека губительное действие с целью прекращения его рода, как сразу, так и по прошествии некоторого времени. Особо подчеркнём возможность коллективного способа создания круга-кольца с магическими задачами по отношению ко всей общине, «миру».

Весьма любопытно, что «в Моложском уезде не обводят новобрачных вокруг стола, чтобы молодая не была бесплод-

на, т.е. чтобы не замкнуть её плода круговую чертою». В ряде областей срединных земель России во время *Посада* невесту и жениха выводили из-за стола, обводя вокруг него, т.е. совершали круговые движения. Из двух взглядов следует, что сила круга-кольца заключается не только в собственно круге, а в замысле людей, его очерчивающих.

Знахари малорусов при лечении больного нередко слова лечебного заклятия сопровождали очерчиванием около больного к р у г о в о й черты, дабы злой дух болезни не мог переступить за этот зачарованный круг [РНБ, с. 69].

У крестьян Нижне-Ломовского уезда Пензенской губернии лихорадку лечили таким образом: больной загибал в кольцо молодую осинку в лесу и пролезал через образовавшееся отверстие. Продевание больных через щель, полученную рассечением растущего дерева вдоль, через его сучья, через дыру между корнями, а также через дупло, по мнению крестьян, помогало излечивать многие физические болезни [Якушкин Е.И., 1892, с. 151]. При этом, как считают в народе, происходит перерождение или новое, вторичное рождение растущим деревом больного человека: проходя через круглое отверстие душа человека перерождается.

Использование круга-кольца характерно и для других обрядов. Видимое и невидимое круг-кольцо широко применялось при сборе лечебных трав, что известно по русским рукописным травникам 18 в. Для определённого вида трав (бель, одолень, прыгун, солнешник, чёрная папортъ) в этих книгах указывалось на сложность и опасность сбора «неведаючи и незнаючи». Следствием незнания обряда сбора травы могло стать физическое или духовное увечье. В Лицевом травнике конца 18 в. говорится: «А рвать ея очень страшно, а когда сорвёшь, то беги как можно скорее и назад не оглядывайся» [РНБ, F. VI.16, л. 17 об.].

На сбор трав, очевидно, влияла духовная чистота человека, его помыслы: «чтобы был тот человек чист, а буде нечист, ино ударит ево чёрная немочь о землю и лежит три часа, одва востане от земли» [РНБ, № 4492, л. 54 об., 55]. Поэтому одним из важнейших условий успешного сбора трав ведающие люди считали обряд окружения, т.е. заключения растения в круг. Для создания круга предлагалось использование изделия из серебра и золота, или вместо золота – сотовый воск, вместо серебряной цепочки – гайтан<sup>26</sup>. «А ту траву рвать сквозь серебряную нитку» [БАН, 45.8.175. Л. 13 об.]. «А как её станешь имать, от солнца стени не наводи, а положи круг ея по копейке со все четыре стороны, кроючи» [Кавелин Л, 1894, с. 532]. «И та трава имать на Иванов день в Купалницу ввечеру или на заре, или поутру рано, пронять сквось злату гривну или серебряную» [Сбор. вып., № 1072, л. 26].

Защита человека, осуществляемая посредством взятия трав в круг-кольцо, сводится к трём приёмам «окружения», трём способам использования круга-кольца: растение «пронимают», т.е. протягивают сквозь кольцо предмета; растение заключают в круг посредством очерчивания его золотым или серебряным предметом; его заключают в круг из денег. Русские обряды окружения очень близки таким же обрядам, известным по античным источникам (Теофаст, Плиний, Псевдо-Апулей) [Ипполитова А.Б., 2003, с. 100, 101]. В общности античных и русских обрядов окружения просматриваются две возможные позиции: 1. Античная культура – слепок с праславянской (древнеславянской), что и объясняет это единство. 2. Жреческие (колдовские) обряды, имеющие духовную действительность во многих древних системах знаний о «тонком», невидимом мире, были достоверны и использовались жрецами независимо от их принадлежности (как закон Всемирного тяготения и другие законы Природы).

---

<sup>26</sup> Гайтан - плетёный шнурок или тесьма.

В России на целые селения наводил ужас **закрут (залом, завиток)**, завиваемый на колосьях [Афанасьев А.Н., т. 3, 1994, с. 515]. Закрут завивался тайно из жажды мщения, из желания причинить хозяину нивы зло, и сопровождался заклятием на **гибель плодородия**. Он совершался так: злобный колдун брал на корню пучок колосьев, и загибая его к низу, **перевязывал суровой ниткою**, получая круг-кольцо, или заламывал колосья и **крутил (свивал)** на запад, сторона, с которой соединяется понятие смерти, нечистой силы и бесплодия. Что такой залом не безобиден и каково было отношение к нему в народе, свидетельствует одно из дел Стародубской канцелярии Черниговской губернии. Согласно протоколам, в сентябре 1745 г. в с. Обухово Первой полковой сотни Стародубского полка была учинена расправа над *бабой* Москаленчихой, заподозренной в «волшебстве». К волшебству были причислены действия по заплетанию грив коням, а также совершение «заломов». Это привело к массовому падежу лошадей. Собственно, падеж лошадей и стал главной причиной разборок в с. Обухово. Решение общины было жестокое. *Бабе* связали руки, вывели на край села, велели залезть «по чело» в бочку, куда уже была заложена солома. Бочку забили досками, обложили со всех сторон соломой и подожгли. Сначала было молчание, а потом баба «несказанно» кричала. По окончанию расправы односельчане сгребли пепел на этом месте и вбили осиновый кол. Как видно по документам архивного дела, «зачинщиков» расправы выявить не удалось [Боряк Е.А., 2003, с. 71, 72].

Действительность воздействия залома породила целую систему защиты от него даже в самой православной церкви. В старинных требниках встречаются молитвы, которые следовало читать над таким очарованным местом; после установленного молитвословия священник выдёргивал закрут церковным крестом и тем устранял его зловерное влияние.

Позже, когда церковь перестала участвовать в этих «языческих» действиях, крестьяне для снятия закрута приглашали знахаря, который с помощью осинового кола, расщеплённого надвое, выдёргивал зачарованные колосья и сжигал их, а на место закрута вбивал осиновый кол. В этих обрядах и поверьях круг-кольцо выступает знаком, способным лишить крестьянина урожая и скотины. Первоначальное участие в них священников свидетельствует о действительной вредности заломов и существовании народного опыта защиты от них.

По мнению простого народа, писал И.П. Сахаров, «покумиться с ведьмами» – то же, что «поверстаться в колдуны», т.е. сделаться чародейкою (чародеем), обозначает принять на себя это вещее звание. Вступление в колдуны и ведьмы сопровождалось круговыми плясками. Поэтому если в летнее время крестьяне замечали на лугах ярко зеленеющие или пожелтевшие **круги**, то думали, что хозяин поля поверстался в колдуны на этих кругах или старшая женщина в его семье покумилась с ведьмами [Сахаров И.П., 1837, с. 58].

Действие круга-кольца в индоевропейских преданиях распространено и на так называемых людей-**оборотней**, вовкулаков, способных превращаться в волков, медведей и других зверей. Нередко эти способности осуществляются при посредстве круга-кольца. «В Норвегии, – писал А.Н. Афанасьев, – до сих пор существует убеждение, что подобным чародийным искусством обладают лапландцы; а датская песня упоминает о **железном ошейнике** (eisenhalsband), надевая который – человек делается медведем». В романской и немецкой литературе встречается предание о рыцаре-лебедь. Молодой витязь женился на вешей красавице (валькирии), и она родила ему шесть сыновей и одну дочь; у всех мальчиков на шеях было **по золотому ожерелью** (кругу-кольцу). Злая свекровь велела подменить детей щенятами. Обманутый муж, увидев щенят, зарывал невинную жену по пояс среди

двора; поместив над её головой лохань, в которой дворовая челядь мыла свои руки и вытирала их прекрасными волосами несчастной женщины. Так прошло семь лет. Между тем детей её приютил некий пустынник, а робкая лань вскормила их своим молоком. Когда они выросли, злая свекровь послала слугу снять с них золотые ожерелья; слуга пришёл на реку: шестеро братьев, в виде лебедей, плавали и резвились по воде, а сестра сидела на берегу; тут же лежали и золотые цепи. Слуга схватил цепи и принёс их в замок; а свекровь приказала сковать из них кубок. Но кузнец употребил в дело только одну из них, а прочие спрятал. Мальчики-лебеди, лишённые ожерельев, уже не могли восстановить человеческого облик; они полетели на озеро, к замку своего отца, а вслед за ними пошла и сестра. Отец узнал своих детей, освободил жену-красавицу и покарал свою преступную мать. Ожерелья возвратили пятерым сыновьям их человеческие облики, и только шестой, ожерелье которого было уничтожено, остался навсегда лебедем [Афанасьев А.Н., 1994, т. 3, с. 532; Потебня А.А., 1865, с. 140]. Немецкие предания говорят о волчьем **поясе** и медвежьем **ошейнике**, посредством которых совершается превращение в волка и медведя.

В Черниговской губернии крестьяне верили, что целые свадьбы колдуны превращали в стаю волков. Для этого колдуны брали столько ремней или мочалок, сколько нужно было оборотить лиц, нашептывали на них заклятия и потом этими ремнями или мочалами **подпоясывали** обречённых, которые тотчас же становились вовкулаками. Считалось, что такой оборотень может получить прежний человеческий облик, в том случае, когда чародейный **пояс изотрётся и лопнет**. В одной из местностей России ведьма с целью обратить свадебный поезд в волков скрутила свой пояс и положила его под порог избы, где игралась свадьба, и все, кто только переступал через пояс, обращались в волков. По другому расска-

зу, ведьма скрутила для этого липовые лыки, потом сварила их и приготовленным отваром обливала поезжан.

Для собственного же превращения в зверей ведьмы и колдуны набрасывают на себя **кольцо** или кувыркаются через **обручи**.

У В.И. Даля оборотень – это человек, обращённый ведунном или ведьмой, или сам, как кудесник, перекидывающийся в волка и в других животных, иногда в куст, в камень. Слово оборотень у него находится в смысловом гнезде понятия **оборотить**, что означает «поворачивать», «переворачивать», «перевёртывать в другую сторону», «возвращать», «изменять вид и наружность». В.И. Даль сравнивает это слово с другим, имеющим подобный корень, – **обращенье**. Оно истолковывается им как «вращательный», «коловратный». В гнезде слова **оборотить** находится слово **оборотка**, которое он определяет как ярушка, т.е. полуяровая пшеница [Даль В.И., т. 2, ст. 1571, 1583]. Здесь прослеживается знание о круговом движении всех видов жизни, связанных как с солнечным годом, так и с круговым движением духа и душ человеческих.

По воззрению славян, душа, облакаясь в телесную одежду, соединяется с нею таинственной связью; как только эта связь (верёвка, цепь или кольцо) будет разорвана, душа покидает тело и остается на свободе до нового воплощения в тот или иной материальный образ. Вследствие того, по мнению А.Н. Афанасьева, всякое превращение человека (равно воплощение его души в звериное или птичье тело) «скрепляется наложением волшебной наузы, а восстановление человеческого образа требует её снятия» [Афанасьев А.Н., 1994, т. 3, с. 554].

## 2.5. Знаковость круга-ромба и круга-кольца в русской народной культуре

Четыре верхушки ромба в русской народной культуре соотносились с четырьмя положениями солнца – два равноденствия и два солнцестояния, а также с четырьмя сезонами года, с четырьмя направлениями света, четырьмя стихиями природы. Помещение знака в круг-ромб означает, что знак вписан в природу, он находится в ладу с пространством и временем. Народное мировоззрение славян видело в круговороте и саму человеческую душу, которую и поместило в ромб, считая его образом божьей избы.

Круг-кольцо – это, в первую очередь, защита. Это отделение своего пространства от пространства чуждого, враждебного. Магическое очерчивание – это построение ограждения, защищающего от внешнего воздействия. И в то же время это действие лишало возможности получения подпитки со стороны, оставляло ограниченный резерв, с которым необходимо было продержаться до определённого времени, после которого вредоносные силы должны исчезнуть (например, восход солнца).

Этот способ защиты, также известный как колдование<sup>27</sup>, занимает все стороны жизни человека и большинство русских крестьян в повседневной жизни успешно им пользовались и пользуются при защите семейных и общинных жизненно важных интересов. Волхование, колдование широким

---

<sup>27</sup> Колдун – смысл этого слова уходит корнями в далёкое прошлое и уже забыт. По мнению Срезневского, так в старину называли людей, совершавших обряд жертвоприношения. Оно созвучно таким словам, как **колода**, **колодец**, но где первооснова? Может быть она в слове коло – круг, колесо. Коло – это и Солнце, ходящее по кругу и годовой солнечный круг – круглый год праздников. Может быть здесь тот же корень что и в **Коляде** – празднике зимнего Солнцеворота? Под воздействием христианства колдунов стремились включить в разряд черных, вредоносных деятелей, причём с мрачной, отталкивающей внешностью [Резунков А.Г., 1998, с. 68-69]. Однако ещё в 20 столетии, во многих местностях России, свадьба не обходилась без колдуна, как главного соединителя судеб невесты и жениха.

кругом лиц с использованием круга-кольца свидетельствует о жизненности действия. Служители православного культа также широко используют охранительные обряды с кругом-кольцом, что подтверждает их высокую действенность. Использование круга-кольца другими индоевропейскими народами указывает на глубокую древность такого явления.

С другой стороны, замыкание в кольцо вещи, знака или предмета воздействия лишало его сил, ограничивало способность действовать или направляло эти действия по другому направлению. Объектами такого воздействия могли стать люди и животные, селения и местности, «дух святой и дух нечистый». В иных случаях последствия таких воздействий могли иметь тяжёлый характер.

Давайте попробуем рассмотреть нацистскую знаковую позицию знаковедения. Знак ярги-свастики *Nakenkreuz* был заключен идеологами нацизма в круг-кольцо. Следовательно, ярга попала под управление определённых сил, пользовавшихся магическими приёмами. Результаты деятельности нацистов известны: около 50 миллионов человек, погибших в ходе Второй Мировой войны; из них около 40 миллионов славян, среди которых свыше 22 млн. восточных славян. Такие потери способны изменить соотношение в мировой геополитике. Это свидетельствует об использовании управляющего воздействия тёмных сил через круг-кольцо на яргу и, как следствие, и на самих носителей культуры ярги. Злодеяния нацизма совмещались со знаком добра – яргой и свастикой, не давая народам в полную меру опереться на духовные силы своего народа, на светлые силы Природы, Бога. Вина не знак, а силы, направившие исторический ход первой половины 20 столетия на уничтожение славян и других народов Европы, в том числе и собственно германского.

Осмысление многозначности креста с загнутыми концами в индоевропейской искони привело к тому, что при прямой

постановке вопроса современными исследователями о связи знака ярги с режимом А. Гитлера закономерен ответ, что этот знак исторически не нёс в себе того отрицательного содержания, которое присуще самому нацизму. Так, В.Ю. Быстров считает, что толкование яргического знака с отрицательных позиций произошло вследствие и во время разложения традиции. Будучи же «погруженным в традицию, символ оказывается застрахован от профанных интерпретаций» [Быстров В.Ю., 1998, с. 5]. В исследовании знаковых черт одежд «своих – чистокровных немцев, арийцев» и «чужих – недочеловеков славян, евреев и цыган» учёные исключают яргу как показатель противопоставления нацистов и других [Макарова Л.М., 2002, с. 34—36].

В обширной монографии оксфордского доктора философии Н. Гудрик-Кларка «Оккультные корни нацизма. Тайные арийские культы и их влияние на нацистскую идеологию», раскрывающей роль и значение тёмных оккультных сил в создании гитлеровского режима, очень часто речь идёт и о свастике. Однако ни в одном случае ярга и её разновидности не наделяются отрицательным содержанием, значением и смыслом [Н. Гудрик-Кларк, 1995, с. 28, 34, 45, 51, 62–64, 68, 76, 83, 84, 86, 89, 146, 147, 169, 177 и др. (Nicolas Goodrick-Clarke, Washington Square, New York)]. Идееведение нацизма всесторонне рассмотрено в труде учёного Л. Полякова «Арийский миф. Исследование истоков расизма». Показывая истоки арийского предания, научную парадигму его исследования, историко-политическую основу зарождения национал-социализма, исследователь при всём неприятии гитлеровских трактовок «арийского вопроса» также не наделяет свастику каким-либо исторически отрицательным содержанием [Поляков Л., 1996]. Таким образом, два последних исследования делают вывод о том, что ярга по своей сути и смыслом не имеет ничего общего с преступлениями нацистов.

Победа русского народа в союзе с другими народами над нацизмом изменила ход истории. Однако на светлый знак, который отвращает несчастье, несёт добро и жизнь, усилиями тёмных сил была наведена кратковременная тень зла и насилия; сегодня она сходит на нет. В целом же нельзя опорочить светлую сторону народного бытия, попытка опорочить свет всегда бесплодна.

### **Глава 3. Классификация яргических знаков и яргических образований**

Известный представитель московско-тартуской семиотической школы В.В. Иванов рассматривал ярги начального вида как ранние знаковые системы, для которых присущ показ двоичного кода [Иванов В.В., 1976, с. 3]. Обращение В.В. Иванова к ярге «начального вида», простейшей ячейке мировоззренческой системы, не случайно. Он показывал, что для сознания человека дописьменной культуры целостностному восприятию мира была исконно присуща двойственность. Двоичность, парность понятий (свет – тьма, хаос – порядок, созидание – разрушение и т. д.) определились в культуре позже. Они стали следствием действительного видения человеком мира, но в преданиях были абсолютизированы, поскольку с их помощью в преданиях можно описать все основные характеристики мира. Наука 20 в., достигнув определённых высот в познании человеческого мозга, пришла к выводу, что огромное сходство древних воззрений разных народов можно объяснить на основе парности ассиметрии полушарий мозга (левое–правое), отвечающих за разные свойства направления деятельности (сознания) человека.

Ю.М. Лотман в своих трудах дал исчерпывающую характеристику «простым, элементарным знакам» дописьменной эпохи, к которым он относил «крест, круг, пентаграмму». Очевидно, что только сложность политического времени не позволила ему поставить в этот ряд яргу. Необходимо отметить, что Ю.М. Лотман — один из немногих исследователей, который при изучении знаковых систем уделял внимание «элементарным знакам» в начертательном отношении. Эти и подобные им знаки учёный считал важным механизмом памяти культуры, которые переносят тексты, сюжетные схемы и другие знаковые образования из одного пласта культуры в

другой. Он полагал, что константные наборы знаков и знаменый пронизывают пласты культуры и в значительной мере принимают на себя свойства механизма единства: они сохраняют память культуры о себе, не дают ей распасться на изолированные хронологические пласты. По мнению Ю.М. Лотмана, **«единство основного набора доминирующих символов и длительность их культурной жизни в значительной мере определяет национальные и ареальные границы культур»** [Лотман Ю.М., 1992, с. 192]. Углубляя одну из мыслей Ф.И. Буслаева в отношении древних знаков, он заключил, что «структура символов той или иной культуры образует систему, изоморфную и изофункциональную генетической памяти индивида» [Лотман Ю.М., 1992, с. 199].

Наша попытка обобщения взглядов, подходов и идей русской и зарубежной мысли, посвящённая ярго-свастической тематике, также снимает завесу запретного и обнаруживает подлинную явь научной истины. Одним из результатов исследований стало составление таблиц яргических знаков по землям исторического проживания великорусов, восточных славян. Единство многих яргических начертаний пронизывает всю нашу культуру с древнейших времён (табл. А1 – А10) [Кутенков П.И., 2008]. Огромное разнообразие яргических знаков, например, у северновеликорусов их свыше 150 (табл. А1), у средневеликорусов их более 100 (табл. А2), многие из которых находят свой прообраз в Средневековых и Древних пластах культуры – показывает самобытное происхождение ярги в славяно-русской культуре.

Понятия «свастика», «сложная свастика», «усложнённая свастика», «свастикообразные» и «свастические знаки», соотносимые с внешним видом таких знаков, в научный оборот вводили начиная с конца 20 в. [Стасов В.В., 1872; Сизов В.И., 1902; РЭМ. Соб. № 5086; Мелюкова А.И., 1976 и др.].

К яргическим начертаниям причисляли равносторонний крест с лучами, согнутыми под прямым углом или дугой в одном из направлений, и близкие к его виду изображения. Явная неполнота и неопределённость такого подхода проявилась ещё в исследованиях В.А. Соллогуба, а в конце 19 — начале 20 столетия она приобрела ярко выраженный характер. В то время к яргическим знакам исследователи всё чаще стали относить и другие подобные начертания более сложного характера [Бобринский А.А., 1902; Городцов В.А., 1923; Клетнова Е.Н., 1924]. В работах русских советских учёных к этим знакам причислены большие группы изображений, далеко выходящие за первоначальный образ креста с загнутыми концами [Куфтин Б.А., 1926; Рыбаков Б.А., 1981, 1988; Даркевич В.П., 1960; Зарубин Л.А., 1971; Жарникова С.В., 1996, Гусева Н.Р., 2003 и др.]. В изученных нами источниках не было обнаружено классификации яргических знаков на основе исторических и начертательно-смысловых подходов. Вот почему мы ранее предложили классификацию яргических знаков, построенную на принятом в археологии и этнографии подходе и определению знака через вид симметрии [Кутенков П.И., 2008, с. 109; Скарбовенко В.А., 1988; Шубников А.В., Копцик В.А., 1972]. Углубление темы исследований ярг-знаков привело к обнаружению яргической знаковой системы<sup>28</sup> в русской народной культуре [Кутенков П.И., 2006]. Появление понятия «яргической знаковой системы» потребовало не только её словесного определения, но и выражения в образах и начертаниях. Под это понятие попадает очень широкий круг различного рода яргических начертаний, изображения, часто со своими особенностями. С целью определения общего языка исследования мы предлагаем известную классификацию яргических знаков расширить до классификации яргических образований. Полученная классификация яргиче-

---

<sup>28</sup> Достаточно позднее определение яргических знаков в качестве сложной знаковой системы связано со сложностью истории 20 в. для русского народа.

ских образований включает два раздела: яргические знаки и яргические образования (табл. 1).

Яргические знаки целесообразно классифицировать на основе поворотной симметрии табл. 1, а яргические образования по предлагаемому делению [Шубников А.В., Копцик В.А., 1972, с. 109; Кутенков П.И., 2008; 2010, с. 85-96].

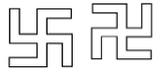
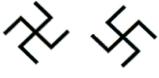
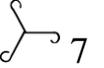
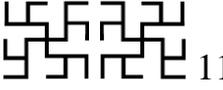
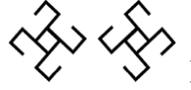
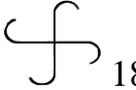
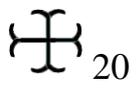
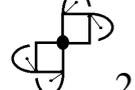
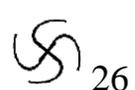
Согласно теории симметрии, ярга — крест с загнутыми концами — принадлежит к узорам с полярной плоскостью, точнее — к односторонним розеткам. Начертания этого класса обладают *особенной точкой* — точкой, не имеющей себе равных в изображении знака. Симметричное начертание получается за счёт углового поворота какой-либо части изображения, которое в геометрии называют преобразованием. При этом особенная точка остаётся единственно неподвижной относительно всех преобразований изображения. В отличие от других классов симметричных начертаний — лент, сеток и розеток, обладающих зеркальной плоскостью (плоскостью симметрии), — ярга имеет лишь один вид симметрии — **поворотную симметрию**. Вращение происходит вокруг **особенной** точки. При полном обороте (на  $360^\circ$ ) **равная часть** (нога, рог, крюк, угол, начало) будет совмещаться **сама с собой** на плоскости от одного раза до бесконечности. Количество совмещений равных частей изображения при полном обороте называется *порядком оси* [Скарбовенко В.А., 1988, с. 29–44; Шубников А.В., Копцик В.А., 1972, с. 16, 17, 38, 39, 73; Багдасаров Р., 2001, с. 29, 30]. Например, в яргическом знаке с двумя «ногами» порядок оси составляет 2 (таб.1а - 1-ба, б, в), с тремя — 3 (таб. 1а - 1-7), с четырьмя — 4 (таб.1а - 1-1) и т.д. Исследования показывают, что при строгом подходе собственно к ярге следует относить только исторически признанные изображения равностороннего креста с концами, загнутыми в одну сторону, т.е. обладающего одним видом симметрии — поворотной (таб. 1а - 1-1–5, 8, 18; 2-5). Свой-

ство поворотной симметрии служит и отличием ярги от других знаков. Для сравнения приведём такой пример. Так, равные части распространённого узора типа звезды

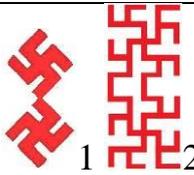
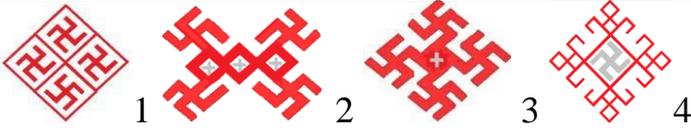
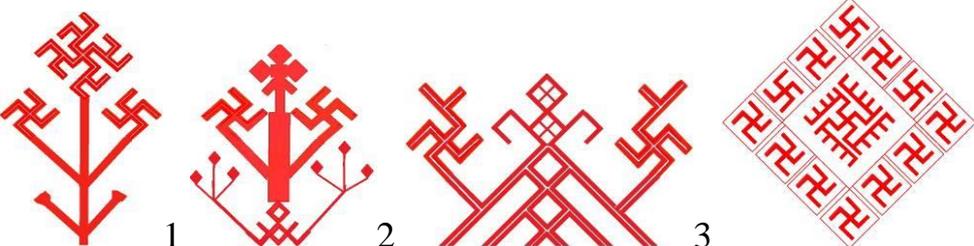
Таблица 1

Историческая начертательно-смысловая классификация яргических знаков и образований

а) Яргические знаки

Вид	Тип	Подтип	Начертания ярги и яргических знаков					
I. Линейный [архитектонический]	Прямой (линейно-угловой)	Образцовый [классический]	 1	 2	 3			
			 4	 5				
		Многоногий	 6	 7	 8	 9	 10	
			 11		 12		 13	
			 14	 15	 16	 17		
	Криволинейный (круговой)	Скруглённый	 18	 19	 20	 21	 22	
		Круговой	 23	 24	 25	 26	 27	
		Вихревой, спиралевидный	 28	 29	 30	 31		
	2. Начальный			 1	 2	 3	 4	 5
	3. Смешанный			 1	 2	 3	 4	
4. Изобразительный	Растительный	 1	 2	 3	 4			
	Животворный	 5	 6	 7	 8			

б) Яргические образования

Вид	Тип	Подтип	Изображение и примерный вид
Звенья	Трёхзвенчатый	Однородный	
		Смешанный	
		Неоднородный	
	Двухзвенчатые	Однородные озорные	
		Однородные вертикальные	
Цепи	Однородные		
	Смешанные		
	Неоднородные		
	Сложные		
Узлы			
Картины (не сложные)			

**Примечание к таблице.** Все знаки поделены на виды: линейный (архитектонический); начальный; смешанный и изобразительный. Знаки таблицы 1- 2- 1...5, исходя из исторических предпосылок и их смысловой, начертательной особенностей по отношению к другим знакам, выделены в отдельный вид - начальный. Основой знаков является «начало» - знак вида табл. 1 - 2-1.

Знаки табл. 1 - 1-1...6 и 1 - 1-2 составляют историческую, начертательную и смысловую основу, на которой шло развитие остальных видов, типов и подтипов яргических знаков. По тексту работы знаки типа табл. 1-1-1, 2, 3 именуется

Ярга-крест и свастика

**образцовыми** (оси пересекаются под углом 90 град., а знаки табл. 1 - 1-4, 5 – **классическими** (угол пересечения осей 45 град.).

Составляющие части яргических знаков могут изображаться одной линией, как например знаки табл. 1 - 1-2, 7, 8, 9, 10, 12, 17, 18, 19, 21, 25, 26, 27, 29, 30 или лопастями табл. 1 - 1-1, 3, 4, 13, 15, 23, 24.

Знаки табл. 1 - 1-11 называем **полными**. Они содержат в равной степени левое и правое направления. Существуют полные ярги кругового подтипа и других видов.

Очевидность соединения в знаке двух (скруглённых) образцовых ярг табл. 1 - 1-20 позволяет называть такие и подобные изображения **двойными** яргами. Часто в народной культуре встречается знак табл. 1 - 1-25, который носителями культуры соотносится с полуденным солнцем, названный нами **полуденным**.

Двуначальная оппозиционная сущность прослеживается по изображениям знаков различных видов: табл. 1 - 1-13, 16; 1 - 2-2, 5 и др.

К смешанному виду относятся изображения и начертания, состоящие из нескольких разновидовых знаков табл. 1 - 2-1...4. Изобразительный вид табл. 1 - 2-1...8 повторяет в своей основе суть построения яргических начертаний первых двух видов и включает знаки растительного и животворного типа (включая человека).

Отсутствие середины в знаках табл. 1-II-3 или её оторванность от ног, начал табл. 1 - 2-2, 4, 5; 1 - 3-2 характерно для ряда изображений различных видов и типов.

симметричны относительно самих себя, в то время как части (равные части) ярги симметричны лишь относительно друг друга в составе целой розетки. Даже если в «звезде» исчезнет особенная точка и как целое начертание она разрушится, симметрия всё равно сохранится в её отдельных равных частях, что не свойственно для ярги [Багдасаров Р., 2001, с. 30]. На видимом уровне начертательно-смысловая составляющая классификации подразумевает в ярге обязательное присутствие указания на **направление кругового и/или вращательного движения**, за исключением «полуденной» ярги.

Понятие яргического знака значительно шире. Оно включает в свой ряд собственно яргу, а также знаки, в начертаниях которых лучи (ноги) могут не только загибаться под любым углом из срединной точки, но плавно виться и ветвиться в зависимости от заложенного в них смысла. Исторически к ним относится большой класс начертаний, у которых

середина, как обозначенная точка средокрестия, отсутствует, или же ею служит кольцо, квадрат, ромб и т. д. К яргическим знакам относятся и спиралевидные изображения, в идеальном виде имеющие равные части.

Смысловая многоуровневость знака обусловила причисление к нему значительного количества начертаний, не обладающих в полной мере поворотной симметрией. Это прежде всего знаки, составленные из ассиметричных составляющих их пар *ног* (таб. 1 - 1-16), а также с особым изображением одного из концов (таб. 1 - 1-17].

В виде исключения к яргическим знакам может относиться начертание, не обладающее поворотной симметрией, которое исторически по смыслу и месту применения таковым считается по традиции.

К яргическим образованиям относим звенья, цепи, узлы, картины, составленные из яргических знаков и образований – со своими вариациями. Каждое последующее образование отличается от предыдущего усложнением изображения и включением дополнительных смыслов, их уточнением (см. порядок по таб. 1б). Необходимо заметить, что предложенная классификация, в ходе рассмотрения новых пластов народной культуры, возможно потребует расширения.

Многоноготь и многоначальность — это свойства, характеризующие яргический знак. Они могут быть выделены во всех типах и видах.

Исследование средневекового и современного пространства русских узоров позволяет дать определение его композиционному решению как **правилу всюдности**. Оно означает заполнение всего поля (пространства), выделенного под рисунок, образно-осмысленными узорами, самостоятельными знаками. Такой подход является наиболее характерным для русской вышивки и ткачества. У русской крестьянки узоры движутся параллельными рядами, внимание мастерицы

рассредоточивается, и вместо того, чтобы концентрироваться на каждом образе в отдельности, она приучается *схватывать их соотношение*, общую связь. Установку этого рода можно рассматривать как возведение мысли от отдельных объектов (частей картины или узора) существования к высшей идее, которую выражала композиция в целом. Образы жизни, захватывающие все поле вышивки и ткачества, отражаются в узорах русской крестьянки и безвестных мастеров средневековой Руси. Это же явление отмечено и во фракийском искусстве (1 тыс. до н. э.), для которого была очень характерна «боязнь пустого пространства» [Мелюкова А.И., 1976, с. 111]. Поэтому всё оно заполнялось осмысленными знаками. Применение правила всюдности характерно при изображении яргического узорочья.

Важно выделить также **правило двуличности** — исполнение узора способом, позволяющим получать на изнаночной части ткани обратный рисунок лицевого узора с такой же чистотой выработки. По отношению к ярге оно называется **правилом полноты сущности**. Это такое выполнение ярги, при котором знак обладает одновременно левым и правым направлениями (на лицевой и изнаночной сторонах вышивки, ткачества), объединёнными в одной вещи, выступающей третьей стороной. Так, браный узор из классических ярг, выполненный на конце полотенца, включает в себе два направления одновременно — левое и правое (лицо и изнанка). Создание в русской народной культуре и других культурах, способа двуличного изображения ярг-знака, наполнено определёнными смыслами, которые проясняются в ходе полевых исследований.

Представленная классификация позволяет выходить за рамки узких представлений о яргических образованиях и привлекать широкий материал для исследования явлений культуры, тесно с ними связанных.

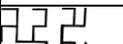
В дополнение к классификации принят следующий язык обозначения некоторых яргических образований, знаков.

	нога ярги, яргического знака.
	двуногая ярга.
	образцовая правосторонняя лопастная ярга. Четырёхногая.
	образцовая левосторонняя лопастная ярга. Четырёхногая.
	Косая или классическая правосторонняя лопастная ярга.
	Косая или классическая левосторонняя лопастная ярга.
	Гребенчатая пятипальчатая ярга.
	Полная ярга.
	Замкнутая ярга. По сути яргический знак, ибо средокрестие отсутствует; квадрат.

Рассмотренные взгляды, подходы, методы, а также почти полный запрет ярги и свастики в культурном пространстве СССР, научное и культурное возрождение отношения к знаку дают нам возможность шире взглянуть на изучаемые вопросы. Предлагаемая классификация яргических образований позволяет вести изучение вопросов ярговедения на понятном языке исследования.

Таблица А1

Характерные начертания яргических знаков великорусов Русского Севера и Новгородских земель России. 17—21 вв.

 1	 2	 3	 4	 5	 6
 7	 8	 9	 10	 11	 12
 13	 14	 15	 16	 17	 18
 19	 20	 21	 22	 23	 24
 25	 26	 27	 28	 29	 30
 31	 32	 33	 34	 35	 36
 37	 38	 39	 40	 41	 42
 43	 44	 45	 46	 47	 48
 49	 50	 51	 52	 53	 54
 55	 56	 57	 58	 59	 60
 61	 62	 63	 64	 65	 66
 67	 68	 69	 70	 71	 72
 73	 74				
 75	 76	 77	 78	 79	 80
 81	 82	 83	 84	 85	 86

Ярга-крест и свастика

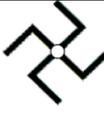
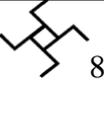
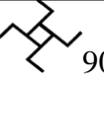
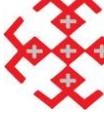
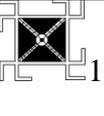
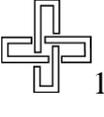
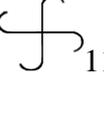
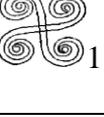
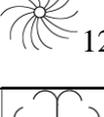
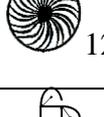
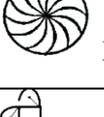
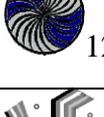
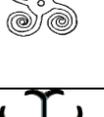
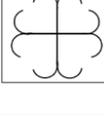
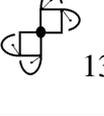
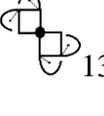
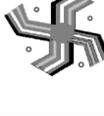
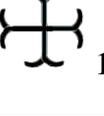
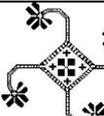
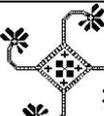
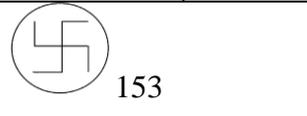
 87	 88	 89	 90	 91	 92
 93	 94	 95	 96	 97	 98
 99	 100	 101	 102	 103	 104
 105	 106	 107	 108	 109	 110
 111	 112				
 113	 114	 115	 116	 117	 118
 119	 120	 121	 122	 123	 124
 125	 126	 127	 128	 129	 130
 131	 132	 133	 134	 135	 136
 137	 138	 139	 140	 141	 142
 143	 144	 145	 146	 147	 148
 149	 150	 151	 152	 153	

Таблица А2

Характерные начертания яргических знаков великорусов Срединных земель России. 18 — 21 вв.

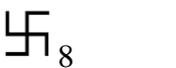
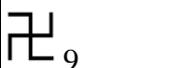
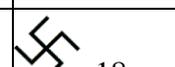
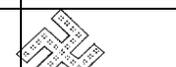
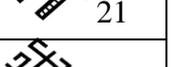
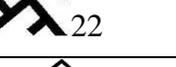
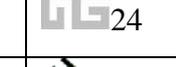
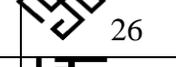
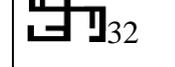
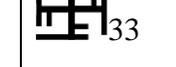
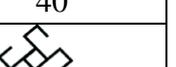
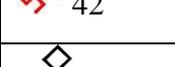
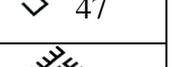
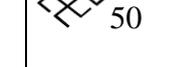
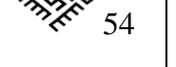
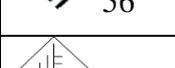
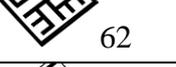
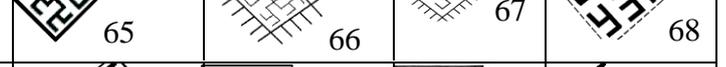
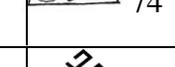
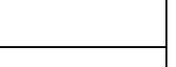
 1	 2	 3	 4	 5	 6	 7
 8	 9	 10	 11	 12	 13	 14
 15	 16	 17	 18	 19	 20	 21
 22	 23	 24	 25	 26	 27	 28
 29	 30	 31	 32	 33	 34	
 35	 36	 37	 38	 39	 40	
 41	 42	 43	 44	 45	 46	 47
 48	 49	 50	 51	 52	 53	 54
 55	 56	 57	 58	 59	 60	 61
 62	 63	 64	 65	 66	 67	 68
 69	 70	 71	 72	 73	 74	 75
 76	 77	 78	 79	 80	 81	
 82	 83	 84	 85			
 86	 87	 88	 89	 90	 91	 92
 93	 94	 95	 96	 97	 98	 99
 100						

Таблица А3

Характерные начертания яргических знаков у белорусов. 18 — 20 вв.

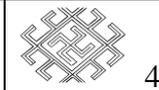
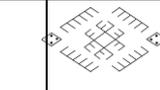
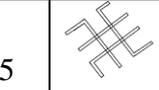
 1	 2	 3	 4	 5	 6
---	---	---	---	--	---

Таблица А4

Характерные начертания яргических знаков великорусов Южных земель России. 18 — 21 вв.

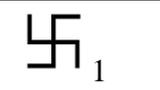
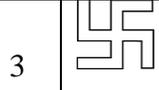
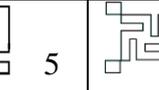
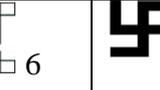
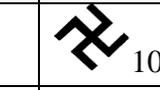
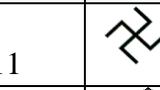
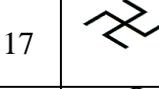
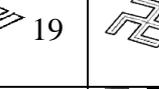
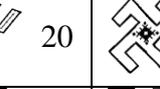
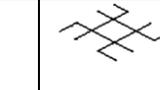
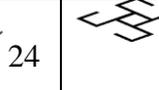
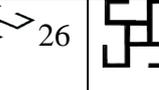
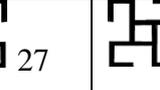
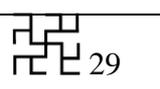
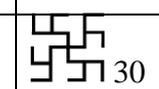
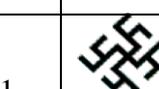
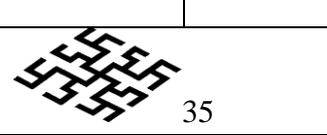
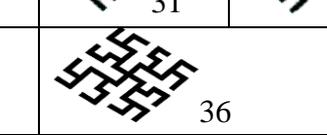
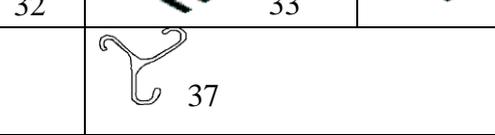
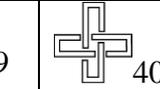
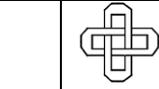
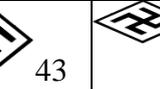
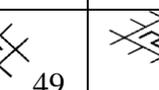
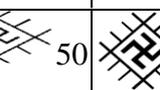
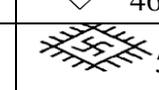
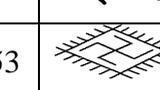
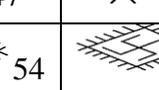
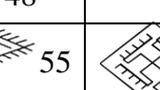
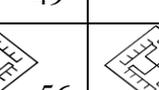
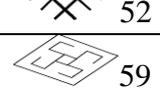
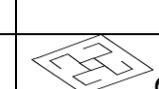
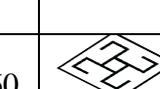
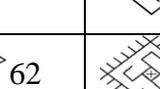
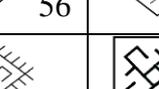
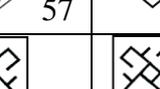
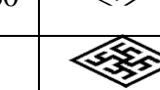
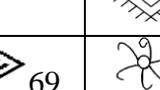
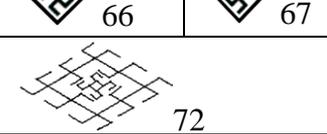
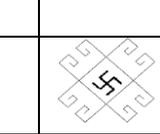
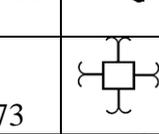
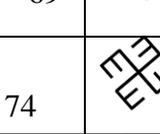
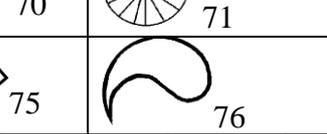
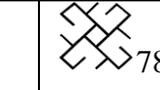
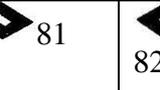
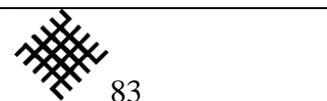
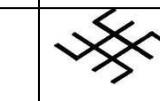
 1	 2	 3	 4	 5	 6	 7
 8	 9	 10	 11	 12	 13	 14
 15	 16	 17	 18	 19	 20	 21
 22	 23	 24	 25	 26	 27	 28
 29	 30	 31	 32	 33	 34	
 35		 36		 37		
 38	 39	 40	 41	 42	 43	 44
 45	 46	 47	 48	 49	 50	 51
 52	 53	 54	 55	 56	 57	 58
 59	 60	 61	 62	 63	 64	 65
 66	 67	 68	 69	 70	 71	
 72		 73	 74	 75	 76	
 77		 78	 79	 80	 81	 82
 83		 84	 85			

Таблица А5

Характерные начертания яргических знаков украинцев (южнорусов).

18 — 20 вв.

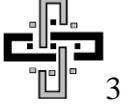
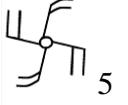
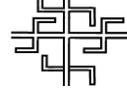
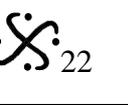
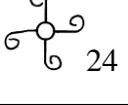
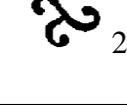
 1	 2	 3	 4	 5	 6	 7
 8	 9	 10	 11	 12	 13	 14
 15	 16	 17	 18	 19	 20	 21
 22	 23	 24	 25	 26	 27	

Таблица А6

Характерные начертания яргических знаков в Срединных русских землях. 9 — 17 вв.

9 — 17 вв.

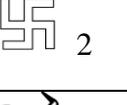
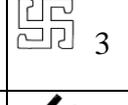
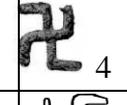
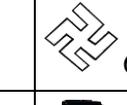
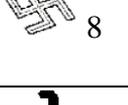
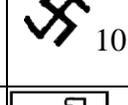
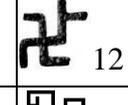
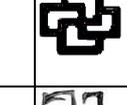
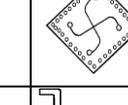
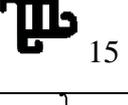
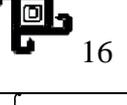
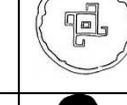
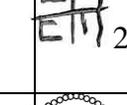
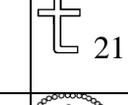
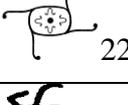
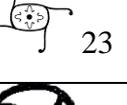
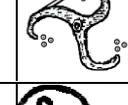
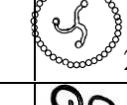
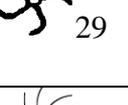
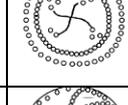
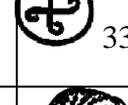
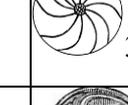
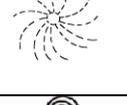
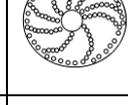
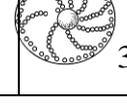
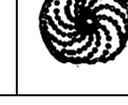
 1	 2	 3	 4	 5	 6	 7
 8	 9	 10	 11	 12	 13	 14
 15	 16	 17	 18	 19	 20	 21
 22	 23	 24	 25	 26	 27	 28
 29	 30	 31	 32	 33	 34	 35
 36	 37	 38	 39	 40	 41	 42
 43	 44					

Таблица А7

Характерные начертания яргических знаков в северных русских землях. 9 — 17 вв.

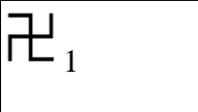
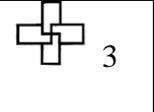
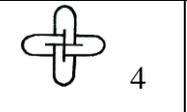
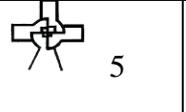
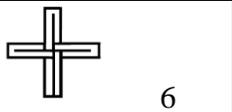
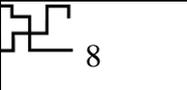
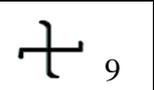
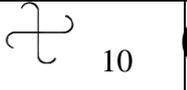
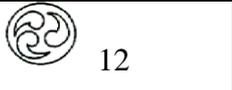
 1	 2	 3	 4	 5	 6
 7	 8	 9	 10	 11	 12
 13					

Таблица А8

Характерные начертания яргических знаков в южнорусских землях. 9—17 вв.

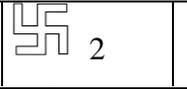
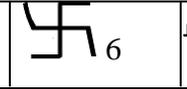
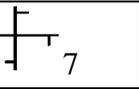
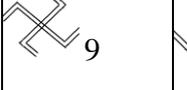
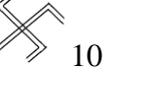
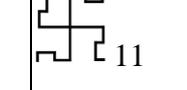
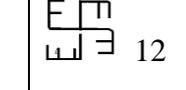
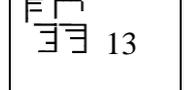
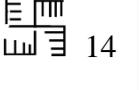
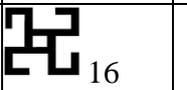
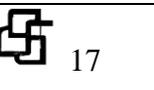
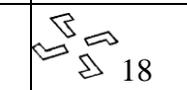
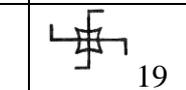
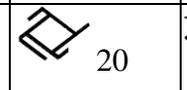
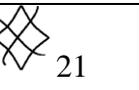
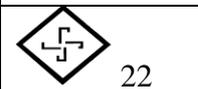
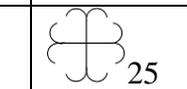
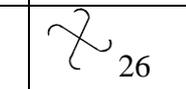
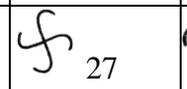
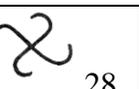
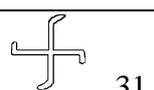
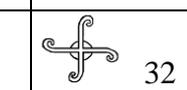
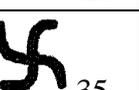
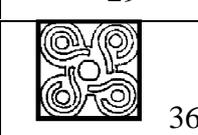
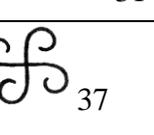
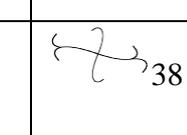
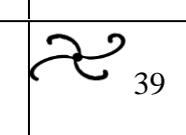
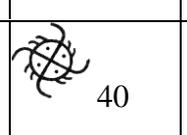
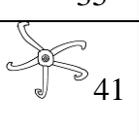
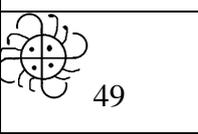
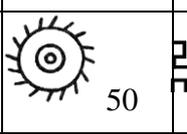
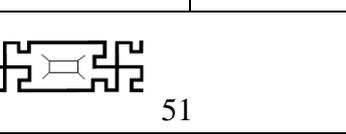
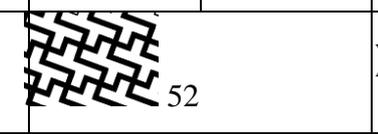
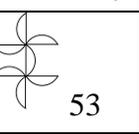
 1	 2	 3	 4	 5	 6	 7
 8	 9	 10	 11	 12	 13	 14
 15	 16	 17	 18	 19	 20	 21
 22	 23	 24	 25	 26	 27	 28
 29	 30	 31	 32	 33	 34	 35
 36		 37	 38	 39	 40	 41
 42	 43	 44	 45	 46	 47	 48
 49	 50	 51		 52		 53

Таблица А9

Характерные начертания яргических знаков восточных славян и их возможных предков. 1—9 вв.

 1	 2	 3	 4	 5	 6	 7
 8	 9	 10	 11			

Таблица А10

Характерные скифо-сарматские начертания яргических знаков

 1	 2	 3	 4	 5	 6
 7	 8	 9	 10	 11	 12
 13	 14	 15	 16	 17	 18
 19	 20	 21	 22	 23	

## Заключение

Исследование показало, что в русской научной школе 19 и 20 вв. крест с загнутыми концами принимался одним из основных родокультурных и этнокультурных показателей в археологических и народоведческих исследованиях. В отличие от партийно-идеологических пристрастий в строгой научной деятельности ярга всегда выделялась в качестве знака древних арийских, индоевропейских культур и народов. Ярга-крест обнаруживается святым знаком русской народной культуры в её преемственности с наидревнейших времён жизни человека в Европе и мире.

Временный запрет на изучение яргических знаков и яргических образований отрицательно сказался на качестве научных исследований культуры русского народа, его творческих достижений.

Предлагаемая классификация яргических образований предоставляет возможность шире увидеть значимость креста с загнутыми концами и его вариаций в жизни русского народа и его культуры.

Борьба между силами добра и зла, света и тьмы, культурно-цивилизационная война между белым и чёрным привела к попытке нацистов Третьего Рейха опорочить светлое начало божественной истины. Результаты исследования показывают, что в основе идей нацизма лежали чёрные оккультные идеи уничтожения населения Европы, и прежде всего, славян и германцев, понесших невосполнимые многомиллионные потери народов и основ культур. Такие намерения обнаруживаются современными культурологическими методами изучения культуры индоевропейских народов.

Проведенное исследование выявляет насущную необходимость углубленного изучения вопросов, связанных с историко-культурными смыслами яргических образований в жизни славяно-русского и других народов России.

## Список сокращений Аббревиатуры

БАН	— Библиотека Академии наук
ГИМ	— Государственный Исторический музей, Москва
ГРМ (РМ)	— Государственный Русский музей (Русский музей)
ГМЭ	— Государственный музей этнографии
ГТГ	— Государственная Третьяковская галерея
ДРМН	— Древлехранилище документов Русского музея народоведения
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
НИИХП	— Научно-исследовательский институт художествен- ной промышленности
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей
РАН	— Российская академия наук
РГО(ИрГО)	— Русское географическое общество (Императорское Русское географическое общество)
РГБ	— Российская государственная библиотека
РНБ	— Российская национальная библиотека

### *Сокращения наиболее часто встречающихся слов, имён и названий*

губ.	— губерния	ред.	— редактор
гг.	— годы	рис.	— рисунок
д.	— деревня	рус.	— русский
др.	— другие	с.	— село, стра- ница
об.	— обратная	Ф.	— фонд
обл.	— область	т.	— том
общ.	— общая	Ч.	— часть
		эп.	— эпоха

### **Полевые материалы**

ПЗ(Рг), 2005 – полевые записи в с. Роговатое Белгородской обл.

ПЗ(Ск), 2007 – полевые записи в с. Секирино Рязанской обл. в 2007 г.

ПЗ(Ч), 2007 – полевые записи в с. Чернава Рязанской обл. в 2007 г.

### Список литературы

- Амброз А.К. О символике русской крестьянской вышивки // СА. — 1966. — № 1.
- Амброз А.К. Раннеземледельческий культовый символ, «ромб с крючками». — СА. — М., 1965. — № 3.
- Арцыбашева Т.Н. Русь-Россия-Московия: от хакана до государя. Культурогенез средневекового общества Центральной России. — Курск, 2003.
- Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: В 3 т. Репринт изд. 1865—1869. — М., 1994.
- Беднарчик А.А. Мотивы свастики в ткачестве Русского Севера // Народное творчество. № 1. 2000.
- Беднарчик А.А. Мотивы свастики в ткачестве Русского Севера // Народный костюм и обрядность на Русском Севере: Материалы VIII Каргопольской науч. конф. / Нучн. ред. Н.И. Решетников. — Каргополь, 2004.
- Белоусова Е. Архитектура крестьянского жилища конца XVIII и первой половины XIX в. в Горьковской области // Архитектурное наследие / Академия Архитектуры СССР. — М., 1955.
- Белорыбкин Г.Н. Западное Поволжье в Средние века / ПГПУ им. Белинского. — Пенза, 2003.
- Белорыбкин Г.Н. Золоторёвское поселение / ИИМК РАН. — СПб., 2001.
- Бибикина В.О. О происхождении мезинского палеолитического орнамента // СА. — 1965. — № 1.
- Биология. Человек: Учебник для общеобразовательных учебных заведений / Ред. А.С. Батуев. — М., 1996.
- Бобринский А.А. О некоторых символических знаках общих первобытной орнаментике всех народов Европы и Азии // Труды Ярославского областного съезда. — Ярославль, 1902.
- Бобров В.В., Молодин В.И., Журба Т.А., и др. Археологические памятники Тогучинского р—на Новосибирской обл. — Новосибирск, 2000.
- Богатырёв П.Г. Вопросы теории народного искусства. — М., 1971.
- Боряк Е.А. Баба-повитуха в традиционном украинском обществе: легко ли быть «знающей»? // Мифология и религия в системе культуры этноса: Материалы Вторых С. Петербургских чтений / Российский этнографический музей. — СПб., 2003.
- Булычёв М.И. Раскопки по части водораздела верхних притоков Днепра и Волги. — М., 1903.
- Буслаев Ф.И. Введение // Письма и украшения в псалтыри с возследованием в рукописи XV века. — М., 1881. — Вып. 1/2.
- Буслаев Ф. Предисловие // Шаховская С.Н. Альбом народной вышивки. — СПб., 1885.
- Буслаев Ф.И. Образцы иконописи в Публичном музее // Московские ведомости. — 1862. — № 111—113.
- Быков А.В. Народный костюм Вологодской области. Костюм Кадниковского уезда Вологодской губернии XIX — начала XX в. — Вологда, 1990.
- Быстров В.Ю. Феноменология переверачиваемых символов // Символ в религии: Материалы VI С. — Петербургских религиозно-научных чтений / Министерство Культуры Росс. Федерации; ГМИР. — СПб., 1998.
- Быструшкин К.К. Феномен Аркаима. Космологическая архитектура и историческая геодезия. — М., 2003.

Быховцев А.Н. Неизвестная свастика // Славяно-Арийские Веды. Книга Света. Харатьи света. — Церковное издание. — Асгард-Омск, 2002.

Вагнер Г.К., Воробьева Е.В. Архитектурный декор Руси X—XI веков // Древняя Русь: Быт и культура / РАН; Под общ. ред. Б.А. Рыбакова. — М., 1997.

Ваклинов Станче. Формиране на старобългарската култура, VI—XI век. — София, 1977.

Введенский А.И. Александр Иванович Введенский: Статьи по философии. — СПб., 1996.

Венедиктов И., Герасимов Т. Тракийское искусство. — София, 1973.

Веркович С. Описание быта болгар, населяющих Македонию // Труды этнографического отдела Известий Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. — М., 1874. — Кн. 3. Вып. 1.

Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера / АН СССР. — М., 1989.

Веснин С. Эрмитаж. — СПб., 2002.

Вилинбахов Г.В., Кобак А.В., А.Д. Марголис. Санкт-Петербург, 1703—2003. — СПб.; М., 2003.

Виноградов Н.Н. Галивонские Алеманы. Условный язык галичан (Костромской губернии). — Пг., 1915.

Вишневский В.И. Средневековые белокаменные надгробия некрополя Троице-Сергиева монастыря (находки 1998—1999 гг.) // Сергиево-Посадский музей-заповедник: Сообщения. — М., 2000.

Власов В.Г. Пути расшифровки каргопольского календаря-вышивки // СЭ. — 1990. — № 2.

Волкобой С.С. Срубные погребения с трупосожжением в Орельско-Самарском междуречье // КДСП. — 1979. — Вып. 3.

Волков Ф.К. Отличительные черты южно-русской народной орнаментики // Труды Третьего Археологического съезда. — Киев, 1878.

Воронов В.С. Крестьянское искусство. — М., 1924.

Воронов В. Народная резьба // Памятники крестьянского быта из Российского исторического музея. Начало XX в. — М., 1925. — Вып. 1.

Воронов В. Резьба по дереву. — М., 1933.

Воронов В.С. О крестьянском искусстве: Избранные труды. — М., 1972.

Галиопа В.А. Зачем «Урожаю» трость? (К вопросу о роли одного из атрибутов литовского праздника урожая) // Мифология и религия в системе культуры этноса. Материалы Вторых С. — Петербургских чтений / РЭМ. — СПб., 2003.

Гирвиц Г.И. «Модели мира» в орнаменте народного искусства // Народный костюм Смоленской губернии: Материалы науч.-практ. конф. — Смоленск, 2006.

Глебова А.А. Традиционный народный костюм северо-восточных уездов Вологодской губернии и его обрядовых функций // Народный костюм и обрядность на Русском Севере. Материалы VIII Каргопольской науч. конф. / Нучн. ред. Н.И. Решетников. — Каргополь, 2004.

Глебушкин С.А. Традиционный русский костюм из собраний С.А. Глебушкина. — М., 2008.

Гринкова Н.П. Отражение производственной деятельности руки в русской орнаментике // СЭ. № 1. 1935. — М.-Л.

Голан А. Миф и символ. — Иерусалим; Москва, 1994.

Голубева Л.А. Амулеты // Древняя Русь. Быт и культура. Археология / РАН; Под общ. ред. Б.А. Рыбакова. — М., 1997.

Городцов В.А. Археология. Каменный период. — М.; Пг., 1923.

Городцов В.А. Бытовая археология. — М., 1910.

Городцов В.А. Дако-сарматские религиозные элементы в русском народном творчестве // Труды ГИМ. — М., 1926. — Вып. I.

Городцов П.А. Праздники и обряды крестьян Тюменского уезда // Ежегодник Тобольского губернского музея. — Тобольск, 1916. — Вып. 26.

Горожанина С.В., Зайцева Л.М. Русский свадебный костюм. — М., 2003.

Горожанина С.В., Жигулёва В.М., Соколова Г.В. Выставка новых поступлений. Открывая бабушкин сундук // СПГИХМЗ. — Сергиев Посад, 1998.

Горожанина С.В., Жигулёва В.М., Соколова Г.В. Живая старина. Выставка новых поступлений. — Сергиев Посад, 1997.

Грацианская Н.Н. Чехи и словаки // Календарные обычаи и обряды в странах Зарубежной Европы. Летне-осенние праздники. — М., 1977.

Григорьева Г.А. Русский Север глазами реставратора. Праздничная одежда. — Архангельск, 2003.

Григорьева Г.А. Ткани и одежда Поморья в собрании Соловецкого государственного историко-архитектурного и природного музея заповедника: Каталог. — Архангельск, 2000.

Гудрик-Кларк Н. Окультурные корни нацизма. Тайные арийские культы и их влияние на нацистскую идеологию. — СПб., 1995.

Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. — М., 1984.

Гусев О. М. Магия русского имени. — СПб., 2001.

Гусев В.Е. Эстетика фольклора. — Л., 1967.

Гусева Н.Р. «Арктическая Родина в Ведах» // Древность. Арьи. Славяне. — М., 1996 а.

Гусева Н.Р. Арьи, славяне: соседство или родство? // Древность. Арьи. Славяне. — М., 1996 б.

Гюйонварх К.-Ж., Леру Ф. Кельтская цивилизация. — М., 2001.

Далматов К.Д. Альбом Русских Малороссийских и Южно-Славянских узоров для вышивания: Третий альбом. — СПб., 1883.

Далматов К.Д. Второй дополнительный альбом великорусских узоров. — СПб., 1889—1892.

Далматов К.Д. Образцы народного шитья и кружев. Шитье великорусское. В 7 т. — СПб., 1893—1894.

Далматов К.Д. Первая выставка русского народного шитья. — СПб., 1883—1884.

Далматов К.Д. Русские вышивки исполненные К.Д. Далматовым по атласу цветным шелком на мягкую мебель и по полотну на карнизы окон и дверей в русский терем Датского королевского парка Френденбург. Узоры из старинных образцов народного шитья великорусов Московской, Новгородской, Тверской и Ярославской губерний. — СПб., 1889.

Далматов К.Д. Старинные узоры украинских вышивок. — СПб., 1889?

Даль В.И. Толковый словарь великорусского живого языка: В 4 т. Репринт издания 1903—1909 гг. — М., 1994.

Даль Л.В. Русский орнамент // Зодчий. — 1876. — № 7.

Даркевич В.П. Символы небесных светил в орнаменте древней Руси // СА. — 1960. — № 4.

Дашевская О.Д. Поздние скифы в Крыму // САИ. — М., 1991. — Вып. Д 1—7.

Дзярновіч А., Квяткоўская А. «Свастыка» як касмалягічны ды этнавызначальны сымбаль // Крыўя. Навуковы часоніе Центру этныкасмалёгіі. — Мінск, 1994. — № 1.

Динцес Л.А. Восточные мотивы в народном искусстве Новгородского края // СЭ. 1946. № 3.

Динцес Л.А. Древние черты в русском народном искусстве // История культуры Древней Руси. — М.; Л., 1951.

Дмитриева С.И. Традиционное искусство русских Европейского севера. Этнографический альбом. — М.: Наука, 2006.

Древняя Русь. Быт и культура / Под общ. ред. Б.А. Рыбакова. — М., 1997.

Древнее искусство. Памятники палеолита, неолита, бронзового веков на территории Советского Союза. Собрание Государственного Эрмитажа. — Л., 1974.

Докучаев И.И. Феноменология знака / РГПУ им. А.И. Герцена. — СПб., 1999.

Дронова Т.И. Одежда староверов Усть-Цильмы. Традиционные типы и функции в поверьях и обрядовой культуре (середина 19 – начало 21 вв.). — Сыктывкар, 2011.

Дубов И.В. Новые источники по истории Древней Руси. — Л., 1990.

Дубынин А.Ф. Каргашинские курганы // Труды секции археологии IV. — М., 1928.

Дурасов Г.П. Запечатлённая радуга. — М., 1985.

Дурасов Г.П. Каргапольская глиняная игрушка. — Л., 1986а.

Дурасов Г.П. Каргопольские народные вышивки месяцесловы // СЭ. — 1978. — № 3.

Дурасов Г.П. Народная пища Каргаполя // СЭ. — 1986б. — № 6.

Дурасов Г.П. Художественные сокровища. — М., 1984.

Дурасов Г.П. Тетёрки // Декоративное искусство. — 1981. — № 3.

Дурылин С.Н. Челябинские курганы // Сборник материалов по изучению Челябинского округа. — Челябинск, 1927б. — Кн. 1.

Дурылин С.Н. Раскопки под Челябинском // ЗУОЛЕ. — 1927а. — Т. 40. Вып. 2.

Дюмезиль Ж. Верховные боги индоевропейцев / АН СССР. Ин-т востоковедения. — М., 1974.

Елиев Зенон (Elyiv Zenon). Двадцать кіп писанок. — Нью-Йорк, 1994.

Елинек Ян. Большой иллюстрированный атлас первобытного человека. — Прага, 1985.

Есаян С.А. Древняя культура племён северо-восточной Армении. — Ереван, 1976.

Ефименко П.Е. Обычаи и верования крестьян Архангельской губернии. — М.: ОГИ, 2009.

Жарникова С.В. Архаические корни традиционной культуры Русского Севера. Сборник научных статей. — Вологда, 2003а.

Жарникова С.В. Архаические мотивы северорусской народной вышивки и их параллели в древних орнаментах населения евразийских степей. — М., 1985.

Жарникова С. В. Древние тайны русского севера // Древность: Арьи. Славяне. — М., 1996.

Жарникова С.В. Золотая нить. — Вологда, 2003б.

Жарникова С.В. Обрядовые функции северорусского женского народного костюма. — Вологда, 1991.

Жирнов Е. Право ношения свастики присвоить всем красноармейцам // Журнал «Коммерсантъ» № 30 (381). 2000.

Жигулева В.М. Женский народный костюм Пензенской области и некоторые вопросы его эволюции // Сергиево-Посадский музей-заповедник: Сообщения, 1995. — М., 1995.

Жигулёва В.М. Женский траурный костюм в Пензенской и Тамбовской губерниях // Живая старина. — 2000. — № 1.

Жигулева В.М. Народное искусство Пензенской области конца XIX—XX века / ЗГИХМЗ. — М., 1989.

Завойко Т.К. Верования, обряды и обычаи великорусов Владимирской губернии // Этнографическое обозрение. — 1914. — № 3—4.

Зарубин Л.А. Сходные изображения солнца и зорь у индоарийцев и славян // Советское славяноведение. — 1971. — № 6.

Званцев М. Народная резьба по материалам Горьковской обл. — Горький, 1957.

Званцев М.П. Жилище и костюм Чернухинского района (Арзамасский уезд, Нижегородская губерния) // Культура и быт населения Центрально-Промышленной области, этнологические исследования и материалы. 2-е Совещание этнологов Ц.П.О., 7—10 декабря 1927 г. — М., 1929.

Зверуга Я.Г. Верхнее Понеманье в IX—XIII вв. — Минск, 1989.

Зверуга Я.Г. Древний Волковыск. — Минск, 1975.

Зданович Г.Б. Феномен протоцивилизации бронзового века Урало-Казахстанских степей. — ВККДЦ. — Алма-Ата, 1989.

Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. АН СССР. — М., 1991.

Зеленин Д.К. Имущественные запреты как пережитки первобытного коммунизма // Зеленин Д.К. Избранные труды. — М., 1999.

Зеленин Д.К. Описание рукописей Учёного архива Императорского Русского географического общества. — Пг., 1914—1916 а. — Вып. 1-3.

Зеленин Д.К. Очерки русской мифологии: Умершие неестественной смертью и русалки. — Пг., 1916 б. — Вып. 1

Зернова А.В. Материалы по сельскохозяйственной магии в Дмитровском уезде // СЭ. — 1932. — № 3.

Зотова С.В. Ковровые орнаменты андроновской керамики // МИА. — 1965. — № 130.

Зудина В.Н. Андроновские элементы в срубной культуре Куйбышевского Заволжья. ДСКП. — 1981.

Иваницкая З.Н. Писанка. — М., 2001.

Иванов В.В. Очерки по истории семиотики в СССР. АН СССР. — М., 1976.

Иванов В.Вс. Чёт и нечет. Асимметрия мозга и знаковых систем. — М., 1978.

Иванов П.В. Жизнь и поверья крестьян Купянского уезда Харьковской губернии // Сборник / Харьковское историко-филологическое общество. — Харьков, 1907.

Иванов С.В. Орнамент народов Сибири как исторический источник. — М.; Л., 1963.

Иванова Н.О. Аркаим: Исследования, поиски. Открытия // Под ред. Г.Б. Здановича. Сост. Н.О. Иванова. — Челябинск, 1995.

Иванова Ю.В. Обрядовый огонь // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы / АН СССР. Ин-т этнографии. — М., 1983.

Иванова Ю.В. Следы солярного культа // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. АН СССР. Ин-т этнографии. — М., 1983.

Ивановская В.И. Кельтские орнаменты. — М., 2003.

Ильинская В.А. Скифы днепровского лесостепного левобережья. — Киев, 1966.

Ипполитова А.Б. Ритуалы сбора растений в русских рукописных травниках XVIII в. // Мифология и религия в системе культуры этноса. Матер. Вторых С. - Петербургских чтений /РЭМ. — СПб., 2003.

Ильинская В.А. Относительная хронология раннескифских курганов бассейна реки Тясмин // СА. — 1973. — № 3.

Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Зимние праздники. — М., 1973.

Калмыкова Л.Э. Тверская набойка XIX — начала XX века. — М., 2003.

Каргер М.К. Древний Киев: очерки по истории материальной культуры древнерусского города. — М.; Л., 1961. — Т. 2.

Каргер М.К. Живопись // История культуры древней Руси / АН СССР. — М.; Л., 1951.

Как выбрать нательный крест. По благословию Преосвященного Симона. Епископа Мурманского и Мончегорского. Трифонов Печенгский монастырь. — М., 2002.

Калмыкова Л.Э. Древние сюжеты Новгородской вышивки // Сергиево-Посадский музей-заповедник. Сообщения, 1995. — М., 1995.

Кашуба М.С. Народы Югославии // Календарные обычаи и обряды в странах Зарубежной Европы. Летне-осенние праздники. — М., 1977.

Кашуба М.С. Обычаи и обряды народа Югославии у пролећном календарском циклусу у 19 и початка 20-ог века // Гласник етнографског музеја. — Београд, 1973. — Т. 36.

Каширина Т., Евсеева Т.Е. Символы. Знаки. — М., 2006.

Каган М.С. Морфология искусства. Историко-теоретическое исследование внутреннего строения мира искусств. — Л., 1972. — Ч. 1–3.

Качалова И.Я., Маясова Н.А., Щенникова Л.А. Благовещенский собор Московского Кремля. — М., 1990.

Качаева М.А. Сокровища русского орнамента. — М., 2008; М., 2011.

Квитко М. Южно-русский орнамент собранный М. Квитко. — Киев, 1882.

Киево-Печерська Лавра. Трапезна палата з церковою: (перекидною настенний календарь на 1992). — Київ, 1991.

Кислуха Л.Ф. Народный костюм Русского Севера XIX — начала XX века в собрании Государственного музейного объединения «Художественная культура Русского Севера» (Архангельск). — М., 2006.

Кислуха Л.Ф. Народный костюм Русского Севера 19 – начала 20 века в собрании государственного музейного объединения «Художественная культура Русского Севера». — М., Северный паломник, 2006.

Клетнова Е.Н. Символика народных украс Смоленского края // Труды Смоленских государственных музеев. — Смоленск, 1924. — Вып. 1.

Кожевникова Л.А. Особенности народного узорного ткачества некоторых районов Севера // Русское народное искусство Севера. Сборник статей. — Л., 1968.

Коваль В.Ю., Медведь А.Н. Новый памятник средневековой письменности рязанской земли // РА. Ин—т археологии. — 2000. — № 1.

Колчин Б.А. Коллекция музыкальных инструментов древнего Новгорода // Памятники культуры. Новые открытия. — Л.: Наука, 1979.

Кондаков Н.П. Изображения Русской княжеской семьи в миниатюрах XI века. — СПб., 1906.

Комарова М.Н. Относительная хронология памятников андроновской культуры // АСГЭ. — 1962. — Вып. 5.

Кордуба М. Писанки на Галицькій Волині. — Львів, 1899.

Косарев М.Ф. Основы языческого миропонимания. — М., 2003.

Кравцова-Гракова О.А. Алексеевское поселение и могильник // Труды ГИМ. — 1948. — Т. 17.

Краснобаев Б.И. Основные черты и тенденции развития русской культуры в XVIII в. // Очерки русской культуры XVIII века. — М., 1985. — Ч. 1.

Кудь Л.Н. Костюм и украшения древне-русской женщины. Высшие женские курсы в Киеве / Под ред. В.Е. Данилевич. — Киев, 1914.

Кузнецова В.П., Логинов К.К. Русская свадьба Заонежья (конец XIX — начало XX в.) / Ред. К.В. Чистов. — Петрозаводск, 2001.

Кузьмина Е.Е. О соотношении типов андроновских памятников Урала (по материалам Кинзерского могильника) // ПДИЕ. — 1975.

Круглова О.В. Северодвинские прялки // Русское народное искусство Севера. Сборник статей. — Л., 1968.

Кузнецов А.В. «Косматый Ярко» из Тотьмы // Родные просторы. — 1994. — № 1 (22).

Кузнецов А.В. Болванцы на лысой горе. — Вологда, 1999.

Кузнецов А.В. Древности Вологодского края // Русская традиция. — М., 2004.

Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоари? / РАН. — М., 1994.

Кулжинский С.К. Описание коллекции народных писанок. — М., 1899. — Вып. 1.

Кутенков П.И., Резунков А.Г. Ярга – соляренный символ руссов. Субъект и реальность. — СПб., 2004

Кутенков П.И. Великоорусская народная женская сряда (одежда) Пензенской и Тамбовской губерний. Середина XIX — середина XX столетия. Материалы и исследования двух древнейших великорусских культур Выши и Вада. — Пенза; СПб., 2003 а.

Кутенков П.И. Знаковые системы русской понёвы (по материалам полевых экспедиций) // Материалы Первых Санкт-Петербургских этнографических чтений. — СПб., 2002 а.

Кутенков П.И. Метод знако-символических рядов в изучении женской народной одежды и его результаты (на примере полевых исследований русской народной женской одежды) // Материалы Шестого конгресса этнографов и антропологов. — СПб., 2005 в.

Кутенков П.И. Методический подход по классификации яргических знаков // Шестые Петровские чтения: Сб. науч. тр. / ПАНИ. Отд. ист. наук. — СПб., 2005 а.

Кутенков П.И. Распространение свастики у русских и её начертательные знаковые образы // Мифология и религия в системе культуры этноса. Материалы Вторых Санкт-Петербургских этнографических чтений. — СПб., 2003 б.

Кутенков П.И. Русская Мещера Пензенской области. К какому народу принадлежат жители Заметчинского района // Краеведение. — 1999 б. — № 2; 200 б. — № 1.

Кутенков П.И. Ярга (свастика) великорусской понёвы — народный духовно- нравственный календарь жизни (по полевым материалам) // Традиции и обычаи народов России и Беларуси: Док. и сообщ.: В 2 т. / Под ред. Н.А. Лобанова. Междунар. конф. г. Минск, 23—25 мая. — Минск, 2001. — Т. 2.

Кутенков П.И. Единая структура духовных переходов. Закон бытия русского духа // Российский научный журнал. № 1(32). 2013.

Кутенков П.И. Великорусская народная женская сряда (одежда). СКРК и ВКРК. Сер. 19 – нач. 20-го в. СПб., 2010.

Кутенков П.И. Южнорусская народная одежда. Чернавская крестьянская родовая культура. Сер. 19 – 20 в. СПб.: РГО, 2011.

Кутенков П.И. О понятиях языка знакового исследования сряды (одежды) русской народной культуры // Российский научный журнал. № 6(31). 2012.

Кутенков П.И. Яргическая знаковая система в истории русской народной культуры. Дис. канд. культурологии. – СПб., 2006 (Библ. РГУ им. А.И. Герцена).

Кутенков П.И. Ярга-свастика – знак русской народной культуры. РГПУ им. А.И. Герцена. – СПб., 2008.

Куфтин Б.А. Материальная культура русской мещеры. Часть 1. Женская одежда: рубаха, понёва, сарафан. — М., 1926.

Лазарев В.Н. Живопись Владимиро-Суздальской Руси // ИРИ. — М., 1953 а. — Т. 1.

Лазарев В.Н. Живопись и скульптура Киевской Руси // История русского искусства / АН СССР. — М., 1953 б. — Т. 1.

Лазарев В.Н. Мозаики Софии Киевской. — М., 1960.

Ластовский Г.А. История и культура Смоленщины с древнейших времён до конца VIII века: Учеб. пособие для школ Смоленской области. — Смоленск, 1997.

Лебедева Н.И. Прядение и ткачество восточных славян в XIX — начале XX в. // Восточнославянский сборник. — М., 1956.

Лебедева Н.И. Материалы по народному костюму Рязанской губернии. — Рязань, 1929.

Лебедева Н.И. Прядение и ткачество восточных славян в XIX — начале XX в. // Восточнославянский сборник. — М., 1956.

Лебедева Н.И. Прядение и ткачество восточных славян в XIX — начале XX в. // Научные труды. — Рязань, 1996. — Т. 2.

Лебедева О. Пётр I: В любовной паутине // Женский Петербург. — 2004. — № 3 (17)

Левинсон-Нечаева М.Н. «Ткачество» // Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. / Под ред. Б.А. Рыбакова. — М., 1959.

Левко В.М. Торговые связи Витебска в X—XVIII вв. / АН БССР. — Минск, 1989.

Лейтане И. Бенвенист (Benveniste) Эмиль // Культурология. XX век. Энциклопедия. — СПб., 1998. — Т. 1. А—Л.

Литвинова П.Я. Южнорусский народный орнамент. Выпуск 1. — Киев, 1878.

Ломоносов М.В. Древняя Российская история от начала Российского народа до кончины Великого Князя Ярослава Первого, или до 1054 года, сочинённая Михаилом Ломоносовым, статским советником, профессором химии и членом Санкт-Петербургской императорской и королевской шведской академии наук // Ломоносов М.В. Записки по Русской истории. — М., 2003.

Лотман Ю. М. Символ в системе культуры // Лотман Ю.М. Избранные статьи в 3 томах. — Таллин, 1992.

Луначарский А. Предупреждение // Известия. — 1922. — № 255 (1694).

Лысенко О.В. Ритуалы аграрного цикла в белорусской этнокультурной традиции XIX—XX вв. (структура, функции, семантика). Дис. на соискан. учён. степ. канд. истор. наук / СПбГУ. — СПб., 2002.

- Лысенко П.Ф. Дреговичи. — Минск, 1991.
- Макарова Т.И. Древнерусское наследие в ювелирном деле ранней Москвы XIV в. — М., 1998.
- Макарченко М. Скульптура и різьбарство Київської Русі // Київські збірники історії і археології, побугу й Мистецтва.. — Київ, 1931. — Зб. 1.
- Макарова Л.М. Реализация стереотипов «мы» — «они» в нацистской практике // Этническое единство и специфика культур. Материалы Первых С. - Петербургских этнографических чтений. — СПб., 2002.
- Макарова Т.И. Методика изучения орнамента // Древняя Русь. Быт и культура / Под общ. ред. Б.А. Рыбакова. — М., 1997 а.
- Макарова Т.И. Народный женский убор // Древняя Русь. Быт и культура / Под общ. ред. Б.А. Рыбакова. — М., 1997 б.
- Макарова Т.И. Парадный женский убор // Древняя Русь. Быт и культура / Под общ. ред. Б.А. Рыбакова. — М., 1997 в.
- Макарова Т.И. Украшения с перегородчатой эмалью // Древняя Русь. Быт и культура / Под общ. ред. Б.А. Рыбакова. — М., 1997 г.
- Макарова Т.И., Равдина Т.В. Семилопастные височные кольца с орнаментом // РА. — 1994. — № 4.
- Манушина Т. Шитье Древней Руси в собрании Загорского музея. — М., 1983.
- Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила. — М., 1989.
- Малая советская энциклопедия / Гл. ред. Н.Л. Мещеряков. — М., 1930. — Т. 7.
- Малинина М. Быт рязанской Мещеры / Рязанский Государственный областной музей. — Рязань, 1928.
- Малинина М.Д. Очерки Рязанской Мещеры // Вестник Рязанских краеведов. — Рязань, 1925. — № 3.
- Мансуров А.А. Старо-рязанские и пронские гончарные клейма // СА. — М.; Л., 1946. — Вып. 7.
- Манушина Т.Н. Памяти Ольги Владимировны Кругловой // Русское народное искусство. — М., 1998.
- Мартынов А.И. Археология СССР. — М., 1982.
- Марченко Г.Е. Обсерватория-календарь у села Долиняны // АСГЭ. — 1991. — Вып. 31.
- Маслова Г.С. Ареально-типологические особенности орнамента населения Северо-Запада РСФСР // Проблемы типологии в этнографии / АН СССР. Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. — М., 1979.
- Маслова Г.С. Из истории изучения восточнославянской этнографии (Н.И. Лебедева) // Рязанский этнографический вестник / Гл. ред. Коростылёв. — Рязань, 1994.
- Маслова Г.С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX — начала XX в. — М., 1984.
- Маслова Г.С. Основные черты орнамента Ярославской и Костромской вышивки // Сообщения Государственного Русского музея. — М., 1976. — Т. 11.
- Маслова Г.С. Этнологические материалы по изучению озер мещерской низменности // Культура и быт населения Центрально-Промышленной области, этнологические исследования и материалы: 2-е Собрание этнологов Ц.П.О., 7—10 декабря 1927 г. — М., 1929.
- Маслова Г.С. Орнаменты русской народной вышивки как историко-этнографический источник. — М., 1978.

Маслова Г.С. Об особенностях народного костюма населения Верхнедвинского бассейна в 19 – начале 20 в. // Фольклор и этнография Русского Севера. – Л., 1973.

Махно А.И. Сборник малороссийских узоров. — Киев, 1885.

Маясова И.Я. Литературный образ Ксении Годуновой и приписываемые ей произведения шитья // Труды отдела древнерусской литературы / АН СССР. Ин-т русской литературы (Пушкинский Дом). — М.; Л., 1966. — Т. 22.

Мелюкова А.И. К вопросу о взаимосвязях скифского и фракийского искусства // Скифо-звериный стиль в искусстве народов Евразии. — М., 1976.

Миллер А.А. Элементы «неба» на вещественных памятниках // Из истории докапиталистических формаций / Гос. акад. материальной культуры. — М., 1933.

Милюков П.Н. О раскопках Рязанских курганов летом 1896 г. // ТРУАК. — Рязань, 1898. — Т. 13. Вып. 2; 1900. — Т. 14. Вып. 1.

Минцевич А.П. Находка в Запорожском кургане (к вопросу о сибирской коллекции Петра I) // Скифо-звериный стиль в искусстве народов Евразии / АН СССР. Ин-т археологии. — М., 1976.

Митрофанов А.Р. Железный век средней Белоруссии (VII—VI вв. до н. э. — VII в. н. э.) / АН БССР. — Минск, 1978.

Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2 т. — М., 1991.

Могиланский Н.М. Поездка в центральную Россию для собирания этнографических коллекций // Материалы для этнографии России. — СПб., 1910. — Т. 1.

Московский Вестник. — М., 1827. — VI.

Мосолова Л.М. «Обыкновенный» горшок и его культурный космос (о феномене гончарного искусства в культуре древней Евразии) // Основы теории художественной культуры / Под общ. ред. Л.М. Мосоловой. — СПб., 2001.

Монгайт А.Л. Рязанская земля. — М., 1961.

Мурзин В.Ю. Происхождение скифов: Основные этапы формирования скифского этноса. — Киев, 1990.

Народное искусство Пензенской области конца XIX—XX века. Новые поступления ЗГИХМЗ. — М., 1989.

Народный костюм Пензенской губернии конца XIX — начала XX века: Альбом. — Пенза, СПб., 2005.

Немоевский А. История креста // Происхождение креста. — М., 1927.

Неолит Северной Евразии / АН СССР. — М., 1996.

Нидерле Любомир. Славянские древности. — М., 1956.

Нидерле Любомир. Человечество в доисторические времена. Доисторическая археология Европы и, в частности, славянских земель / Пер. с чеш. Ф. К. Волкова; Под. ред. Д.Н. Анучина. — СПб., 1898.

Никитина Ю.И. Рисунки-граффити из Софии Новгородской // СА. — 1990. — № 3.

Николаева Т.А. Украинская народная одежда / АН Укр. ССР. — Киев, 1987.

Николаева Т.В., Недошвина Н.Г. Предметы христианского культа // Древняя Русь. Быт и культура / Под общ. ред. Б.А. Рыбакова. — М., 1997.

Николаева Т.В. Прикладное искусство Московской Руси. — М., 1976.

Ноговицын О.М. 12 лекций о досократиках. — СПб., 1994.

Новиков В. Орлы российской империи. — М., 1991.

Новикова Г.Л. Скандинавские амулеты из Гнёздова // Смоленск и Гнёздово / Под ред. Д.А. Авдусина. МГУ. — М., 1991.

- Норцов А.Н. Путь солнца в процессе мирового движения // ТУАК. — 1909. — Вып. 53.
- Онучина Т.А. 2004.
- Опыты разработки русского орнамента. Федюшкин В.Д. Рукопись. — СПб., 1874.
- Островский А.Б., Чувьуров А.А. Беловодье староверов Алтая // В поисках Беловодья. — СПб., 2010.
- Отрощенко В.В. Погребения с трупосожжением у племён срубной культуры Нижнего Поднепровья. — 1976.
- Ошар П. Символ креста // Происхождение креста. — М., 1927.
- Палеолит СССР / АН СССР. — М., 1984.
- Плавінскі А.М. Раскопки курганов у д. Юдичи // Древнерусское государство и славяне. — Минск, 1983.
- Плахотнюк В. Земные и небесные тайны солнечной свастики // ТМ. — 1998. — № 11, 12.
- Плахотнюк В. Мифология и символика трезубцев, крестов и звёзд и топонимия космического пространства в культах мира // ТМ. — 2003. — № 9.
- Плетнева Н. Восточно-Европейские степи во второй половине X—XIII в. — М., 1989.
- Поболь Л.Д. Древности Белоруссии в музеях Польши / АН БССР. — Минск, 1979.
- Поболь Л.Д. Раскопки в Тайманове // АО, 1980. — М., 1981.
- Полубояринова М.Д. Русские вещи и мастера в Золотой Орде // Древняя Русь. Быт и культура / Под общ. ред. Б.А. Рыбакова. — М., 1997.
- Полубояринова М.Д. Русь и Волжская Болгария в X—XV вв. — М., 1993.
- Поляков Л. Арийский миф. Исследование истоков расизма. — СПб., 1996.
- Полякова Г.Ф. Селища в долине Прони // Археология Рязанской земли. АН СССР. — М., 1974,
- Потебня А.А. О мифическом значении некоторых обрядов и поверий. Т. 1. Рождественские обряды // ЧОИДР. — 1865. — Кн. 2.
- Потебня А.А. О мифическом значении некоторых обрядов и поверий. Т. 2. — Баба-яга // ЧОИДР. — 1865. — Кн. 3.
- Потемкина Т.М. О соотношении алексеевских и замараевских комплексов в лесостепном Зауралье // СА. — 1979. — № 2.
- Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура. РАН. Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера). — СПб., 1994.
- Пушкин А.С. Заметки по русской истории XVIII века // Пушкин А.С. ПСС. — М., 1949. — Т. 11.
- Работнова И.П. Финно-угорские элементы в орнаменте севернорусских вышивок и тканья // Русское народное искусство Севера. — Л., 1968.
- Работнова И.П. Орнамент русской народной одежды XIX — начало XX в. Рукопись книги. НИИХП. — М., 1957.
- Равдина Т.В. Древнерусские литые перстни с геометрическим орнаментом // Древняя Русь и славяне / Под общ. ред. Б.А. Рыбакова. — М., 1978.
- Равдина Т.В. Типология и хронология лопастных височных колец // Славяне и Русь. — М., 1968.
- Разорёнов Ф.Н. Аркаим в нашей стране // Древность: Арьи. Славяне. — М., 1996.
- Разумова А.П., Коски Т.А. Русская свадьба Карельского Поморья / АН СССР Карел. фил. Ин-т яз., лит. и истории. — Петрозаводск, 1980.

- Розенфельдт Р.Л. Керамика // Древняя Русь. Быт и культура / Под общ. ред. Б.А. Рыбакова. — М., 1997.
- Романов Е.Р. Белорусский сборник. — Вильна, 1912. — Вып. 8.
- Русакова Л.М. Традиционное изобразительное искусство русских крестьян Сибири. — Новосибирск, 1989.
- Русские: Историко-этнографический атлас. — М., 1967.
- Русское градостроительное искусство. — М., 1993—1998. — Т. 1—2.
- Русское народное искусство в собрании Государственного Русского музея. — Л., 1984.
- Русский народный костюм из собрания Государственного музея этнографии народов СССР. — Л., 1984.
- Русский народный костюм / ГИМ. — М., 1989.
- Русское народное искусство на второй всероссийской кустарной выставке в Петрограде в 1913 г. — Пг., 1914.
- Рыбаков Б.А. Макрокосмос в микрокосмосе народного искусства // ДИ. — 1975. № 1.
- Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. — М., 1981.
- Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. — М., 1988.
- Рындина Н.В. Технология производства Новгородских ювелиров X—XV вв. // АН СССР. МИА. — М., 1963. — Т. 3, № 117.
- Рязанов П.Е. Древний женский календарь // СЭ. — 1990. — № 2.
- Сабурова М.А. Древнерусский костюм. Одежда // Древняя Русь. Быт и культура / Под общ. ред. Б.А. Рыбакова. — М., 1997 а.
- Сабурова М.А. Реконструкция древнерусской одежды // Древняя Русь. Быт и культура / Под общ. ред. Б.А. Рыбакова. — М., 1997 б.
- Сабурова М.А. Шерстяные головные уборы с бахромой из курганов вятичей // СЭ. — 1976. — № 3.
- Савенков И.Т. О древних памятниках изобразительного искусства на Енисее. Сравнительные археолого-этнографические очерки // Труды 14 археологического съезда в Чернигове / Под. ред. графини Уваровой. — М., 1910. — Т. 1.
- Сагановіч Г.М. Бохан Ю.М. Древнеполоцкое каменное зодчество // Белорусские древности. — Минск, 1967.
- Сальников К.В. Бронзовый век Южного Зауралья // МИА. — 1951. — № 21.
- Сальников К.В. К вопросу о стадиях в памятниках андроновской культуры Зауралья // Первое Уральское археологическое совещание. — Молотов, 1948.
- Сахаров И.П. Сказания русского народа. — СПб., 1841—1849. — Т. 1—2. Кн. 1—8.
- Сборник выписок из лечебника, травника астрологических сочинений и др. — РГБ, собр. В.М. Ундольского. № 1072. Л. 26.
- Свеницкая Віра. Різьблені ручні хрести XVII—XX вв. — Львів, 1939. — Ч. 1.
- Свирин А.Н. Древнерусская миниатюра. — М., 1950.
- Седова М.В. Украшения из меди и сплавов // Древняя Русь. Быт и культура / Под общ. ред. Б.А. Рыбакова. — М., 1997.
- Седова М.В. Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X—XV вв.) / АН СССР. — М., 1981.
- Седов В.В. Восточные славяне в VI—VIII вв. / АН СССР. — М., 1982.
- Сидамон-Эристова В.П., Шабельская Н.П. Собрание русской старины. — М., 1910. — Вып. 1.

Сизов В.И. Курганы Смоленской губернии. Гнёздовский могильник близ Смоленска. — СПб., 1902. — Вып. 1.

Силаев А.Г. Истоки русской геральдики. — М., 2002.

Символ в системе культуры // Лотман Ю.М. Избранные статьи в 3 томах. — Таллин, 1992.

Скарбовенко В.А. Возможные методы симметрии применительно к декриптивному анализу орнамента археологической керамики // Проблемы изучения археологической керамики. — Куйбышев, 1988.

Смирнов М.И. Культ и крестьянское хозяйство в Переяславль-Залесском уезде: По этнографическим наблюдениям // Старый быт и хозяйство переславской деревни. Труды Переяславль-Залесского ист.-худож. и краевед. музея. — Переяславль-Залесский, 1927. — Т. 1.

Смирнова Г.И. Культовое сооружение у с. Доляны на Буковине // АСГЭ. — 1991.

Смирнов М. Ягелло-Яков-Владислав и первое воссоединение Литвы с Польшею. — Одесса, 1868.

Смусин Л.С. К вопросу о спиралевидных мотивах в русском печенье // СЭ. — 1975. — № 5.

Снегирев И.М. Русские простонародные праздники и суеверные обряды. — М., 1837—1839. — Вып. I—IV.

Советский энциклопедический словарь. — М., 1990.

Соколов Г. Этнографический взгляд на казенных крестьян Тульской губернии. — Тульские губернские ведомости. — 1865. — № 12—17.

Соколова В.К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов // АН СССР. — М., 1979.

Соколова Г.В. О локальных особенностях народной одежды Скопинского уезда Рязанской губернии (по материалам экспедиции в Милославский район) // Русское народное искусство. Сообщения. 1996. — Сергиев Посад, 1998.

Соколова Г.В. К вопросу о женской праздничной одежде Скопинского уезда Рязанской губернии (по материалам экспед. в Скопинский район Рязанской области) // Сергиево-Посадский музей-заповедник. — М., 2000.

Соллогуб В.А. Русская простонародная вышивка как первообраз своенародной орнаментики. — М., 1872.

Соломоник Э.И. Сарматские знаки Северного Причерноморья / АН Укр. ССР. — Киев, 1959.

Спирина Л.М. Древнерусское прикладное искусство. СПГИХМЗ. — Н. Новгород, 1994.

Списки населенных мест по сведениям 1859—1870 гг. — СПб., 1862—1875. — Т. 1—49.

Спицын А.А. Гнездовские курганы в раскопках С.И. Сергеева // ИАК. — СПб., 1905 б. — Вып. 15.

Спицын А.А. Материалы по археологии. Древности бассейнов реки Оки и Камы. СПб., 1901. — Вып. 25.

Спицын А.А. Могильники с каменными кистами в Виленской губ. // Известия Археологической комиссии. — СПб., 1904. — Вып. 12.

Спицын А.А. Древности Камской чуди. — СПб., 1902.

Спицын А.А. Владимирские курганы // ИАК. — СПб., 1905 а. — Вып. 15.

Спицын А.А. Курганы С.-Петербургской губернии в раскопках Л.К. Иванова. — СПб., 1897.

Станюкович А.К. Раннеславянское поселение в окрестностях Звенигорода // Археологические открытия, 1996. — М., 1997.

- Стасов В.В. Славянский и восточный орнамент. — СПб., 1887.
- Стасов В. В. Русский народный орнамент. — СПб., 1872. — Вып. 1. Шитьё, ткани, кружева.
- Стасов В.В. 1887 г.
- Степи в эпоху средневековья (IV—X в.). — М., 1981.
- Степи Евразии в эпоху средневековья. — М., 1981.
- Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. — М., 1989.
- Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. — М., 1992.
- Стоколос В.С. Культура населения бронзового века Южного Зауралья. — М., 1972.
- Суздалёв В.Е. Великие Чудотворные. — Новгород, 1994.
- Суров М.В. Вологодчина: не востребованная древность. — Вологда, 2001.
- Сумцов Н.Ф. Культурные переживания. — Киев, 1890.
- Сумцов Н.Ф. Писанки. — Киев, 1891.
- Сумцов Н.Ф. Символика славянских обрядов / Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. — М., 1996.
- Таряников М.В. Материалы по этнографии Корочанского уезда: село Стрелица // Курский сборник. — Курск, 1912. — Вып. 7.
- Тарунин А.В. Сакральный символ. История свастики. — М., 2009.
- Тевяшов В.Н. Отчёт о раскопках в Острогжском уезде 1900 — 1901 год // Тр. Воронежской учёной архивной комиссии. — Воронеж, 1902. — Вып. 1.
- Тейлор И. Происхождение арийцев и доисторический человек. Исследование по доисторической этнологии и цивилизации в Европе. — М., 1897.
- Теплоухов С.А. Древние погребения в Минусинском крае // Материалы по этнографии. — Л., 1927. — Т. 3, вып. 2.
- Терещенко А.В. Быт русского народа. — М., 1999. — Ч. 2–3.
- Топоров В.Н. Др.-греч. sem- и др. (знаковое пространство, знак, мотивировка обозначения знака; заметки к теме) // Балканские чтения. Балканские древности. — М., 1991. — Т. 1.
- Тульцева Л.А. Современные праздники и обряды народов СССР / АН СССР. — М., 1985.
- Уваров А.С. Атлас к исследованию о мерянах и их быте. — М., 1872 а.
- Уваров А.С. Меряне и их быт по курганным раскопкам // Труды Первого Археологического съезда в Москве 1869 г. — М., 1871.
- Уваров А.С. Меряне и их быт по курганным раскопкам. — М., 1872 б.
- Ульянов А.В. Русская символика: Краткая энциклопедия с картинками. — М., 2001.
- Фадзеева В.Я. Белорусская народная вышивка. — Минск, 1991.
- Фадеева И.Е. Символ в системе культуры: Теория и феноменология. Диссертация на соиск. уч. ст. докт. философ. наук / РПГУ им. А.И. Герцена. — СПб., 2003.
- Фитц А. «Звезданулись»: Как звезда и свастика чуть не стали символами Красной Армии // Дайджест. — № 13 (44).
- Флиер А.Я. Культура // Культурология. XX век: Энциклопедия. — СПб., — 1998. — Т. 1. А—Л.
- Фрейтаг И.П. Основы трудового обучения младших школьников на материале традиционной культуры Русского Севера. — СПб., 2001.
- Фрейтаг И.П., Л.Л. Аникина. Жилище. Детям о традиционной культуре. — СПб., 2004 а.

Фрейтаг И.П., Л.Л. Аникина. Природа и человека. Детям о традиционной культуре. — СПб., 2004 б.

Фролов И.К. Фибулы-броши с выемчатой эмалью // Восточная Европа в I—II тыс. н. э. АН СССР. (КСИА. № 140).

Формозов А.А. Камень «Щеглец» близ Новгорода и камни-следовики // СЭ. — 1965. — № 5.

Формозов А.А. Русские археологи в период тоталитаризма. Историографические очерки. — М., 2006.

Фосс М.Е. Древнейшая история севера Европейской части СССР // МИА. — М., 1952. № 29.

Фурсова Е.Ф. Традиционная одежда русских крестьян-старожилов Верхнего Приобья (конец 19 – начало 20 в.). — Новосибирск, ИАНИЭ СО РАН, 1997.

Ханенко Б.И., Ханенко В.Н. Древности Приднепровья. — Киев, 1899. — Вып. 1; 1899. — Вып. 2; 1900. — Вып. 3; 1901. — Вып. 4; 1902. — Вып. 5; 1907. — Вып. 6.

Ханенко Б.И., Ханенко В.Н. Древности Русские. Кресты и образки. — Киев, 1889. — Вып. 1.

Ханенко Б.И., Ханенко В.Н. Древности Русские. Кресты и образки. — Киев, 1900. — Вып. 2.

Харузина В.Н. Этнография. — М., 1909. — Т. 1.

Хлопин И.Н. Проблемы происхождения культуры степной бронзы // КСИА. 1970. — Вып. 122.

Холостенко Н.В. Исследования Спасского собора в Чернигове // Реставрация и исследования памятников культуры. — М., 1990. — Вып. 3.

Хорошев А.С. Замки, ключи, принадлежности // Древняя Русь. Быт и культура / Под общ. ред. Б.А. Рыбакова. — М., 1997.

Чагин Г.Н. Окружающий мир в традиционном мировоззрении русских крестьян Среднего Урала. — Пермь, 1998.

Черепнин А. Зарайские курганы // ТРУАК. — Рязань, 1898. — Т. 13. — Вып. 1.

Чернецов А. В. О декоре купола Большого Сиона 1486 г. // СА. — 1985. — № 3.

Чернецов В.Н. Орнамент ленточного типа у обских угров // СЭ. — 1948. — № 1.

Чернецов В.Н. Древняя история Нижнего Приобья. — 1953. — МИА. — № 35.

Чернецов В.Н. К вопросу о месте и времени формирования уральской (финно-угро-самодийской) общности: Международный финно-угорский конгресс. — Бухарест, 1963.

Чернецов В.Н. К вопросу о месте и времени формирования финно-угорской этнической группы: Тез. докл. «Методология этногенетических исследований». — М., 1951.

Черниговские губернские ведомости. — 1854.

Шабельская Н.Л. Русская старина: Собрание Н.Л. Шабельской. — М., 1893. — Т. 1—3.

Шангина И.И. Образы русской вышивки на обрядовых полотенцах XIX—XX веков. Автореферат дисс. на соис. уч. ст. канд. ист. наук. — СПб., 1976.

Шарабарина Т.Г. Традиционный костюм русских крестьян-старообрядцев на Рудном Алтае (конец 19 – первая треть 20 вв.). Из фондов Восточно-Казахстанского областного музея. Вып. 2. Традиционные рубахи русских крестьянок. — Усть-Каменогорск, 2011.

Шарабарина Т.Г. Традиционный костюм русских крестьян-староверов на Южном и Юго-Западном Алтае в первой половине 20 вв. Из фондовых коллекций Восточно-Казахстанского областного архитектурно-этнографического и природно-ландшафтного музея-заповедника. — Усть-Каменогорск, 2007.

Шаховская С.Н. Альбом народной вышивки / Предисловие Ф. Буслаева. — СПб., 1885.

Шейкин А.Г. Знак // Культурология. XX век: Энциклопедия. — СПб., 1998 а. — Т. 1. А—Л.

Шейкин А.Г. Знаковая система // Культурология. XX век: Энциклопедия. — СПб., — 1998 б. — Т. 1. А—Л.

Шитова Н.И. Традиционная одежда уймонских старообрядцев. — Горно-Алтайск, 2005.

Шляпкин И.А. Древние русские кресты. — СПб., 1906. — Т. I. Кресты Новгородские до XV в., неподвижные и не церковной службы.

Шовкопляс И.Г. Некоторые итоги исследования Мезинской позднелитической стоянки в 1954-1956 гг. (Предварительное сообщение) // СА. — 1957. — № 4.

Шпенглер О. Закат Европы. — М., 1993. — Т. 1. Гештальт и действительность.

Штомпель Л.А. Основные понятия культурологи // Культурология / Под ред. Г.В. Драча. — Ростов н/Д, 2003.

Штыхов Г.В. Города полоцкой земли (IX—XIII вв.) / АН БССР. — Минск, 1978.

Штыхов Г.В. Древне-полоцкое каменное зодчество // Белорусские древности: Докл. на конф. по археологии Белоруссии. — Минск, 1967.

Шубников А.В., Копцик В.А. Симметрия в науке и искусстве. — М., 1972.

Щербатов М. О повреждении нравов в России // «О повреждении нравов в России» князя М. Щербатова и «Путешествие» А. Радищева, с предисловием Искандера. — Лондон, 1858.

Щукин М.Б. Черняховские «чары» из лепесовки // Памятники древнего и средневекового искусства: Проблемы археологии / СПГУ. — СПб., 1994. — Вып. 3.

Эдельман Д.М. «Молекулы адгезии клеток» и их роль в эмбриональном развитии // Наука и жизнь. — 1984. — № 8.

Энеолит СССР / АН СССР. — М., 1982.

Эпоха бронзы лесной полосы СССР / АН СССР. — М., 1987.

Якушкин Е.И. Живая старина. — СПб., 1892. — Вып. 1.

Zharnikova S. Archaic motifs in north [...] // Information Bulletin. — М., 1984.

## Архивные документы

Архив РЭМ. Ф. 7, оп. 1, д. 1078, л. 32 (Орловская губ., Орловский уезд).

БАН. Травник 45.8.175. Конец XVIII в.

РНБ, Ф, 16, IV, л. 17 об.

РНБ. Музейное собр. № 4492.

РЭМ. Описание собраний. № 10154, 8762, 8729, 6754, 5156, 5086, 5501, 3969, 3966, 2051, 904, 641, 496, 342, 356.

ЦГАЛИ. Ф. 1455, оп. 1, ед. хр. 51, л. 6.

ЦХСД. Ф.6. Оп. 1. Д. 79. Л. 64, 65.

Павел Иванович Кутенков,  
кандидат культурологии

Андрей Геннадиевич Резунков,  
доктор философии

## **Ярга-крест и свастика: народная исконь в науке**

Научно-методическое издание

Редакция

Редактор *О.Н. Путин*

Литературное редактирование *Е.М. Богданова*

Вёрстка *П.И. Кутенков*

Корректор *Е.М. Богданова*

Присылать суждения, вопросы и отзывы по эл. адресу: [yarga.spb@mail.ru](mailto:yarga.spb@mail.ru)

Дополнительный тираж 300 книг. Заказ № 101

---

Подписано в печать 19. 11. 2013 г. Формат 60 x 84 1/16. Объём: 10,7 печ. л.

---

Отпечатано в типографии ООО «ПетроБук»,

Санкт-Петербург, Большая Монетная ул., дом 16

